

63.3(2Р-4Ря)
С 604

СБОРНИК I

Д. Солодовников.

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ РЯЗАНСКИЙ.

Прошлое Рязани в памятниках старины.

„Дела давно микувших дней“
„Преданья старины глубокой“

Издание Общества Исследователей Рязанского Края.

5-926612

К5
ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО КРАЯ.

СБОРНИК I.

Лидин Сергей
Книжный магазин
Полеминский
Рязань. 30 июля 1928
Длинов

Д. Солодовников.

63.3(2P-1P2)

C 604

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ РЯЗАНСКИЙ.

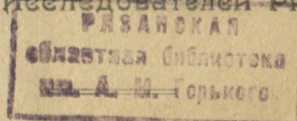
Прошлое Рязани в памятниках старины.

„Дела давно минувших дней“,
„Преданья старины глубокой“.

Б-926612

Издание Общества Исследователей Рязанского Края.

РЯЗАНЬ.

Государственная типография.

1922.

54 16

Всего 100 экз.
в том числе 5 экз.
для библиотеки
и 95 экз. для
распределения
по библиотекам
и клубам.

Р. Ц. 1/VI—1922 г. Рязань.

Заказ № 934.

Тираж 1000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Не для ученых людей и не для знатоков рязанской старины написана эта книга: ученые люди и знатоки рязанской старины знают гораздо больше меня, а если они чего не знают, то я и подавно не знаю. Писал я для людей простых, не ученых и для учеников, чтобы они, прочитав эту книгу, хоть немного узнали старину того города, где живут.

Всего я описать не мог: многое мне не известно. Есть у меня, конечно, и ошибки. Утешаю себя надеждой на то, что те, кто больше меня знают, напишут такие же книги, только гораздо лучше.

Горячую благодарность приношу я всем тем добрым, отзывчивым людям, которые помогли мне в моей работе.

Д. Солодовников.

Рязань, январь 1918 г.

Старина незапамятная.

Давным давно, в незапамятные времена, когда Рязани и в помине не было, а русским духом в этих местах даже и не пахло, жили уже тут люди: там, где теперь стоит церковь Николы Высокого и Бутырская улица, на высоком речном берегу было их селение, а около того места, где теперь село Борки, было кладбище. Это кладбище ученые разрыли, нашли могилы, а на буграх около кладбища разрыли даже землянку, остатки жилья людей, что жили тут в далекие стародавние времена; внутри землянки нашли угли, золу, мелкие куски разбитых булыжников и сбломки глиняных горшков; ученые думают, что эти дробленные камни клали в огонь, а когда они раскалятся, бросали в горшки с водой, чтобы воду ими подогреть; и внутри землянки и кругом нее попадались ученым кости животных, особенно кабана и лося, рыб и птиц; крупные кости, в которых был мозг, оказались разбитыми. Разобрались во всем этом ученые и догадались, что люди, которые в ту давнюю пору тут жили, промышляли охотой и рыбной ловлей, а землю не пахали и хлеба никакого не сеяли и скотины никакой домашней не знали, не знали они и железа и меди и делали топоры и молотки и всякую снасть из дерева, камня да кости, а добывать огонь тогда люди умели и даже пищу на огне готовили. В 1908 году весной вода выходила из берегов два раза и очень испортила дорогу в Борки; стали эту дорогу поправлять и для этого рыли землю; и когда рабочие рыли землю, нашли они какие-то камни; эти камни выпросил у них один гимназист и отдал их в Архивную комиссию; когда их рассмотрели в Архивной комиссии, то оказалось, что рабочие разрыли целую мастерскую, где когда-то в старину из кремня приготавливали наконечники для копий, стрел и другие вещи.

В Рязанском историческом музее есть разные предметы, которые сохранились от того стародавнего времени, есть тут многое кое что и из того, что найдено в Борках: есть тут кремневые наконечники для стрел, есть каменные топоры, есть камни, которыми обивали кремень и другие камни, делая

разные орудия; черепки посуды, которую делали люди, что когда то в старину жили в здешних местах. Есть там и кости диковинного зверя мамонта, оленя, пещерного медведя и других зверей, что в совсем уже незапамятные времена водились в этих местах.

Годы шли за годами, века за веками, а селение все стояло, только менялось житье—бытье людей.

Из за темных дремучих лесов с далекой стороны по рекам и речушкам, приезжали к ним иноземные люди за соболями, за бобрскими шкурами, за медом и воском за рабами и рабынями, а впромен давали цветные ткани, бусы, бронзовые обручи,— гривны, запонки, кольца, наконечники для копий и прочие предметы из бронзы и железа, и стали здешние люди забывать об орудиях из камней, кости, и пошли у них в ход бронза и железо; завелась в это время у них и домашняя скотинка: овцы, свиньи, лошади. И об этом ученые догадались, когда разрыли могилы около Борок: много могил они разрыли таких, в каких не было каменных орудий, а были орудия и разные вещи из бронзы и железа.

В историческом музее есть многое множество разных вещей из бронзы и железа; чего чего только тут нет: железные наконечники копий, железные удила, бронзовые пряжки: ими застегивали на плече накидки; кольца такого вида, как змея, что обвилась около чего-нибудь: обручи—гривны, их надевали на шею; бронзовые круги—их вешали на грудь, украшения в роде колокольчиков, ими обшивали края одежды; есть тут даже остаток косы какой то тогдашней женщины. Все это ученые нашли в могилах около Борок.¹⁾

Что же это за люди жили здесь в далекие, дальние времена?

Кто жил во времена незапамятные, ученые догадаться не могут; а догадались они о том, что к этим неизвестным людям пришли люди финны и покорили их и стали здесь жить. Об этих финнах и память осталась в здешних местах: если посмотреть из рязанского кремля вдаль за Оку, увидишь: синеются леса, это начинается край, что зовется Мещера, а мещерой и назывался тот финский народ, что ког-

¹⁾ Обо всем о том, как жили люди здесь, в Рязани, во времена незапамятные, есть очень хорошая статья А. И. Черепнина: „Очерк доисторического прошлого Рязанского края“. Она помещена в сборнике „Празднование 800—летия г. Рязани“, изданном Рязанской Ученой Архивной Комиссией.

да-то в старину здесь жил; там, за Окой, верстах в 13 от Рязани, есть село Аграфенина Пустынь; жителей этого села считают потомками этих самых мещеряков¹⁾).

Лет так 700 и больше после Рождества Христова с далекой стороны, с Азовского моря, по Дону, Проне и Оке пробрались сюда хазары. У них было большое царство, и много племен платили дань их владыке—кагану. Пробрались они сюда и заставили здешних людей платить дань их кагану.

А в ту же пору с западной стороны по рекам и речушкам шли сюда славянские переселенцы, помаленьку, полугоныку, шли и селились. Шли они с верхней Оки—это были вятичи, шли с верхней Волги—это были кривичи, а потом потянулись переселенцы и с далекой Киевской стороны.

Сначала это были простые люди, кому жилось плохо на родной стороне, кто искал счастья на новых местах, а потом вслед за ними приехали сюда и князья, отбили эту страну у хазар и стали собирать дань со здешних жителей; а чтобы они платили дань, как следует, без недобора, и не бунтовали, стали князья строить городки, в городках селили ратных людей смотреть за старожилками.

¹⁾ Об этом сказано в книге „Россия“ Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В. П. Семенова. Том второй. Среднерусская Черноземная область. В этой книге есть очень подробное и очень хорошее описание Рязанской губернии. Если кому захочется узнать, где можно прочесть подробнее о Рязанском крае, тот узнает это в трудах Рязанской Архивной Комиссии за 1905 год, выпуски 1, 2 и 3. Там помещены „Материал для библиографии Рязанского Края“, составленные свящ. И. Добролюбовым.

Как Переяславль основали?

Лет 800 тому назад жил—был в городе Муроме князь Ярослав Святославич *), внук Ярослава Мудрого, правнук св. Владимира. Он много заботился о своей земле: обращал язычников в Христову веру, строил города. Владел он и теми местами, где теперь Рязанская губерния, и здесь ставил города; а когда он ставил города и для них выбирал место, приглянулось ему местечко, где теперь стоит Рязань: тут и Ока близко и теперешняя Павловка и Вожа недалеко, тут и селенье большое, а в нем—богатый торг. Посмотрел он это место и поставил подле селенья городок на крутом высоком речном берегу.

Там, где теперь архиерейский сад, были в те старые годы два озера: одно у северо-западной части этого сада, и называлось оно Быстрое, а другое у юго-восточной части сада, называлось оно Карасево. Здесь, у озера Быстрого стояла когда-то церковь Николы Старого, и тут-то вот и заложил князь Ярослав новый город, должно быть, и назвал его Переяславлем, а реки, что в том месте текли, одну Трубежем, а другую Лыбедью. Далеко, далеко в Киевской стороне тоже стоял город Переяславль на реке Трубеже, а в Киеве текла речка Лыбедь. Видно, вспомнил князь Ярослав родимый Киевский край, когда строил новый городок, а вспомнивши далекую родимую сторону, он и имена оттуда взял и для города и для рек, что около него протекали.

Случилось это в 1095 году после Рождества Христова, а записано про это в рукописной псалтири, что до сих пор сохраняется в библиотеке бывш. Рязанской Духовной Семинарии. В этой псалтири на оборотном листе перед месяцем сентябрем после канона Честному Кресту написано так: „В лето 1095 заложен бысть град Переяславль Рязанска—около церкви Святого Николы старого.

*) В те времена у многих было два имени: одно славянское, другое греческое: и у князя Ярослава было другое имя—Константин. Князь Ярослав—Константин скончался в Муроме в 1129 году и погребен вместе с детьми своими—Михаилом и Феодором, в построенной им Благовещенской церкви. Тут же погребена и жена его Ирина. Князь Ярослав—Константин и сыновья его Михаил и Феодор причислены к лику святых. Память их совершается 21 мая.

В Историческом музее есть фотографический снимок с того самого места семинарской псалтири, где написано про основание Переяславля.

В ту пору Муромские князья владели и Рязанской землей: это было одно княжество—Муромо-Рязанское, и стольным городом у него был Муром, а Рязань была городом младшим, и туда уходили и князья младшие, которых обижали дяди и старшие братья. А потом Муром и Рязань друг от друга отделились и стали жить каждый город своей особой жизнью, и тогда Рязанская земля стала Рязанским княжеством, и князья Рязанские становились все сильнее и сильнее, а Муромские князья все слабели. А стольным городом у Рязанских князей была Рязань, что стояла там, где теперь село Старая Рязань *).

Когда то в старину это был большой богатый город, с каменными храмами, с княжескими хоромами, со стенами и башнями, а теперь его вовсе нет. И случилось это вот как.

*) Очень хорошее описание истории Рязанского княжества с самого древнего времени и до тех пор, как оно потеряло самостоятельность, есть в книге Д. И. Иловайского: „История Рязанского княжества“. Д. И. Иловайский родился в Раненбурге Ряз. губ. в купеческой семье. Учился он в Рязанской гимназии, окончил ее в 1850 году и поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. В 1854 году он университет кончил и потом был четыре года учителем истории в Рязанской гимназии, отсюда он перешел в Московскую третью гимназию, а в 1860 году его удостоили степени магистра истории, и он стал читать лекции в университете, только читал он лекции недолго, скоро вышел в отставку. Д. И. Иловайский написал очень много книг и статей, а за книгу „История Рязанского княжества“ удостоен степени магистра истории.

Как Переяславль сделался стольным городом?

Время шло да шло .. С тех пор, как заложил князь Ярослав Переяславль, прошло больше ста лет, и много за это время случилось в Рязанской земле и доброго и злого...

Князья подымали усобицы и между собой и с суздальскими князьями, а те князья жили за Окой по реке Клязьме и много старались, как бы взять Рязанскую землю под свою руку. Много тут было пролито крови, много пролито слез...

В такое жестокое время приходилось много заботиться о том, чтобы кругом городов были крепкие стены, валы, рвы. И о Переяславле Рязанском тогда заботились, чтобы был он получше укреплен. Жил в ту пору, лет 700 тому назад, епископ Ассений, был он епископом Муромо-Рязанским. Много он радел о своей пастве, позаботился он и о Переяславле и благословил строить около него новые стены, должно быть, стены, „ostroга“.

В ту пору как раз приходилось рязанским князьям много воевать с суздальскими князьями.

Есть не далеко от Переяславля, верстах в 12, Ольгов монастырь. Вот около этого монастыря на крутом холме у речки Гусевки, что пала в Оку, стоял городок Ольгов. Здесь, под Ольговым городком в 1207 году, лет 700 тому назад, был бой. Дело было так.

Жил в ту пору в городе Владимире знаменитый князь Всеволод. Собрался он как-то раз походом на киевского князя Всеволода Чериного и позвал он с собою в поход рязанских князей. И пошел уже Всеволод в поход и дошел до Оки, а тут два рязанских князя Глеб и Олег донесли ему на других рязанских князей, что они де с врагом его переговариваются. И велел он тогда схватить шестерых рязанских князей, а на седьмого—Михайла, что княжил в Пронске, пошел походом, шел и все по пути разорял, а часть своей дружины он послал вниз по Оке на лодках со съестными припасами.

Против Ольгова городка был остров. Около этого острова и стали суздальские лодки с припасами. Узнали про это переяславцы, вышли из своего города и напали на

суздальскую дружину. На беду, в это время как раз подоспел суздальский полк, его послал Всеволод взять сестные припасы с лодок у Ольгова, и напал этот суздальский полк на переяславцев с другой стороны, и были они разбиты и убежали в город.

А монастырь тут стоит с 1219 или с 1220 года, и поставили его по такому случаю.

Жил в Рязани князь Глеб Владимирович, был он человек завистливый и жестокий, и замыслил он вместе с братом Константином избить своих родичей, других князей, а земли их взять себе. Позвал он их на ряд, на с'езд в Исады, так называлось то место, где теперь село Исады, в Спасском уезде. Шестеро князей приехали, с боярами, со слугами, и позвал их Глеб к себе в шатер и стал угощать, а кругом спрятал своих слуг и половцев. Как был пир в полупире, стали князья пьяны, веселы, тут Глеб и Константин схватили мечи и бросились на братьев. Всех шестерых убили, а вместе с князьями погибло множество бояр и слуг. Оpozдал на с'езд князь Ингварь Игоревич и поэтому остался жив. Попросил Ингварь помощи у владимирского князя Юрия и пошел войной на Глеба, а Глеб с братом убежали к половцам, и не раз приходили они с половцами к Рязани. Наконец, в 1219 году Ингварь их так разбил, что убежали они в степь, и больше уже о Глебе не было ни слуху, ни духу. Есть предание, будто окончил он свою жизнь в безумии.

А князь Ингварь в благодарность за свое спасение поставил монастырь во имя Успения Божией Матери близ городка Ольгова. Этот монастырь и сейчас стоит.

Время шло да шло... и strяслась над Рязанской землей великая беда.

В 1237 году из за темных лесов с широких степей хлынули в Рязанскую землю татары, и послал татарский хан Батый к рязанским князьям, пронским и муромским сказать: „Подавайте нам десятину от всего—от коней, от скота, от людей“. Отвечали им князья: „Когда из нас никого не останется в живых, тогда все возьмите“, а сами послали к соседу, к владимирскому князю и к родным князьям черниговским просить помощи. Соседи и родные отказали, и пришлось рязанским князьям своими силами обороняться от татар.

Чтобы как-нибудь протянуть время и собраться с силами, послал рязанский князь Юрий своего сына Федора к

Батыю с подарками просить не воевать Рязанской земли, а с ним послал и бояр, а среди бояр один зло имел на князя Федора, и стал он Батыю говорить, что у князя де Федора жена очень красива и царского рода. И сказал Батый Федору, чтобы он отдал ему свою жену, а князь Федор разгорячился и говорит: „Нельзя нам христианам, отдавать своих жен тебе нечестивому царю и безбожному; коли нас преодолеешь, тогда и женами нашими владеть начнешь“. Как услышал это Батый, вскипел он великим гневом и велел убить князя Федора.

С князем Федором был пестун его, Аполоница. Спрятал он тело Федора, а сам поехал домой. Федор был князем в городе Красном. Осталась там у него жена, княгиня Евпраксия с сыном Иваном, и все она поджидала мужа, выходила на высокий княжеский терем и смотрела в даль на дорогу. Только не дождалась она мужа, приехал к ней мужнин дядька один, без князя; рассказал он ей про мужа; не стерпела княгиня Евпраксия: как была с маленьким сыном на руках, бросилась она с терема и разбилась до смерти. В старину „убиться“ говорили „заразиться“ и назвали, говорят, город Красный с той поры Зарайском, а потом из этого вышло слово Зарайск.

Там, в Зарайске, и сейчас стоят три каменных креста, а под ними погребены князь Федор Красный, его жена Евпраксия и сын их Иван.

А татары пошли по Рязанской земле: жгут ее, грабят. Подошли они к Рязани. Бились рязанцы жестоко, а все таки не могли отстоять города: татары его взяли и разорили.

Пошли татары дальше: идут и жгут и грабят и бьют людей до смерти. Прошли Переяславль и подходят к Богословскому монастырю.

Этот монастырь и теперь видно из Рязанского кремля: далеко за лесами видно оттуда белое пятнышко. Это и есть Богословский монастырь. Много народа ходит туда на богомолье, помолиться перед образом св. Иоанна Богослова. Этот образ очень древний. Есть предание, что написал его в греческой земле один мальчик, гусарь. Этот мальчик был бедный маленький мальчик, сиротка и пас гусей. В том городе, где он жил, на воротах был написан образ св. Иоанна Богослова, и очень хотелось ему самому изобразить этого святого. Как бывало гонит он гусей через ворота, остановится и пальцем чертит на песке изображение святого, и ничего у него не выходило, потому что он совсем не умел

рисовать. И так было три года, и все время он молился Богу, что бы Бог помог ему изобразить св. Иоанна Богослова. Вот однажды св. Иоанн ему явился и помог ему поступить в ученики к иконописцу и написать его образ. Один греческий патриарх этот образ прислал в дар какому-то рязанскому князю.

Было это очень давно, и Богословский монастырь стоит тоже очень давно, стоял он еще до татар, только на другом месте.

Вот к этому-то монастырю и подошел Батый с татарами, и приснился, говорят в это время ему сон: будто пришел к нему какой-то старец и строго настрого приказал не трогать монастыря. И Батый ужаснулся и монастыря не тронул, а в образе св. Иоанна узнал он дивного старца и повесил на образ свою золотую печать.

Образ этот и теперь есть в Богословском монастыре. Долго висела на нем и Батыева печать—лет 400 висела, а потом случилось вот что. Был в Переяславле архиепископ Мисаил, понадобилось ему позолотить водосвятную чашу, и приказал он для этого употребить Батиеву печать. А чаша эта и теперь цела: ее можно видеть в Рязанском Епархиальном Древлехранилище*).

А кто пойдет в Богословский монастырь пусть посмотрит он там и живопись на монастырских святых вратах: там изображено сотворение мира. Ученые говорят, что изображение это редкостное; его описывали в ученых книгах и рисунки с него срисовывали**).

Пошли татары дальше: все разоряют, жгут, бьют людей до смерти.

Жил в те времена в Рязанской земле боярин, именем Евпатий Коловрат. В ту пору, как разоряли татары Рязанскую землю, его в Рязани не было, он был в Черниговской земле с князем Ингварем Игоревичем, и пришли к нему туда вести о татарах и поехал он тогда в родную землю. Как увидел он, что наделали татары, собрал человек до 1700 воинов и погнался за татарами и стал бить их задние отряды. Татары удивились, испугались, „уж не мертвые ли“,

*) Это древлехранилище помещается в Архиерейском доме.

**) Кто хочет прочесть подробнее о Богословском монастыре и об образе св. Иоанна Богослова, пусть прочтет книжку: описание Богословского общежительного монастыря, находящегося в Рязанской епархии. Составил священник И. П. С-ов. А про живопись на святых вратах есть статья Н. В. Покровского в трудах Ряз. Арх. Ком. 1888 г. т. III № 2 стр. 23-27.

думают „встали рязанцы?“. Удалось татарам взять в плен одного воина Евпатъевой дружины, и стал его Батый спрашивать, кто он и откуда, а воин отвечал: „я—полка рязанского боярина Евпатия Коловрата, а пришли мы тебя, хана, с честью проводить“. Послал тогда Батый на Евпатия своего богатыря Таврула, и Таврул с Евпатием бился в бою; и рассек его Евпатий на части. Еще больше удивились татары Евпатъевой силе, и послал тогда Батый на Евпатия множество татар на санях, и окружили татары Евпатъев отряд санями и едва его одолели. Тут и Евпатий сложил свою голову...

Разорили татары русскую землю и наложили на нее свою тяжелую руку, и не стало с той поры от них покоя русскому народу, а особенно не стало покоя Рязанскому княжеству: стояло, ведь, оно на краю русской земли.

Как прошли татары русскую землю, все было там разрушено, сожжено, среди обгорелых бревен валялись мертвые тела, живые—кто был в плену, кто разбежался по лесам. Много труда положили рязанские князья, чтобы вернуть в города тех, что остались в живых, чтобы очистить города, выстроить дома, храмы Божьи. Собрались жители и в Рязань, и в Рязани выстроили новые дома и храмы и стены только прежнего житья в ней уже не было: близко очень она была к татарам, по всему видно было, что не бывать Рязани стольным городом, и князья уж не всегда в Рязани жили, все чаще и чаще заглядывали они в Переяславль, все больше и больше там они останавливались, а потом и вовсе там остались жить, и стал Переяславль стольным городом Рязанского княжества: стоял он подальше от татар, в середине Рязанской земли, и отсюда легче было следить за врагами, а особенно за московскими князьями: с каждым годом становились они все сильнее и сильнее, и частенько поглядывали они на рязанские земли и протягивали к ним руки. Очень хотелось им отнять у рязанских князей Коломну, а была она в те старые годы рязанским гордом. Вот осенью 1301 года и пришел московский князь Даниил с полками в Рязанскую землю. Рязанским князем в ту пору был Константин Романович, сын св. Романа. Он пошел к Даниилу навстречу, и возле Переяславля был между ними бой, и Константину кой-кто из его бояр изменили, и от этой их измены Даниил Константина победил и взял его в плен и держал его в Москве в большой чести, хотел было и домой отпустить, да в 1303 году умер, и князем московским стал его сын Юрий; он не отпустил Констан-

тина в Переяславль, а продержал его у себя еще два года и велел убить. Так и осталась с той поры Коломна в руках у московских князей.

В ту же пору, примерно, случилось в Переяславле большое злое дело.

Жил в Переяславле князь Иван Иванович, по прозванию Коротопол. Случилось ему быть в орде и вот, едучи из орды, встретил он дорогой своего двоюродного брата пронского князя Александра: ехал он в орду с данью „с выходом“. Увидал его Коротопол, схватил, ограбил, привел в Переяславль и велел убить. А у Александра был сын Ярослав. Он поехал в орду к хану, привез к нему подарков, и дал ему за это хан ярлык на великое княжение и войско дал ему татарское, чтобы прогнать Коротопола из Переяславля, а Коротопол затворился в Переяславле, целый день отбивался от татар, а ночью убежал. Татары взяли Переяславль и его разбили. Через год после того, в 1303 году, Коротопола убили, а кто и где — неизвестно.

Стали жить рязанские князья в Переяславле, потом перебрались сюда на житье и рязанские епископы, а Рязань все хирела да хирела; лет 400 тому назад стали называть ее уж Старою Рязанью. Прошло после того лет 150 — про город Рязань уже не говорят, говорят про село Старая Рязань. Прошло еще некоторое время — и то место, где был город, совсем запустело: не осталось ни храмов каменных, ни хором княжеских, ни стен, ни башен, остались одни валы да холмы.

Лет около ста тому назад, в 1836 г. купеческий сын из города Спасска Д. Тихомиров стал эти валы да холмы раскапывать и не раз после того там раскапывали землю и нашли основания двух каменных храмов, пол из каменных плит, гробы из тесаного камня, остатки одежды и много разных вещей. Кое-что из этих вещей хранится и в Историческом музее: напр. кресты, блюдо, чашка, формочки, в которых выливали кресты и образа, есть там и один из тех каменных гробов, что нашли в Старой Рязани*).

*) О раскопках в Старой Рязани есть статья А. В. Селиванова в трудах Рязанской Ученой Архивной Комиссии, том V, № 3. 1890 год, стр. 31; еще есть статья А. И. Черепнина: „Кулаковский могильник и городище Старой Рязани“ в трудах Рязанской Архивной Комиссии 1903 г., вып. 1, стр. 115.

Как не стало больше Рязанского княжества?

Лет 400 тому назад стряслась над Рязанской землей беда великая: не стало больше Рязанского княжества...

Есть под Рязанью село Аграфенина Пустынь. Еще лет 70—80 тому назад там был девичий монастырь и стоял этот монастырь очень долго, его основала последняя рязанская княгиня Аграфена Федоровна, потому и назывался он Аграфенина Пустынь. Есть там озеро. Это озеро в полую воду подмывало монастырские стены и монастырские строения, и решили монастырь поэтому отсюда перевести и перевели в Михайлов. Там он и теперь стоит.

После мужа, князя Ивана Васильевича, по прозванию Большие области Третной, осталась княгиня Аграфена жизнь коротать с маленьким сынишкой Иванушкой. Рязанское княжество в ту пору вовсе ослабело, захирело, а московское княжество было сильно, могуче и ничего не стоило Московским князьям взять себе Рязанскую землю, а не трогали ее они потому, что очень уж покорны были рязанские князья: ни в чем они не перечили, ни в чем не прекословили. И княгиня Аграфена во всем покорялась московскому князю Василию, и за ее покорность он не трогал Рязанского княжества, и жило Рязанское княжество в тишине и покое: только в июне 1513 года набежали на Рязанскую землю новые враги русской земли—крымские татары, привел их царевич Бурнаш Гирей. Подступили татары и к Переяславлю, взяли „острог“, а от „города“ их отбили, и они ушли прочь.

Так вот и правила Рязанской землей княгиня Аграфена, а Иванушка тем временем вырос—стал Иваном Ивановичем, великим князем Рязанским. И совсем он не был похож нравом ни на отца, ни на деда, ни на мать, ни на бабу: все они были кротки, уступчивы, а он нравом буен, строптив, горяч, неразумен. На беду, и советники у него были все такие же, и стали они ему втолковывать, как была когда-то Рязань сильна, никого-то Рязанские князья не боялись, никого не спрашивались. Говорили они ему, что московского князя слушать нечего, побороться де с ним не трудно: и Литва и Крым в том деле ему, Ивану, помогут. Наслушался Иван таких речей и в самом деле решил пойти против

Московского князя. Только вот мать ему мешала, власти ему не давала. Позвал Иван крымских татар и отнял власть у матери силой. А все-таки против Московского князя он еще не пошел: для виду был ему покорен, скрывал от него свои мысли.

Среди Ивановых бояр были и московские доброхоты, и донесли эти московские доброхоты московскому великому князю Василью, что рязанский де князь Иван тайком переговаривается с крымским ханом Магмет Гиреем и собирается де он даже на Магметовой дочери жениться. Князь Василий послал звать его в Москву. Тут Иван растерялся: как ему быть: коли ехать—князь Василий его не помилует, а помощи пока ждать не откуда. А пока Иван так раздумывал, князь Василий подкупил самого близкого его человека, кому верил он больше других, и этот человек, Семен Коробьин, уговорил Ивана Василью покориться, поехать в Москву и покорными лъстивыми словами протянуть время. Поехал Иван в Москву, и как только он туда приехал, его схватили, посадили под стражу, мать Аграфену заточили в монастырь, должно быть, в тот самый, который она основала, а в рязанские города разослали московских наместников.

Так вот и не стало больше Рязанского княжества. Случилось это, примерно, в 1520 году.

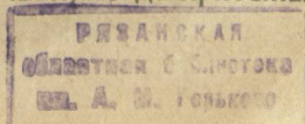
Прошло после того около года. Набежал на Московское государство крымский хан Магмет Гирей и подступил к Москве. Поднялась в Москве суматоха, и в той суматохе князь Иван убежал из Москвы и окольными путями стал пробираться к Переяславлю; он хотел там поднять народ на свою сторону, а как встанет народ на его сторону, тут де и хан Магмет ему против Москвы поможет.

Только ничего у Ивана не вышло: как услышал переяславский наместник Хабар про Магмета да про то, что Иван сбежал с Москвы, он собрал бояр и боярских детей рязанских и заставил их целовать крест на том, что де будут они биться с татарами без измены, будут верны Московскому великому князю и Ивана своим государем называть не будут.

Подступил Магмет под Переяславль, простоял тут несколько дней и ушел дальше не солоно хлебавши.

Если взглянуть из рязанского кремля за Оку, видно недалеко село: это село Шумашь. Говорят, будто в этом селе скрывался князь Иван, когда прибежал к Переяславлю,

Б-926612

отеюда он и с доброхотами своими переговаривался, а как увидел, что ничего у него не выйдет, ускакал в Литву к королю Сигизмунду I.

В Трокском уезде Виленской губернии есть и теперь местечко Стоклишки. Вот в этом местечке и поселился князь Иван, когда убежал в Литву: и местечко и селения, что около него, подарил ему король Сигизмунд, чтобы владел он ими до конца жизни.

На чужбине стал Иван носить богатую польскую одежду из златотканного зеленого и синего атласа, на руках дорогие перстни; завел он у себя множество слуг. А денег у него не хватало, стал тогда он раздавать слугам королевские земли, не спрося у короля позволения, да еще позволял им безобразничать, грабить соседей, брал деньги взаймы, а долгов не платил.

Жил он недолго: в 1534 году умер.

А рязанцы, потеряв свободу, были этим недовольны, горевали, своего князя жалели, только князь Василий бунтовать им не дал: много семей переселил из Рязанского края в другие свои земли, а оттуда перевел народ на их места.

Как Переяславль стал губернским городом Рязанью.

Был Переяславль стольным городом Рязанского княжества, стал теперь он городом Переяславль-Рязанского уезда Московского государства.

Прошло после того еще лет с 200. За это время много кое-чего пришлось повидать и испытать Переяславлю.

Не раз побывали за это время около него татары. Вот, в 1551 году на второй день Рождества Христова набежали на рязанскую землю ногайские татары, и от той татарской войны запустело немало деревень около Переяславля. А лет 13 спустя после того, в 1564 году, пришел под Переяславль крымский хан Девлет Гирей. На беду, ратных людей в Переяславле не случилось. В ту пору под Переяславлем проживал в своей вотчине царя Ивана Грозного любимец Басманов с сыном. Услыхал он о татарах, прискакал в Переяславль и стал распоряжаться, что и как делать. Был он воевода храбрый, бывалый, и так все устроил, что переяславцы Девлета от города отбили, а тут подошли и московские воеводы с полками и отогнали татар. А чего только не перевидал Переяславль в те годы, как началась смута и замутился русский народ! Проживали тогда в Рязанской земле два брата Прокопий и Захар Ляпуновы. Были они люди смелые, горячие, беспокойные, не любили сидеть втихомолку, много кое-чего понаделали они в те смутные годы. Не раз побывал Прокопий и в Переяславле и там затевал свои затеи. Ходили с ним переяславцы и в походы: один раз они с ним и с воеводой с Григорием Сумбуловым ходили на царя Василия Ивановича Шуйского, а другой раз с ним они ходили в ту пору, как поднялось за ним ополчение со всех городов на поляков, а еще переяславцы ходили в поход уж после Прокофьевой смерти с князем с Дмитрием Пожарским, и со всех городов ополчением тоже на поляков.

А жилось в те годы переяславцам очень плохо: как воры начали называться царским именем и пошли убоицы и войны, переяславских служилых людей вотчины и поместья разорены были до конца и все они из усадеб своих

уехали и со слугами своими понабились в Переяславль и там жили. Не было от злых воровских людей тогда покоя. Не совсем далеко от Переяславля в городе Зарайске еще в 1606 году засел поляк Лисовский с казаками, и сидел там года два: пан Лисовский был поляк умный, хитрый и ловкий и не мало он пролил русской крови и не мало наградил русского добра. Еще жил в ту же пору ведомый вор и злодей Иван Заруцкий. Когда стала русская земля приходить в порядок, почуял тут себе Заруцкий беду, собрал он своих казаков и пошел от Москвы прочь, зашел в рязанские места и все разорял, все жег, взял Михайлов, хотел взять и Переяславль, да воевода Бутурлин вышел против него и отогнал. Прошел мимо Переяславля и пан Лисовский со своею шайкой, это было в ту пору, как уж выбрали в цари Михаила. Послали на Лисовского князя Пожарского. Лисовский со своею шайкой, как тень, раз'езжал по русской земле и делал зло. Стал Пожарский за ним гоняться, а он от него убегал: вот в это время и прошел он мимо Переяславля: между Коломной и Переяславлем на Кузьминское село. И черкесы-запорожцы побывали под Переяславлем: острог переяславский захватили, много людей перебили, разорили много деревень; перебили они между прочим, и бортников в бортном ухажьи Богоявленского монастыря, а монастырь этот был там, где село Борки. Это село видно, если взглянуть из рязанского кремля влево, в ту сторону, где солнышко садится.

В ту же пору начали уж очень часто приходить под Переяславль и татары, так часто, что почти что жили без выходу.

Довелось в ту пору потерпеть Переяславлю и от царских слуг: ехал государев посланник в Царьград и по пути заехал в Переяславль, и жил там недели три, а то и больше, и требовал от переяславцев подвод и запасов, а им взять подвод и запасов негде было, и они их ему не давали, а он за это их мучил на провеже...

Прошли годы и сделался в московском государстве царем Петр Великий. Он сродни был рязанцам: в Переяславле у Воскресения Сгонного стояла усадьба его деда Кирилла Полуехтовича Нарышкина, а под Переяславлем у Нарышкиных были поместья: Алешня, Юрасово, Попасово, Желчино. В Жолчине, в 18 верстах от Рязани, и теперь стоит храм во имя св. Николая Чудотворца: этот храм построила мать Петра В.—Наталья Кирилловна.

Хоть и сродни был Петр Переяславлю, а в нем ни разу не побывал, только проезжал он мимо него. Один раз ехал он мимо в 1696 году, ехал он по Оке походом под Азов с боярами и служилыми людьми. Проезжал он 6 мая, а уж в марте и апреле стали к его приезду готовиться: заготавливали всякие столовые, мясные, рыбные запасы и напитки. Еще раз проезжал он мимо Переяславля 19 мая 1722 года тоже по Оке, и тогда в честь него стреляли из трех пушек и истратили 23 фунта пороху. Осенью того же года рязанскому воеводе пришлось много хлопотать, потому что назад Петр В. проезжал уже на лошадях через рязанские земли: приходилось готовить подводы, ставить светлицы и избы черные с сенями между ними и смотреть за тем, чтобы в тех светлицах и избах была чистота и гадю тараканов и сверчков не было, потому что Петр терпеть не мог тараканов и в дороге бывало только тогда войдет в покои, когда ему скажут, что ни сверчков, ни тараканов там нет.

Петр Великий стал все устраивать по новому в Московском государстве, завел он новые порядки и по местам, в областях: разделил государство на губернии, губернии разделил на провинции, а провинции на уезды. Тогда Переяславль рязанский был приписан к Московской губернии и сделан провинциальным городом, в нем жил воевода и управлял переяславской провинцией. Случилось это в 1719 году.

Прошло с тех пор лет 59. За это время много воды утекло, а в Переяславле были кое-какие происшествия.

В 1771 году в конце сентября появилась в Переяславле моровая язва. Для избавления от нея с 29 сентября и до 19 октября в соборе и по всем церквам совершалось торжественное богослужение перед Оедотьевской иконой Божией Матери. И на дом к себе брали многие жители этот образ. И вскоре зараза прекратилась: вымерли от нее только два двора в Рыбачьей слободе и один семинарист *).

А через три года после того, в 1774 году 20 сентября было в Переяславле большое торжество: праздновали Кучук-Кайнарджийский мир, которым кончилась война с турками. Устроил это торжество предводитель дворянства гвардии капитан и ордена святого Губерта кавалер священной Римской и Российской империи князь Петр Александрович Меншиков, внук знаменитого Александра Даниловича Меншикова. Сначала в Успенском соборе служили обедню,

*) Об этом написано в книге: „Дополнительные о Рязанской епархии сведения архимандрита Иеронима“. Издание Ряз. Уч. Арх. Ком.

потом молебен, а после молебна у предводителя был обед. А зал, где был обед, был украшен: в середине имя императрицы, по обоим сторонам—лагери русский и турецкий, потом имя великого князя, а на краях „царствующие грады“ — Петербург и Москва. На каждой картине надпись стихами *). Во время стола „при питии“ за здоровье императрицы и великого князя палили из пушек. А вечером был бал и маскарад и иллюминация с вензелем императрицы. Посмотреть на такую диковинку, как иллюминация, собралось множество народа.

Было это, когда царствовала Екатерина II. Вот она и приказала в 1778 году учредить Рязанское наместничество, а Переяславль сделать главным городом рязанского наместничества и называть его не Переяславлем, а Рязанью, и приказано еще было перестроить его по новому плану и чтобы гербом Рязани было изображение рязанского князя Олега.

По случаю открытия рязанского наместничества 16 декабря 1778 года было в Рязани большое торжество. Началось оно с того, что в Успенском соборе преосвященным Симоном была торжественно совершена литургия, а после нее молебен. В конце молебна, когда протодьякон возгласил многолетие императорской семье, стали палить из пушек и звонить в колокола, и звонили в колокола во всех городских церквях весь тот день.

Когда наместник вышел из собора, архиерейские певчие, разделясь на два хора, стояли на возвышениях у соборного крыльца и пели стихи, а в этих стихах, между прочим, говорилось: „Уставы Екатерины днесь нам открылись, да суд и правда, и с ними все благо течет к нам всегда. О ты, Рязань, восстани и вземли собою, узнай, что ныне к счастью твоему воссияло и воспой песнь, достойную в торжество сие Монархине твоей, да царствует многа лета преславно“...

На крыльце собора и на берегу Трубежа были расставлены картины, украшенные колоннами, пирамидами, гирляндами из зелени. На одной картине была изображена Синайская гора, а на ней Моисей со скрижалями; на другой—портрет Екатерины II, окруженный сиянием, портрет держат два ангела, а у них в руках свитки с надписями: у

*) Эти стихи можно прочесть в Трудах Архивной Комиссии за 1890 год № 3, стр. 26 и 27.

одного: „Достойна ты венцев небесных“, а у другого: „И от земных похвал нелестных“. Под портретом, на земле стоят четыре рязанских князя и смотрят на него. На берегу Трубежа была поставлена картина в 3 аршинах ширины и в 4 вышины. Посреди этой картины была изображена буква Е с короной, на верху прозрачные облака, а выше их сияние; внизу—налево рязанский герб, а направо герб наместника. Под картиной были написаны стихи; в них прославлялась и Екатерина и наместник. На берегу Трубежа стояло еще две картины. На них были изображены ангелы со свитками в руках, а на свитках было написано: „Счастлив концем тебе сей год, Рязань; свет новый на тебя в нем излиян.“

У семинарских ворот, мимо которых наместник ехал в наместничий дом, тоже стояла картина. На ней была изображена гора Геликон, а по бокам ее горы Парнас и Пидн. На верху Геликона—стол, а на нем разогнутая книга с надписью: Уставы Екатерины II. На горах изображены музы, у них в руках изображения начальных букв имени Императрицы и ее сына. А в самом верху картины Аполлон на облаках. Около этих изображений были написаны стихи, прославлявшие Екатерину.

От картины до ворот и за воротами по улице были расставлены елки, а ворота и забор убраны были зеленью. Тут же стояли семинаристы.

Когда наместник и вся рязанская знать проезжали мимо семинарии, семинарский хор пел стихи, в которых прославлялась Екатерина.

После обедни в наместнический дом собрались дворяне и там наместник генерал—поручик М. Н. Кречетников угощал их обедом. На обед приехал и преосвященный Симон и, как вошел в зал, произнес речь и поднес наместнику хлеб и соль, образ архистратига Михаила и оду*) от рязанской семинарии. Ода эта была очень длинная; начиналась она так:

Восторгом озарясь глубоким,
Ты ясно видишь, о Рязань,
Как даром днесь тебя высоким
Монархини счастливит длань.
Сия тебя мать обновляет,
В твоих пределах насаждает
Правленья нового эдем.....

*) Стих.

А вечером была иллюминация: около картин и на улицах зажжены были плошки.—

Прошло после этого лет 18. Екатерина Великая умерла, стал царствовать Павел I. Вот он приказал, чтобы вместо наместничеств были губернии, тогда Рязань сделалась губернским городом. Было время, с 1820 года до 1827—в Рязани жил даже генерал-губернатор, который управлял шестью губерниями.

Когда учреждено было Рязанское наместничество, устроены были в Рязани „присутственные места“. Сначала они помещались в деревянном доме на теперешней Московской улице на выезде из города, а 3 августа 1786 года заложено было теперешнее здание присутственных мест, выстроили его к 1789 году.

Рязанский герб.

На рязанском гербе изображают самого знаменитого рязанского князя Олега Ивановича.

Олег Иванович жил больше 500 лет тому назад. Был он—князь храбрый, умный, большой хлебосол, любил по-пировать, повеселиться; младших родичей, других рязанских князей, держал он в послушаньи, не давал им ссориться друг с другом, и во всех почти его походах они ему помогали. Свою родную Рязанскую землю любил Олег больше всего на свете и только о том и думал, как бы уберечь ее от врагов, а врагов у нее было много: на севере, за Окой росло Московское княжество и все больше и больше земель забирало себе в руки, с запада—расло и крепло литовское княжество, а с юга из степей то и дело набегали на Рязанскую землю татары, и не было от них покоя: куда ни пойдут, все им на пути Рязанская земля, все они ее разоряют.

В Москве в ту пору князем был Дмитрий, князь сильный и храбрый. Не давала ему Рязань покоя: хотелось ему взять и рязанского князя под свою руку, чтоб ходил он в его, Дмитрия, воле. А Олегу того не хотелось, и была из-за того между ними большая ссора.

Зимой 1371 года послал князь Дмитрий свои полки на Олега, а повел их знаменитый московский воевода Дмитрий Михайлович Волынский.

В пяти верстах от Рязани есть село Канищево, в старину это место называлось Скорнищево.

Вот тут бой был у Олега с московскими полками, и побили московские полки рязанцев, так что еле убежал Олег с малой дружиной, и рязанским князем в Переяславле сел Пронский князь Владимир. Только все-таки Олег прогнал его из Переяславля и привел его в свою волю: в этом ему помог татарский Мурза Салахмир. А князь Дмитрий больше не стал воевать с Олегом и с ним помирился, потому что нужна ему была Олегова помощь и против Литовского князя и против татар.

Только от московской дружбы мало пользы было Олегу. Татары и раньше разоряли Рязанскую землю: в 1365 году неожиданно негадано напал на Переяславль ордынский князь Тагай, привел с собой и татар и мордву, взял город, разграбил, сжег и город и близкие села и деревни. Много награбили татары всякого добра, много взяли людей в плен и поехали назад потихоньку. А Олег собрал свои полки, позвал на помощь других рязанских князей и погнался за татарами, настиг их, разбил и всю добычу отобрал, а Тагай еле успел убежать.

Теперь, как сдружился Олег с Москвою, еще пуще стали татары обижать Рязанскую землю: в 1373 году приходили они на Рязанскую землю, пожгли города, побили множество людей, множество людей взяли в плен и ушли во свояси, а князь Дмитрий хотел было помочь Олегу, да опоздал. Через 4 года после того, осенью в 1377 году сделал набег на рязанскую землю татарский царевич Арапша и Переяславль взял и Олега даже взял было в плен, да он вырвался и убежал, и всего его изранили татары стрелами. Не прошло и года, летом татарский хан Мамай послал своего мурзу Бегича с большою ротою на московского князя Дмитрия и на Олега. Узнал про это Дмитрий и пошел татарам навстречу.

Верстах в 15 от Рязани есть село Ходынино и течет там река Вожа, а около реки Вожи и теперь еще видны какие-то валы.

Вот тут-то и был у Дмитрия бой с татарами, и разбили московские полки татар и долго гнались за ними. Случилось это 11 августа 1378 г.

Олега в этом бою не было.

А Мамай, как узнал про Дмитриеву победу, пришел в великую ярость, а придя в великую ярость, на Олеге отвел свою душу: бросился на Рязанскую землю. Не стал Олег с ним биться, ушел за Оку, а татары взяли Переяславль и сожгли, и сожгли еще множество сел и деревень и увели много народа в плен, и была вся Рязанская земля пуста и огнем сожжена.

После того задумал Мамай поход на Дмитрия и стал собирать несметные силы: и татар собрал и половцев, нанял к себе на службу армян, генуезцев, черкесов, ясов; угорил и литовского князя Ягайлу с ним вместе идти на Дмитрия.

Тут пришел Олег в большое раздумье: от московской дружбы было мало пользы, не давала ему Москва от татар защиты, а татар шли на Москву—несметные силы, и одна была у Олега забота, как бы уберечь ему рязанскую землю, чтобы ни татары, ни московские полки по ней не ходили и войной промеж себя ее не разоряли.

Стал Олег тайком заводить переговоры с Мамаем, уплатил ему „выход“ (дань), обещал ему свою помощь. И с Ягайлой Олег тайком завел переговоры.

Только своего обещания Мамаю Олег не исполнил и никакой ему помощи не дал, а Ягайле он такие писал хитрые письма, что опоздал Ягайла к Мамаю на помощь.

Вышло все так, как хотелось Олегу: ни татарские полки, ни московские походом его земли не разорили, и Ягайла князь Мамаю не пришел на помощь, Олеговы полки были невредимы, а татары от войны ослабли, и у Дмитрия не прежняя были уже силы.

Так вот и не помог Олег Дмитрию, когда бился он с татарами на Куликовом поле. Дмитрий обиделся, а все-таки пока что Олегу мстить не стал.

Прошло после того два года.

Был в ту пору ханом в Орде Тахтамыш. Собрал Тахтамыш татар и пошел на Москву, а путь ему был через Рязанскую землю. Опять у Олега забота, опять его родине грозит разоренье, и задумал он отвести грозу без боя, без ссоры: поехал он к Тахтамышу навстречу, обещал ему помощь, просил, молил не воевать Рязанской земли и, в свою землю не впуская, повел татар около ее границ, указал он даже Тахтамышу на Оке броды.

Только ничего у Олега из этого не вышло. Разорил Тахтамыш Московскую землю и пошел к себе в степь и, идя домой к себе в степи, он пошел через Рязанскую землю и ее разграбил и разорил; а князь Дмитрий еще больше прежнего обиделся на Олега и пошел со своими полками на Рязанскую землю и разорил ее пуще Тахтамыша.

Олег с ним воевать не стал, затаил свою обиду и стал собирать силы. Три года собирал он силы и в 1385 году на самое Благовещение напал на Коломну, взял ее, разграбил и ушел. Дмитрий послал на Олега свои полки. У московских полков сила от прежних боев поослабла, а Олеговы силы были еще свежи, и разбили его полки москвичей.

Стал тут Дмитрий с Олегом мириться, не раз посылал к нему послов, а Олег мириться не хочет, ни на каких послов Дмитрия не смотрит.

Жил в ту пору великий святой—преп. Сергей. Поехал к нему Дмитрий и упросил его помирить его с Олегом.

Собрался препод. Сергей и поехал. Приехал в Переяславль в Филиппов пост в 1386 году и остановился в Троицком монастыре, переночевал, а на другой день по утру пошел пешком к Олегу в город. Долго они разговаривали, и с той поры Дмитрий с Олегом помирились, и была промеж них великая любовь и дружба, и дочь свою Софью Дмитрий выдал замуж за Олегова сына Федора.

С той поры у Олега было две заботы. Первая забота—татары. Олег платил татарским ханам выход, уважали его татарские ханы, дорожили его дружбой, а все-таки обижали татары Рязанскую землю: с той поры, как прошол по ней Тахтамыш, еще раз семь набегали на рязанские уклады татарские мелкие шайки. Приходилось Олегу раза два ходить за ними в погоню.

А другая была у Олега забота—литовские князья.

Стали в ту пору литовские князья очень сильны, на Оке уж захватывали они земли и все ближе подвигались к Рязанскому княжеству.

Литовским князем тогда был Витовт. Очень хотелось ему взять Смоленск, а в Смоленске сидел князем Олегов зять Юрий Святославич. Человек он был беспокойный строптивый, часто ссорился с братьями. Вот в 1395 году и приехал он к Олегу просить, чтобы он рассудил их споры, а Витовт тем временем и взял Смоленск. Олег вступился за Юрия и пошел войной на Литву и много зла сделал Литовской земле, а Смоленск все-таки остался у Витовта.

Не прошло после того и года: на Покров пришел Витовт в рязанскую землю, и пролил он рязанскую кровь, как воду. А Олега в ту пору в рязанской земле не случилось, и никто за нее не вступился.

Затаил Олег злобу на Витовта, ждал три года, собирал силы, и дождался: в бою на реке Ворскле сокрушили татары полки Витовта. На другой год пришел к Олегу зять его Юрий и просил помочь ему вернуть Смоленск: помогут, де, в том ему его смоленские доброхоты.

Пошел Олег со своими полками, подошли они с Юрием к Смоленску, а в Смоленске Юрьевы доброхоты одолели тех, кто был за Витовта, и открыли Юрию ворота. Пошел тогда Олег дальше и вошел в Литовскую землю, разорил, разграбил и ушел с большою добычей.

Через год Олег задумал отнять Брянск у литовцев и послал в поход сына Родослава, и был у Родослава у Любутска бой с литовскими полками. Литовские полки одолели, взяли в плен Родослава, и три года томил Витовт его в темнице.

Тяжело было Олегу слышать о несчастьи сына, пережил он его беду только несколькими днями: 5 июня 1402 г. он умер.

Случилось как-то Олегу с женой княгиней, Ефросиньей, быть в глухом бору на реке Солотче, и встретили они там двух старцев, именем Василий и Ефимий, а откуда были те старцы, никому то неизвестно. Пало в мысль тогда Олегу монастырь построить на реке Солотче. Было это в 1390 г. Есть преданье, что тогда же Олег принял тайный постриг и носил в иноках имя Ионы; только постриг этот был тайный, и Олег остался после того князем. Как пришел к Олегу конец жизни, принял тогда он схиму и во схиме носил имя Иоакима.

Когда он умер, его схоронили в каменном гробу в Покровском храме Солотчинской обители.

Там, где теперь стоит приходская Солотчинская церковь, в старые годы стояла Зачатейская обитель, основала ее княгиня Ефросинья. В этой обители она и постриглась и в иночестве носила имя Евпраксии.

Только три года жила она после мужа, схоронили ее подле Олега.

Покровский собор стоял на высоком берегу Солотчи, а в том краю, везде все песок да песок. В 1769 г. песок на том месте, где был соборный храм, обвалился, и храм разрушился и княжеская гробница. После того спустя некоторое время в монастырской церкви Рождества Богородицы устроили новую гробницу и сложили туда кости князя Олега и жены его Ефросиньи.

Эта гробница и теперь стоит, а над нею висит изображение и князя и княгини. Тут же в соборе хранится и кольчуга Олега. Кто из тамошних крестьян заболит, приходит в монастырь и надевает кольчугу и верит, что от этого будет легче.

Есть изображение князя Олега и княгини Ефросиньи и в историческом музее, есть там также и изображение серг княгини Ефросиньи.

По переяславским укреплениям.

В далекие, старые годы в русской земле жилось беспокойно, тяжело: то и дело подымали князья усобицы, говорили друг другу: „это мое и то мое же“, и ходили войной друг на друга и разоряли русскую землю; разоряли ее и половцы, потом разоряли ее татары, а в смуту—поляки и казаки.

Довелось и Рязанской земле потерпеть от всех этих бед и много врагов повидал на своем веку Переяславль Рязанский, а больше всего потерпел он от татар: ведь Рязанская земля была земля украиная, за нею шло „дикое поле“, и приходилось рязанцам постоянно быть на стороже.

Сперва обижали Рязанскую землю татары Золотой Орды, а лет с 400 тому назад новый враг явился у русской земли—крымские татары. Каждый почти год, как становился баран мохнат и овес кудряв, приходилось ждать, что вот-вот набегут из Крыма татары; села, деревни пожгут, людей—кого убьют, кого увезут в плен.

В ту пору, как стали крымские татары беспокоить русскую землю, Рязанское княжество взяли себе московские государи, а московские государи много заботились о том, чтобы уберечь от крымских татар свою землю: ставили они для этого „острожки“—городки, а в них селили ратных людей: такими острожками были Сапожок, Данков и иные города; приказывали также московские государи насыпать сторожевые курганы, около бродов держать наготове колья, чтобы забить их в дно и помешать врагу перейти реку, около дорог держать бревна, завалить ими дорогу; впереди городков рассылались раз'езды сторожей смотреть: не видно ли татар; как увидят они татар, сейчас подавали о них вести, а по вестям везде подымалась тревога. Все эти укрепления назывались „засеками“. Вот такая большая засека сначала шла по „берегу“, т. е. по Оке, и в этой засеке очень важным местом был Переяславль Рязанский: совсем недалеко от него у реки Вожи под селом Баграмовым и Ходыниным были в заповедном лесу и рвы и валы и набиты были колья—надолбы,—тут проходила Рязанская Вожская засека*), а сам Переяславль был крепостью.

*) Эта засека подробно описана в Трудах Рязанской Архивной комиссии за 1890 год № 4 стр. 48—55, № 5 стр. 68—74.

Проходили годы, понастроили новых острожков далеко за Окой, ближе к степи, засеки придвинулись вперед, а старые засеки все-таки блюли, укрепляли на всякий случай.

Особенно много хлопот было у московских царей с Рязанским краем: выдвинулся он далеко, в степь, на реку Воронеж, на Дон. Приходилось о нем заботиться особо: были устроены особые засеки, что обороняли Рязанский край и с юга и с востока. В Переяславле держали большие военные силы, и воеводой переяславским назначали кого-нибудь из больших московских людей, в роде таких, как знаменитый князь Д. М. Пожарский*).

Не мудрено, стало быть, что Переяславль в старые годы был крепостью.

Самой главной частью этой крепости был „город“. Эта часть Рязани, где теперь соборы, архиерейский дом, Спасский монастырь, Архиерейская улица и усадьба духовного приюта**); тут же и вал. Вот этот вал только и остался от старинных укреплений Переяславля.

В старые годы „город“ был окружен не только валом, но и стенами и башнями.

*) Подробное описание того, каков был Рязанский край лет 300 тому назад: какое занимал пространство, какова была земля, кто там жил и как хозяйствовал и как его оберегали от татар,— есть в статьях: П. Некрасова — „Очерки по истории Рязанского края XVI века“ (она напечатана в апрельской книжке Журнала Министерства Народного Просвещения за 1914 г.: стр. 272—313) и Мих. Шаманского „Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII в.в. по писцовым книгам“ (она напечатана в Трудах Рязанской Архивной комиссии за 1910 год вып. 1 стр. 1—58). Обе эти статьи читать нелегко.

**) Духовным приютом, сиротским приютом, сировоспитательным заведением и сиротским училищем раньше называлось Епархиальное женское училище. Этот приют был основан в 1850 году при преосвящ. Гаврииле для сирот— девочек духовного звания, чтобы они там жили, обучались священным предметам и рукоделиям и воспитывались в правилах христианской нравственности. В 1876 году его преобразовали в Епархиальное училище; в Епархиальном училище учились не одни сироты и даже не одни только девочки духовного звания, но к названию „приют“ все так привыкли, что и Епархиальное училище так называют многие и теперь.

Когда асновали сиротский приют, для него выстроили дом, который стоял по правую сторону Архиерейской улицы. В нем помещалось Епархиальное училище до 1882 года, когда для него выстроили большой каменный дом, на Владимирской улице. Прежнее помещение было деревянное, тоже с церковью, оно долго сохранялось, а недавно его сломали и выстроили новый дом, тоже деревянный.

Про Епархиальное училище подробно написано в статье „Рязанское училище девиц духовного звания“ в Ряз. Епарх. Ведомостях 1901 года.

Там, где теперь соборная колокольня, стояла Глебовская башня.

Это была каменная башня 8¹/₂ саж. длины и 6 саж. ширины. В ней были Глебовские ворота, а в воротах калитка. Ворота запирались железным засовом, а калитка — маленьким, тоже железным засовом и висячим замком. На стене у Глебовской башни висел вестовой колокол в 11 п.

Если ехать из „города“ через Глебовские ворота, то из ворот попадешь на дубовый мост с перилами, он назывался Глебовским. Сделан он был над глубоким сухим рвом. По ту сторону моста были опять ворота, с дубовыми верями и сосновыми притворами, крытые тесом. Ров этот сухой и сейчас есть, есть и мост, только не деревянный, а каменный.

Над Глебовскими воротами была каменная часовня, а в ней образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия. Образ этот чудотворный. Теперь он в церкви св. Илии пророка.

Про Глебовскую башню рассказывают вот что. В 1521 крымский хан Магмет Гирей сделал набег на русскую землю, перешел Оку и подступил к Москве. Князь Василий поехал собирать полки, а в Москве остались бояре. Стал Магмет около Москвы села, деревни жечь, разорять, бросился народ в Москву: теснота там поднялась, давка, суматоха, хотели было бояре стрелять в татар из пушек, да на грех еще пороху не хватило. Подумали, подумали бояре и стали с Магметом переговариваться, а Магмет им говорит, что тогда уйдет он от Москвы, если дадут он ему грамоту, а чтобы в грамоте той было написано, что князь московский обязуется платить ему дань. Бояре Магмету такую грамоту дали, и сейчас же он ушел от Москвы и пошел к Переяславлю. А с Магметом вместе ходил на Москву некий литовец, именем Евстафий Дашкович, он привел с собою днепровских казаков. Был Евстафий человек бывалый и очень лукавый, и задумали они с Магметом взять Переяславль хитростью: послал Дашкович к переяславцам звать их покупать пленных; это затем, чтобы как придут они за пленными, под шумок вместе с ними пробраться в город. А Магмет задумал заманить к себе московского наместника. в ту пору в Переяславле уже не князь сидел, а московский наместник, и наместником был Хабар Симский. Приказал ему хан явиться к нему в стан потому, де, что великий князь теперь его данник, а Хабар великого князя холоп и должен и его, Магмета, слушаться, и на грамоту хан ссылался, которую дали ему московские бояре. А Хабар не поверил

речам татарских послов о грамоте московских бояр и сказал, чтобы ту грамоту ему показали, и татары дали грамоту ему в руки. А тем временем Евстафий подошел уже к Переяславлю и, чтобы лучше заманить переяславцев, выпустил несколько пленных. Пленники побежали в город, татары бросились за ними, кричат, чтобы отдали им пленных. Переяславцы отдали, а татар все больше и больше собиралось под стенами. В это самое время пушкарь, немец Иордан, стал стрелять в татар из пушек. Татары испугались, разбежались. Хан рассердился, требует у Хабар, чтобы он ему выдал пушкаря, а Хабар не дает. Видит Магмет: хитростью Переяславля не возьмешь, и ушел, а грамота московских бояр так и осталась у Хабар. Стрелял Иордан, говорят, с Глебовской башни.

Сажень на $29\frac{1}{2}$ к северу от Глебовской башни стояла угольная глухая, без ворот, башня Спасская, на том углу кремля, что смотрит на Спасоярский храм. Длинной и шириной она была по $5\frac{1}{2}$ саж. На крыше у нее была маковица, опаянная белым железом, и прапор—железный значек в роде флага. Был еще на этой башне Нерукотворный образ Спасителя. Этот образ теперь в Спасоярском храме, около правого клироса.

Сажень на 114 от Спасской башни стояла Тайничная башня, должно быть, там, где спуск к пароходным пристаням на Трубеж, когда их туда переводят в половодье. Это была—деревянная четырехугольная башня, вышиной в 6 саж., а длиной и шириной по $3\frac{1}{2}$ саж. Называлась она Тайничной потому, что в ней был тайник, деревянный, ходить за водой на Трубеже. Тайничная башня была проезжая, с деревянными створчатыми воротами, которые запирались железным засовом и висячим замком.

От Тайничной башни было $47\frac{1}{4}$ сажень до угольной Духовской башни. Эта башня, тоже деревянная, была осмиугольная, шириной и длиной по $4\frac{1}{2}$ саж., а вышиной 8 сажень; крыша на ней была шатром. Она стояла недалеко от церкви Св. Духа, а от нее на $24\frac{1}{4}$ сажени стояла Ипацкая проезжая башня, с воротами, которые запирались железным засовом и висячим замком. Ипацкая башня была деревянная, четырехугольная, вышиной в 6 саж., а длиной и шириной—по $3\frac{1}{4}$ саж.

За Ипацкой башней до того угла кремля, который выходит к Дашковской богадельне, было еще 3 башни: все эти башни были глухие, без ворот, и стояли так: от Ипацкой башни до первой из них было $47\frac{1}{2}$ саж., от этой башни до другой глухой башни— $39\frac{1}{8}$ саж.; от второй глухой башни до третьей— $5\frac{1}{2}$ саж. Башни эти были деревянные, четырехугольные, вышиной в 5 саж., а шириной и длиной— первая в $2\frac{1}{2}$ саж., вторая в $2\frac{5}{8}$ саж., третья—в $2\frac{3}{8}$ саж.

На $56\frac{1}{4}$ саж. от третьей глухой башни на том углу кремля, что выходит к теперешней Дашковской богадельне, стояла Всесвятская глухая башня, деревянная, восьмиугольная, с крышей шатром, вышиной около 8 саж., а шириной и длиной по $4\frac{1}{8}$ саж. Возле этой Всесвятской башни была труба для воды из города, должно быть, для стока воды в Лыбедь.

В $37\frac{3}{4}$ саж. от Всесвятской башни стояла Рязанская проезжая башня, деревянная, восьмиугольная, вышиной в $7\frac{1}{2}$ саж., а длиной и шириной по $4\frac{1}{8}$ саж. Крыша у нее была шатром, а сверх шатра сделан был выход, где висел вестовой колокол в 10 пуд. весу. На самой верхушке была маковица и прапор, опаянные белым железом. В этой башне были „Рязанские“ ворота, а в них калитка; как и другие ворота, они запирались железными засовами и всяческими замками.

Рязанские ворота выходили на речку Лыбедь: через нее тут был дубовый мост с перилами; на другом конце моста были тоже ворота с дубовыми верями и сосновыми притворами, крытые тесом.

На том углу кремля, который у вала, стояла глухая Введенская башня, деревянная, восьмиугольная, вышиной в $8\frac{1}{4}$ саж., а шириной и длиной по $4\frac{1}{2}$ саж., с крышей шатром. От Рязанской башни до нее было $85\frac{3}{4}$ саж.

Между Введенской башней и Глебовской стояла глухая деревянная четырехугольная башня, вышиной в 5 саж., а длиной и шириной 4 саж. От Введенской башни до нее было 71 саж., а от нее до Глебовской башни $111\frac{1}{4}$ саж.

Стены городские были вышиной, примерно, в 2½ саж., деревянные, крытые тесом; сделаны они были, как и башни, из дубового леса, с обломом*, т. е. в верхней части их был выступ вперед, около облама, сзади, были мостки, с этих мостков защищались от врагов; поднимались на них по лестницам. В башнях, в верхней их части, были настланы полы, туда подымались тоже по лестницам.

Ворота по ночам сторожили: у каждого ворот по одному сторожу; назывались эти сторожа „воротниками“.

Там, где теперь стоит Успенский собор, до 1692 г. стояла зеленая (пороховая) палата; кроме нее, была еще другая палата, в ней хранилось оружие. Палаты эти были каменные, у одной палаты дверь была железная, у другой—деревянная, на железных крючьях, замки у дверей были висячие, у окошек затворы—железные, а крыша—тесовая. Кроме пороха и горючей серы, в них хранилось и оружие: пищали, пистолы, мушкеты, карабины, копья, самопалы, латы, бердыши, ядра железные и каменные, дробь железная, свинец, топоры, заступы. Кроме этого оружия, в городе Переяславле хранились пушки, для пожарного времени—крюки и рогачи, а на случай осады заготовлены были дубовые колья, тесанные на оба конца, и кирпичный лом для того, чтобы в приход воинских людей было бесстрашно и надежно.

Все эти запасы: оружие и зелье и всякие пушечные запасы, пускались в дело „по вестям“: как приходили вести, что татары близко, с этим оружием ратные люди ехали в „заелки“, в особые укрепленные места, чтобы там не пустить татар ехать в глубь страны; а до этих вестей запасы лежали в „казне“, и все в этой „казне“ было на счету, на учете очень долгое время: уже Петр В. начал царствовать, началась и в разгаре была война со шведами, а описи всем тем запасам все составлялись: это потому, что Переяславль близко был к тем местам, куда заглядывали ногайцы и крымские татары.

И не только порох и оружие были на учете, на учете были и люди: воеводы составляли и посылали в Москву описные книги и сметные списки, а в них описывали, каков город и острог и сколько пищалей, а к ним ядер, свинцу, пороху и всяких припасов. Вот в этих же книгах и списках писали воеводы и то, сколько в Переяславле приказных и служилых и посадских и всяких чинов жителей, и отмечали, у кого есть какое оружие, у кого нет:

например—гостиные сотни дети такие-то: Левка Чечкин, Афонка Невежин... с пищалью, или пасадские люди такие-то с пищалью, такие-то с бердышем, ямщики—такие-то с бердышем, такие-то—с пищалью. А какое это было оружие, можно увидеть в Историческом музее; есть там и пищали, и самопалы, и бердыши, и копья и кольчуги.

С той стороны города, где были Спасская, Глебовская и Введенская башни, около него был „большой острог“, тоже окруженный стенами („острогом“) с башнями.

Начинался острог у Введенской городской башни. В 16 саженях от этой башни были Лыбедные ворота: это были ворота створчатые, без башни, в столбах, шириной в 2 саж. От Лыбедных ворот в 20 саж. стояла глухая башня, должно быть, стояла она на углу теперешней Новой Слободки. В 55 саженях от этой башни была еще глухая башня, а от этой башни было 47 саж. до глухой Введенской башни, которая стояла, должно быть, в том месте теперешней Новой Слободки, где под горой мост через Лыбедь у Скоморощенской горы.

В 29 саженях от Введенской башни в острожной стене были сделаны ворота, которые назывались Лыбедными малыми воротами. Эти ворота были, должно быть, там, где теперь начинается спуск от Пушкинского бульвара к Лыбеди.

От Лыбедных малых ворот до угла острога было еще 3 глухих башни, из них первая „отводная“, была поменьше других: все другие башни шириной и длиной были по 3 саж., а эта—в 2 саж. „Отводная“ башня была в 27 саж. от ворот, в 71 саж. от нее стояла еще башня, в 59 саж. от этой башни—третья башня, а в 30 саж. от нее стояла угольная башня. Стояла она, должно быть, там, где теперь Болдаревская улица спускается на Нижне-Почтовую. До этого места острожная стена шла по Новой Слободке и по Пушкинскому бульвару.

От угольной башни стена поворачивала к Трубежу: пересекала теперешнюю Соборную улицу, выходила к середине той части Болдаревской, что по правую сторону Соборной, и дальше шла до обрыва. Тут были 4 башни, три из них глухие: в 40 саженях от угольной башни одна башня „косая“, в 57 саж. от нее другая глухая башня, а в 55 саж. от этой башни были Московские проезжие ворота, они были сделаны в Московской башне, которая была больше всех других башен „острога“: шириной и длиной она была по 4 саж. Стояла эта башня где-то на усадьбах посреди той части Болдаревской ул., что по правую сторону Соборной ул.

В 29 саженьях от Московских ворот стояла глухая „отводная“ башня, в 32 саженьях от нее еще глухая башня, а потом острог шел по верху обрыва к Спасоярскому храму и дальше к Глебовскому мосту.

Тут было 4 башни, все глухия: Оленинская—в 61 саженьях от той, что стояла перед ней, Введенская—в 33 саженьях от Оленинской; Спасская башня, которая, должно быть, стояла недалеко от Спасоярского храма, а в 53 саженьях от Спасской—еще башня. В 89 саженьях от этой башни был острожный угол, а в 14 саженьях от него—створчатые на столбах ворота „Воденные“, в которые ходили к реке Трубежу: эти ворота были, должно быть, там, где и теперь спуск к Трубежу около моста.

Затем стена „ostroга“ спускалась, должно быть, в сухой ров и шла до городской наугольной Спасской башни.

И стены и башни „ostroга“ все были сделаны из дубового леса; башни—все четырехугольные и все почти ширины и длины по 3 саж.: только Московская башня была шириной и длиной по 4 сажени, а две отводных, Введенская и глухая за Спасской—шириной и длиной были по 2 саж.

У той стороны „ostroга“, что между Лыбедью и Трубежем, был насыпан вал.

За городом и „островом“ был посад, а у посада были надолбы: большие толстые обрубки дерева, врытые в землю.

Стояли эти надолбы, должно быть, по теперешней Вознесенской улице от лугов и до Подгорной, потом поворачивали к Владимирской, потом по Владимирской до оврага, что у здания Пансиона.

Такие же надолбы начинались, затем, у Лыбеди на середине теперешней Почтовой улицы, потом шли по Почтовой, около Нового базара до Селезневской улицы.

Об укреплениях переяславских в старину много заботились: бывало воеводам приказывали у города и у острога, худые места поделать, городовые тайники и колодезы чистить, чтобы в городе и в остроге в осадное время без воды не было, и ров около города и острога почистить, чтобы ров был не мелок. Еще лет 250 тому назад, в 1651 г. Много было заделано худых мест в стенах и башнях.

Время шло да шло. В государстве становилось поспокойнее, и ногайцы и крымские татары все меньше и меньше

ше беспокоили русскую землю, поспокойнее становилось и на Рязанской Украине, и нужда в переяславских укреплениях не так уже была велика, как раньше, и о них заботились меньше, и стали они все больше и больше разрушаться: крыши на башнях и стенах в городском остроге все сгнили, и бурей раскрыло весь острог; мосты в стенах и башнях и лестницы стали ветхи, погнили все, взойти на них нельзя уже было, и стены и башни во многих местах водой подмыло и нагнулись они, того и гляди вывалятся бревна, а Спасская башня один раз в полночь воду повалилась в Трубеж; тайник в тайничной башне весь огнил и обвалился, и сквозь ту башню ездить и в тайник ходить было невозможно. А большой острог — тот подгнил и вывалился весь без остатку, и башни подгнили и развалились: погнили и развалились и дубовые надолбы около посадов.

Кое-как кое-что еще простояло в „городском“ остроге до Екатерины В.

Решила она ввести новое управление в губерниях и самые города решила устроить по новому. Стали и Переяславль перестраивать по новому плану. Тогда вот и то, что кое-как еще уцелело от башен, уничтожили. Остался вал, да и тот чуть было не срыли совсем. Дело было так: где стояла Глебовская башня, еще с 1739 г. стали строить соборную колокольню; строили, строили и к 1840 г. выстроили. Колокольню выстроили хорошую, красивую, и решил тогда губернатор, что вал ее заслоняет, и приказал его срыть. Часть его и срыли, а длину на 13 саж. ту, какая была поближе к колокольне, осталось от него то, что мы видим теперь. А вал и после того понемногу разрушался и и разрушается: размывает его вода, портят его шалуны-ребятишки, портят его и взрослые, роют песок, а того никто и знать не хочет, что вал этот древний, древний, насыпан он, как думают, больше 700 лет тому назад.

А что здесь написано про башни и стены Переяславля и про надолбы и про оружие, это не выдуманно, а взято из старинных книг. В старину в Московском государстве одни люди государству служили, а другие платили, и чтобы знать, сколько можно собрать денег и с кого можно какую службу требовать, нужно было царям московским всех и все держать на учете, и для этого они посылали особых чиновников, и чиновники те все описывали, мерили, переписывали. Эти их описи назывались платежными книгами, писцовыми книгами, переписными книгами, и они

сохранились и до сих пор. Так же описывали и Переяславль Рязанский. Часть этих книг напечатали. Есть также и старинные отчеты о плотничных и других работах, когда поправляли башни и стены, и другие старинные бумаги. Часть их тоже напечатана. Книга, в которой напечатано много „старинных описей, называется так: „Рязань. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий“. А еще старинные описи напечатаны в Трудах Рязанской Ученой Архивной Комиссии под названиями такими:

Бранденбург. Укрепления Переяславля Рязанского в 1651 г. Труды 1895 г., вып. 2, стр. 167.

Холмогоров. Переяславль Рязанский в 1690 г. Труды 1895 г., вып. 2, стр. 182.

Шмелев. Состояние укреплений Переяславля Рязанского в 1641 г. Труды 1898, вып. 2, стр. 259.

„В Переяславле“.

В старые годы Рязань была совсем не такая, как теперь: и называлась она не Рязанью, а Переяславлем Рязанским, и улицы в ней были не такие, как теперь, и строение, конечно, не такое.

Самой главной частью Переяславля был „город“—кремль.

Теперь кремль—тихая, захолустная часть Рязани, а в старые годы здесь жизнь была ключем.

Где теперь тихая усадьба духовного приюта, в старину было шумно илюдно: там у Рязанских ворот, направо и налево от ворот, теснились лавки, прилавки, амбары с разными товарами—это были ряды: соляной ряд, москотильный ряд; здесь же сходились все „городские“ улицы.

От Рязанских ворот вдоль стены шли две проезжие улицы, шириной в 2¹/₂ саж.; начинались они перед москотильным рядом у ворот. С одной стороны этих улиц были городские стены, а с другой дворы и огороды. Одна улица шла от москотильного ряда к Глебовской башне; там, где была эта улица, теперь усадьба духовного приюта, а потом дорога, что около вала и стены Спасского монастыря идет к колокольне. В конце этой улицы где-то около Спасского монастыря перед теперешним Успенским собором стоял приказ сыскных дел. Это была сосновая изба, мерою в 4 сажени, крытая тесом с „обрасчатой“, то есть изразцовой, зеленой печью. В избе было 7 икон, обложенных серебром: образ Живоначальной Троицы, Всемилоственного Спаса, четыре образа Богородичны, образ Николая Чудотворца. Кроме этих икон, там были еще складни тоже обложенные серебром. Под иконами стоял приказный стол, покрытый красным сукном. Тут же был приказный ящик, покрытый зеленым сукном. За столом на лавках лежали два бараньих тюфяка. По обе стороны стола обе стены от лавок и до потолка были обиты красным сукном, а потолок над столом обит зеленым сукном. В те времена стены

и пстолки в хоромах обивали сукном, как теперь обоями. В избе было 6 „красных“, т. е. больших окон, в окнах — „слюдвенные окончины“: сделаны были железные рамы, а в рамах узор из железных прутьев в виде клиньев, кругов, косяков, четырехугольников, а в узор вделаны куски слюды. Окна запирались: к ним было 4 замка. По вечерам работали со свечами: для этого в избе было 2 шандала „шандана“ медных тройных и 2 железных. В избе хранились списки с царских указов о сыскных делах, татинные (воровские), разбойные „убивственные“ и всякие сыскные дела и по тем делам всякая опальная рухлядь, т. е. разные вещи, которые касались грабежей, разбоев, убийств. Лежали в этой избе и колодничьи 3 цепи, в том числе и цепь двушейная на стуле, цепь одиночная (т. е. для одного человека) на стуле же, цепь двушейная, в которой колодников гоняли собирать милостыню и за водой, лежали и тут же кандалы.

Перед приказом была караульная колодничья изба, сосновая, крытая дранью, у двери был замок. А между приказом и караульной избой были досчатые сени, крытые лубьем и дранью.

Тут же, недалеко был и тюремный двор или тюремный острог. Он был огорожен дубовым забором. На дворе стоял дубовый амбар, в котором запирали на ночь тюремных сидельцев, и караульная сторожевая изба, сосновая, крытая дранью. Двери в тюремный острог запирались двумя большими замками. Из тюремного острога колодников выводили, „гоняли“ для сбора милостыни и по воду. На такие случаи хранились в остроге две двушейные цепи, которые запирались четырьмя замками.

Кроме этого тюремного двора, перед Спасским монастырем недалеко от приказа сыскных дел было еще две тюрьмы; стояли они одна подле другой. Одна — „земленная“ тюрьма: это был дубовый сруб, опущенный в землю, с дубовыми дощатыми дверями, обитыми железом. Вокруг земляной тюрьмы был „острог“, т. е. забор, дубовый, с дубовыми, дощатыми, обитыми железом дверями. Другая тюрьма построена была из соснового лесу, крыта была тесом; двери у нее были сосновые, с пробоями.

Это была проезжая улица налево от Рязанских ворот. Другая проезжая улица шла направо от Рязанских ворот к Ипацкой башне тоже подле городской стены. Где была эта

улица, там теперь сначала усадьба духовного приюта а потом та часть Архиепископской улицы, что идет к церкви св. Духа.

На этой улице где-то, должно быть, там, где теперь усадьба духовного приюта, была церковь Смоленской Богородицы. К этой церкви вела еще „глухая улка“.

Если войти в „город“ через Рязанские ворота и пройти москательный ряд, то за этим рядом налево была Большая дорога или Большая улица, по которой ходили к приказной избе. Улица эта, как и почти все другие, была шириной в 3 сажени.

Большая улица пересекала теперешнюю усадьбу духовного приюта и тот конец Архиепископской улицы, что ведет к валу. В конце ее, около Спасского монастыря, стояла приказная изба. В приказной избе было две горницы с комнатой. Пред избой были сени. В избе висел Спасов образ в окладе, под ним стоял стол, покрытый красным сукном; на столе — оловянные чернильница и песочница. Стены около стола были обиты красным сукном. Тут же стоял дубовый воеводский ящик, лежали разные бумаги и книги, ключ от городских Глебовских ворот, два ключа казенной зеленой палаты; для вечерних занятий был медный ночник.

Там же, где начиналась Большая улица, с правой стороны ее крайней усадьбы начиналась улица, по которой ездили к церкви Воскресения Христова, что в зарядье. Эта церковь стояла где-то на усадьбе духовного приюта. Тут же у церкви было церковное кладбище. На этой же улице стоял и воеводский двор, окруженный забором со створчатыми воротами с калиткой, крытами тесом: воеводский дом был двухэтажный: на жилых подклетах, т.е. во втором этаже горница с комнатой; в горнице была „обрасчатая“, т.е. изразцовая печь, а в комнате кирпичная; кроме этих помещений у воеводы было еще две горницы „отхожие“, тоже на жилых подклетах, перед ними сени; потом была горница на „глухом“ подклете; на дворе стояли житница и ледник, конюшня, поворня, поваренная изба, баня — „горница с мыльной“, —

За церковью Воскресения Христова у воеводского двора эта улица сливалась с переулком, шириной в 2 сажени. Этот переулок шел мимо церкви св. Козьмы и Демьяна, затем мимо явленского монастыря к митрополичьему двору.

Церковь св. Козьмы и Демьяна была где-то либо на теперешней усадьбе Спасского монастыря, либо на усадьбах,

прилегающих к этой усадьбе. Если теперь пройти по Архирейской улице, по той части ее, по которой ходят к валу, можно видеть в домах тесанные камни; в одной усадьбе таких камней очень много: и круглые, как колонки, и четырехугольные, а в саду этой усадьбы в 1916 г. разрыли каменный гроб.

Явленский девичий монастырь был около самого архирейского дома. С двух сторон он прилегал к архирейскому дому, с третьей около него были дворы разных владельцев, а четвертой стороной он выходил на улицу. Около монастыря была бревенчатая ограда, а в ней двое ворот: одни передние, другие задние. В монастыре была каменная церковь во имя Казанские Пресвятые Богородицы с приделом св. Николая Чудотворца; настоятельская келья с тремя жилыми покоями, а при ней двое келей; келья просвирническая с сенями, изба для сторожки, погреб, амбар и 15 келей монашеских и состоящих в том монастыре во искусе белиц; около монастыря был монастырский огород.

Основали этот монастырь давно, еще в 16 веке, больше 300 лет тому назад, а в „городе“ у архирейского дома он стоял до 1786 года, в этом году его перевели к церкви Вознесения Господня, что в Новинках, туда, где он и теперь стоит. Эта церковь Вознесения в Новинках была очень старинная церковь: ее основали еще в 1550 году. Сперва она была деревянная с приделом Живоначальные Троицы, а потом, не задолго до того, как перевели на то место явленский монастырь, выстроили каменную церковь, спустя некоторое время при ней устроили приделы во имя Казанской иконы Божией Матери и свящ. муч. Харлампия. Стояла эта каменная церковь до 1868 года, а в этом году ее разобрали и выстроили уже теперешнюю церковь во имя Казанской иконы; а к ней пристроили трапезную с приделами во имя свящ. муч. Харлампия и преп. Сергия.

Есть в монастыре еще церковь, во имя в -муч. Варвары. Она помещается над святыми воротами, а над ней колокольня. Колокольня выстроена в 1872 году.

В теперешнем Казанском монастыре, стало быть, старины почти что не осталось, только в иконостасе приделов и за клиросом настоящей церкви есть старинные иконы: они взяты из иконостаса той церкви, на месте которой построена теперешняя церковь. *)

*) О Казанском монастыре подробно написано в Ряз. Епарх. Ведом. 1890 и 1891 года.

В старину от Казанского монастыря, в ту пору, когда он стоял на прежнем своем месте, была проезжая дорога к Успенскому собору. Дорога эта или улица называлась Явленской. Она шла между Спасским монастырем и тем старинным домом, что стоит позади Успенского собора. Явленская улица была до 1757 года. В этом году ее перегородили стеной и уничтожили.

Архиерейский дом стоял там же, где и теперь.

В те далекие времена, когда Переяславль был стольным гордом Рязанского княжества, в „городе“ жили князья рязанские, а владыки рязанские жили „на посаде“, соборную святительскую церковь, катедральным собором, тогда была церковь свв. Бориса и Глеба на посаде, там же и дом был у владык для жительства, и этот архиерейский дом на посаде назывался Богородичным архиерейским. Но вот захватила Переяславль Москва, в Переяславль приехал Московский наместник, а владыка рязанский Иона был переведен с посаду служить в кремль, в Успенский собор, и поставил епископ Иона себе в кремле дом владычный, а на дворе каменную церковь Усекновения Иоанна Предтечи, две каменные палаты, две поварни каменные. И стояли эти строения до 1647 г. А в 1647 г. почти весь кремль сгорел, тогда сгорел и архиерейский дом и соборная колокольня с колоколами, обгорели каменные церкви Архангельская и Предтеченская. Лет через 6 после этого архиепископ Мисаил стал строить себе новые каменные палаты. После пожара уцелели стены Предтеченской церкви и одной из палат. Вот к этим стенам и пристроили новые палаты, а наверху палат устроили церковь крестовую Усекновения Иоанна Предтечи, а раньше крестовая церковь стояла отдельно от архиерейского дома. Строились новые палаты в 1653, 1654 и 1655 году подрядчиком из Москвы каменных дел подмастерьем Юрьем Карнильевым сыном Яршовым. Эти палаты и теперь стоят—это передняя часть архиерейского дома. Эта передняя часть архиерейского дома—самая любопытная часть. Ученые указывают на нее, как на замечательное старинное русское здание; особенно они отмечают наружные окна и входные внутренние двери*).

*) Вот что о них пишет А. П. Новицкий в книге „История русского искусства с древнейших времен“, в томе I стр. 280: „Детали дверей несколько своеобразны. Первая имеет пофронтонную арку довольно крупного узора, что в русском стиле встречается сравнительно редко. То же можно сказать и про столбы, отделанные профилем с поворотами вверх и вниз, напоминающими западные мотивы, так же, как и раковина в арке второй двери.“—

После Мисаила был владыкой в Переяславле Илларион. Он в 1658 году сделал к Миссаиловым покоям пристрой, второй этаж, тот самый, в котором потом устроена вторая крестовая церковь.

В 1692 году при митрополите Авраамии был построен третий этаж архиерейского дома.

Саженья в 13 от крыльца архиерейского дома перед самыми его окнами поперек архиерейского двора долгое время стояла каменная двухэтажная палата. Это была та палата, которую выстроил еще епископ Иона и которая уцелела от пожара 1647 года. Лет около 100 тому назад ее разобрали и построили теперешний двухэтажный певческий корпус*).

Теперь в 3 этаже в восточной половине дома находятся архиерейские комнаты, а в западной — церковь во имя св. Иоанна Предтечи, церковь старинная, но иконостас в ней не старинный, и стены расписаны недавно. Замечательно в ней шитое шелками изображение Тайной вечери у правого клироса.

В среднем этаже — к востоку находится церковь во имя св. архидиакона Стефана, а к западу — архиерейская ризница; в церкви св. архидиакона Стефана старинного ничего нет.

В нижнем этаже восточная половина занята братскими кельями, а западная — кладовыми и старым консисторским архивом.

Про то, как назывались рязанские владыки, нужно сказать вот что.

В очень древние времена Рязанский край и Муромское княжество и Черниговское и Северское были в Черниговской епархии. Лет 700 тому назад с лишним, около 1198 года Рязанский край был отделен от Черниговской епархии и вместе с Муромом составил особую епархию Муромскую и Рязанскую, а епископы, которые этой епархией управляли, назывались сначала Муромскими и Рязанскими, а потом лет с 600 тому назад Рязанскими и Муромскими. Так было до 1778 года. В этом году Муром отделили к Владимиру, и владыки рязанские стали называться Рязанскими и Шацкими, а в 1799 году и Шацк отделили от рязанской епархии к Тамбову, и с того времени наши владыки называются рязанскими и зарайскими**).

*) О том, как строили архиерейский дом, есть статья И. И. Проходцова в Трудах Рязанской Архивной Комиссии за 1905 год выпуск 1, стр. 90.

**) Подробно написано и об этом и о том, какова была в старину Рязанская епархия в книге Архимандрита Макария: «Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии». Москва 1863 г.

Епископами их называли с самого древнего времени и до той поры, как у нас на Руси лет 300 с небольшим в 1589 году учредили патриаршество: тогда рязанских епископов возвели в сан архиепископа; потом, в 1661 году архиепископ рязанский возведен был в сан митрополита, а в 1723 году Петр Великий приказал называть рязанских владык не митрополитами, а епископами; с тех пор иные из них были епископами, а иные были в сане архиепископа.

У Рязанских ворот позади москательного ряда начиналась улица, по которой ездили мимо Явленского девичья монастыря к Духову монастырю, шириною в 2¹/₂ саж. В самом начале этой улицы стояла Пушкарская изба. На эту улицу выходил переулок от церкви Воскресения Христова.

Улица эта, должно быть, пересекала теперешнюю усадьбу духового приюта, огибала Спасский монастырь, а потом проходила там, где теперь Архиерейская улица позади усадьбы архиерейского дома.

Духов монастырь стоял там, где теперь церковь св. Духа. Построен монастырь был давно, больше 500 лет тому назад, и стоял он до 1783 года, а в этом году сгорел, через 4 года после того его упразднили, а братию перевели в Скопинский Троицкий монастырь. Теперешняя церковь св. Духа построена в 1642 году мастером из Соли Галицкой Васильем Харитоновым сыном Zubовым. В 1783 году она была разрушена пожаром, а через 15 лет ее возобновили и пристроили придел во имя мученицы Александры. Старинный свой вид она все-таки сохранила. В ней замечательны главы в виде двух шатров. Лет 250 тому назад очень любили строить церкви с такими главами в виде шатров, а церковные власти стали их запрещать потому, де, что „высокие церкви Божиим повелением молниею пожигает“^{*)}.

Самым шумным, самым оживленным местом „города“ были Рязанские ворота. Другим таким местом были Ипацкие ворота: тут были и митрополичий двор, и Явленский монастырь, и Духов монастырь.

Менее оживленно и шумно было около Глебовских и Тайничных ворот. Дворы были и тут — около стены, а между стеной и дворами шла проезжая дорога; но только то место давно уже запустело: полая вода подмывала берег, от этого происходили оползни, и было раз так, что земля обвалилась по самую дверь Спасской башни, и проезжая дорога так испортилась, что и пешим ходить стало немочно.

^{*)} О таких шатровых церквях можно прочесть в книге А. Новицкого „История русского искусства с древних времен“. т. I стр. 229—234.

Там, где теперь стоит Рождественский собор, в старину стоял собор Успенский *). В длину и ширину он был по 6 сажен. У него было 5 глав, покрыт он был белым немецким железом; кресты на главах первое время были тоже обложены белым немецким железом, а потом их опаяли красною медью и позолотили. В соборе было трое железных дверей: с западной стороны, с северной и полуденной; перед дверями были «рундуки», т. е. крыльца, о пяти ступенях, без папертей; над дверями в сводах были написаны образа, а над образами были устроены киоты, крытые немецким железом. Внутри собора было два каменных столба: у правого столба было каменное место архиепископское, а за столбом 5 каменных гробниц великих князей рязанских; за левым столбом было 3 гробницы великих княгинь рязанских. Гробницы были покрыты бархатными покрывами. Перед местными образами стояли каменные подсвечники. В соборе был предел—во имя св. Феодора Тирона.

Таков с виду был Успенский собор с 1606 года. В этом году кончилась его постройка, а началась она с 1598 года. Каков собор был до того времени, совсем неизвестно, а основан он был очень давно: когда было еще Рязанское княжество, он был в то время велико-княжеской усыпальницей.

Когда Рязанское княжество отошло к Москве, Успенский собор стал кафедральным вместо Борисо-Глебского.

После 1606 года Успенский собор еще не раз перестраивался, так что старинного в нем ничего не осталось: например, в 1753 году в нем приняли каменные столбы, прибавили окна, вместо каменных гробниц поставили деревянные, даже и называть стали не Успенским, а Христорождественским. Через несколько лет после этого обвалился в соборе каменный свод. В это время княжеские гробницы сломались, и их совсем сняли, потому что было очень тесно, а потолок сделали деревянный. А лет через пять после этого собор весь перестроили и сделали в нем два придела. Прошло после того лет 50, собор обветшал, стал тесен, тогда, в 1826 году, стены подняли, у иконостаса приделали верхнюю часть, приделы уничтожили и собор стал с виду такой, как теперь.

*) Подробно об этом соборе написано в книге архимандрита Макария: «Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии».

Погребены в Рождественском соборе вот какие князья: Федор Ольгович, сын самого знаменитого рязанского князя Олега Ивановича, он княжил с 1402 до 1427 года; Иван Федорович, сын Федора Ольговича, в монашестве Иона, он княжил с 1427 года до 1456; сын Ивана Федоровича—Василий Иванович, княжил он с 1456 до 1483 года; сын Василия Ивановича—Иван Васильевич большие области Третной, он княжил с 1483 до 1500 года; младший брат Ивана Васильевича—Федор Васильевич малые области Третной, он умер бездетным в 1503 году.

Когда жили те князья, что погребены в соборе, за Окой вырос у рязанского княжества сильный сосед—Московское княжество, и так оно было сильно, так велико: что рязанским князьям совсем не в мочь уже было спорить с московскими князьями. Да и сами-то эти рязанские князья были тихие, смирные, совсем не такие, как прежние князья. Жили они с московскими князьями в большой дружбе и во всем их слушались, а московские князья их за то не трогали и рязанское княжество оставляли пока что на свободе, хотя все и шло к тому, что не бывать больше рязанскому княжеству.

А в рязанском княжестве были тогда не только великие князья, но и удельные—пронские; эти пронские князья были князья сильные и великих рязанских князей не слушались, поднимали против них усобицы. Вот такая усобица была и при князе Федоре Ольговиче. Пронский князь Иван Владимирович позвал татар на помощь и нежданно негаданно напал на князя Федора. Князь Федор убежал за Оку, а князь Иван сел и в Пронске и в Переяславле. У Федора зятем был московский князь Василий Дмитриевич. Он за Федора вступился, послал ему на помощь войско. Иван со своими полками одолел московское войско, да не посмел больше воевать с московским князем и с Федором помирился.

А от татар по-прежнему не было покоя: приходили они на рязанские уkraine и много зла творили и уходили с полоном. И Переяславлю довелось много потерпеть от них. Вот и при князе Федоре случилось: осенью 1405 года напали татары нечаянно на Переяславль. Федор послал за ними в погоню войско; его войско побило много татар, отняло у них добычу, а через три года опять от татар беда пришла: Эдигей сделал набег на Москву, а идучи от Москвы, мимоходом взял и Переяславль. Прошло после того три года—опять пришли татары, опять напали на Переяславль.

Сын Федора Ольговича — Иван сначала было задумался, с кем ему лучше дружить — с московским князем или с литовским, да скоро понял, что с московским князем ему будет куда поспокойнее, и пошла у него с Литвой дружба врозь, а с Москвой зажил он в такой любви и в союзе, что как стал умирать, завещал рязанское княжество московскому князю на соблюдение и сына своего Василия отдал ему на воспитанье.

При этом князе Иване случилось вот какое происшествие. Было это в 1444 году. Пришел в рязанскую землю татарский царевич Мустафа и привел с собой много татар, награбили они всякого добра, взяли много людей в плен и ушли в степь, а из степи послал Мустафа рязанцам сказать, что де могут они у него пленных выкупать. Рязанцы пленных выкупили. Не успели рязанцы оглянуться — опять пришел Мустафа, идет к Переяславлю тихо, смирно и просит, молит пустить его с татарами на зимовку: в степи де житья не стало — осенью она вся погорела пожаром, зима — жестокая, снега — глубокие, вьюги — сильные, лошади падают от бескормицы, люди — мерзнут от холода. Что такое еще тут случилось, неизвестно, только переяславцы Мустафу к себе почему-то пустили, и стали татары у них жить — кто в Переяславле, кто около него. Узнал про это московский князь Василий Темный и послал он на Мустафу воевод с дружиной и с Мордвой на лыжах. Переяславцы тогда Мустафу от себя выслали, а он ушел верст за 10 от города на реку Листань и там укрепился. И напали на него с одной стороны московские пешие воины с ослопами, с тапорами, с рогатинами, а с другой — Мордва и рязанские казаки на лыжах с копьями, с рогатинами, с саблями. Татары бились жестоко, в плен не сдавались и всех почти их перебили и сам Мустафа пал в бою... А за это татары золотой орды отплатили: через несколько месяцев после того пришли они на рязанские украины и грабили их и разоряли.

Сын Ивана Федоровича Василий, после смерти отца остался воемми лет сироткой. Московский князь Василий Темный увез его к себе в Москву, а в рязанские города прислал наместников. В Москве Василий Иванович и вырос. Шестнадцати лет нашел он там себе невесту меньшую сестру тогдашнего московского князя Ивана III — Анну, справил свадьбу и уехал в Переяславль на княженье. Княжил он 19 лет и все время жил в большой, крепкой дружбе с московским князем Иваном.

При этом князе Василье вот, что случилось. Случилось то, что не стало уж особого Пронского княжества, и Пронск отошел к Переяславлю. А еще при князе Василье приходил на рязанское княжество хан Большой Орды Ахмат и осадил Переяславль в Успенский пост и стоял под Переяславлем 6 дней и не мог его взять и ушел в степь; через 8 лет опять пришли татары и разорили все около Переяславля. Вышли переяславцы из города, стали биться с татарами, да подсекли татары у них знамя, и они тогда побежали. Еще вот что случилось при Васильи: в сентябре 1494 года был пожар в Переяславле и такой страшный, что выгорел почти весь город и колокола растапливались на колокольнях.—

Умер Василий Иванович в 1483 году 7 января во время обедни.

Остались после него два сына Иван да Федор. По воле отца старшему—Ивану досталось великое княжение и города Переяславль, Ростиславль и Пронск, а младшему—Федору—Перевитск, Старая Рязань и третья часть переяславских доходов. Оба они назывались третними, потому что Рязань разделялась на трети.

И Иван и Федор были очень молоды: Ивану было 16 лет. Они из воли своей матери княгини Анны не выходили и великому князю Московскому ни в чем не перечили, что им дядя прикажет, все делали.

29 мая 1500 г. в третьем часу дня умер великий князь Рязанский Иван Васильевич, а князь Федор умер через три года, детей у него не было, и свою долю отказал он Московскому великому князю.

А княгини погребены в соборе вот какие: Софья Дмитриевна, жена Федора Ольговича, дочь Дмитрия Донского; Анна Васильевна, жена Василия Ивановича, младшая сестра Московского великого князя Ивана III, Анна—жена Василия, брата последнего рязанского князя Ивана Ивановича.

Из этих княгинь самая замечательная—Анна Васильевна, дочь Московского великого князя Василия Темного. Она вышла замуж за Рязанского великого князя Василия Ивановича и жила в Рязанском княжестве 37 лет и много порадела о рязанской земле. Была она у Московского великого князя Ивана III любимой сестрой, и когда приезжала она в Москву к нему в гости, он встречал ее с великою честью. Приехала она как-то раз к нему, так выехал к ней на встречу сам Иван с детьми, боярами, великая княгиня

Софья с невесткой Еленой и со своими боярынями. Умерла она в 1501 году на светлой неделе в среду. Была она княгиня благочестивая: в крестовой церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи у правого клироса и теперь есть большая соборная пелена из тафты, а на ней разными шелками и золотом вышито изображение Тайной вечери и такая надпись: «В лето 6993 (1485 г.) индикта 3 сей воздух создан бысть в церковь Успенье Святой Богородицы в граде Переяславле Рязанском замышлением благородные и благоверные и христолюбивые великие княгини Анны и при ее сыне благородном и благоверном и христолюбивом князе Иоанне Васильевиче Рязанском и при епископе Симеоне Рязанском и Муромском, а окончен сей воздух в лето 94 сентемврия 30 дня на память священномученика Григория Великого Арменск.

В этом же соборе погребен архиепископ Симон на правой стороне от входных дверей под третьей колонной. Это — один из самых замечательных Рязанских владык. Он происходил из монастырских крестьян Вологодской губернии, звали его в миру Степаном Лаговым. Случилось как-то, что, когда еще был он мальчиком, вологодский преосвященный Амвросий Юшкевич взял его в свой хор певчим. Степан был мальчик очень умный, талантливый. Увидал это преосвящ. Амвросий, стал о нем заботиться, выкупил его. Перевели Амвросия в Новгород, он и Степана взял с собой, поместил его в новгородскую семинарию. В семинарии Степан очень подружился с одним семинаристом — Тимофеем Соколовым, и оставались они друзьями до конца жизни, а Тимофей Соколов — это потом святитель св. Тихон Задонский. После семинарии одно время Степан был учителем, а потом постригся в монахи и через 11 лет был уже епископом сначала в Костроме, а потом с 1778 года, в Рязани. Здесь он и умер в 1804 году.

Преосвящ. Симон много заботился о просвещении своей епархии, особенно о просвещении духовенства. Духовенство рязанское тогда было грубо, неопратно, непросвещенно очень многие плохо знали даже то, что им нужно было знать по их духовному званию. Ставленники иной раз не знали и не понимали катехизиса. Симон отвел в своем архиерейском доме особую залу для занятий со ставленниками: учитель «катехизатор» учил их катехизису, нотному пению, чтению. В семинарии Симон завел преподавание многих новых предметов, устраивал диспуты богословские и философские на латинском языке, а публичные диспуты —

на русском яз., заставлял семинаристов много читать, сам ходил с ними в библиотеку, в эту семинарскую библиотеку он завещал часть своих книг, устраивал в семинарии торжественные праздники. Семинария была для него семьей, домом, где он был отцом и добрым хозяином. Летом, а иногда и зимой он жил в семинарии, знал порядок классных занятий, каждый день просматривал все журналы с отметками учеников, сам спрашивал учеников. Нередко он сам наблюдал за играми учеников на семинарском дворе, приучал их к благородству и уменью вести себя.

Много забот положил преосвящ. Симон и на то, чтобы рязанское духовенство было поболагобразнее: за грубое, недостойное духовного звания поведение, за неопрятность в одежде, за запущение волос и усов и неопрятный вид бороды он приказывал духовных штрафовать: в первый раз—на одну гривну, во второй—на две, в третий—на три, а в четвертый—посылать в монастырь на месяц, а штрафные деньги отдавать на богадельни.

Во всем и везде преосв. Симон любил порядок и за всем смотрел сам. Тогда в обычае было наказывать плетью, оковами, а преосв. Симон так никогда не наказывал: наказывал он штрафами, а если, бывало, на кого накричит, после просил прощение, осыпал милостями.

Много заботился преосв. Симон и о построении храмов: при нем был перестроен Рождественский собор, его старанием начали строить соборную колокольню, при нем возобновляли и Успенский собор. Даже больной он следил за работами. Его возили к собору в колясочке.

Ни одного замечательного события в Рязани он, бывало, не пропустит: непременно совершит торжественное богослужение, непременно произнесет проповедь: открывается ли наместничество, открывается ли народное училище, строятся ли присутственные места, везде и всюду совершает он молебствие, произносит речь.

Его очень почитали и уважали в Рязани, и много о нем написано было речей и стихотворений *).

*) Одна из его речей напечатана в Трудах Рязанской Архивной Комиссии за 1891 г., № 4—5, стр. 70. Эта речь, сказанная им, в новопостроенном каменном корпусе для присутственных мест 28 июня 1789 г., а в Трудах Рязанской Архивной Комиссии за 1889 г., № 4, стр. 91, напечатано стихотворение: Плач при погребении тела преосв. Симона. Подробно о Симоне напечатано в Ряз. Епарх. Вед. 1897 г., стр. 8, 53, 110, 178, 309: „Материалы к биографии преосв. Симона Лагова“. Много о нем написано также в Ряз. Епарх. Вед. 1884 г.

В этом же соборе на левой стороне против алтаря погребен архиепископ Амвросий (умер в 1809 г.).

Здесь же почивают под спудом и мощи св. Василия, епископа Рязанского, на левом клиросе перед иконостасом

Святитель Василий жил очень давно, лет 600 тому назад. Был он епископом рязанским и муромским и сначала жил в Муроме. Есть о нем такое предание: был он праведен, благочестив, святой жизни, и все-таки нашлись в Муроме злые люди и стали распускать про него слухи, что живет де он нечисто, нехорошо, много грешит. Муромцы этим слухам поверили и грозили убить святого Василия. Услышал об этом святой Василий, справил всенощное бдение, а поутру литургию и молебен перед иконой Божией Матери, взял эту икону и пошел к Оке реке. Узнали муромцы, что св. Василий от них уходит, собрались к реке, хотели дать ему лодку, а он, уповая на милосердие Божией Матери, снял с себя мантию, разостлал ее по воде, стал на нее, держа св. икону в руках, и тотчас понесен был духом бурным в верх, против быстрины речные. Случилось это в третий час дня (после обедни), а в десятый час того же дня (к вечерне) перенесен был св. Василий в Рязань, где великий князь рязанский встретил его со крестами и со всем священным собором и принял святого праведного Василия, радуясь... И слывут с того времени муромцы „святогонами“.

Спустя некоторое время святитель Василий из Рязани переселился в Переяславль. Есть предание, что и в Переяславль он был переселен тоже на мантии по Оке и Трубежу к Борисоглебскому храму. Рассказывают, что набожный сторож Борисоглебской церкви за неделю до прибытия св. Василия начал убирать церковь. Стали его священники спрашивать, почему это он убирает церковь, а он отвечал: „великий гость прибудет к нам“. Когда св. Василий плыл по Трубежу на мантии, пришли на реку за водой две женщины и видели, как святой плыл на мантии, а на мантии было еще два колокола. Потом стали колокола поднимать, и в это время один колокол оторвался и упал в Трубеж и, как, бывало, после этого, заблатовестят на Борисоглебской колоколне, гудит под водой и этот утонувший колокол.

Вот с того времени, как переехал св. Василий из Старой Рязани в Переяславль, стали жить епископы рязанские и муромские в Переяславле у Борисоглебского собора и называться стали не муромскими и рязанскими, а рязанскими и муромскими: только, если они приезжали в Муром, тогда их называли по прежнему: муромскими и рязанскими.

А св. Василий скоро после того скончался и погребен был в Борисоглебском соборе.

Здесь покоились его останки до 1609 года. В этом году архиепископ Θεодорит открыл их и перенес от Борисоглебского собора в Успенский. Это было 10 июня.

Мощи св. Василия покоятся под спудом, т. е. закрыты: говорят, что святому не угодно, чтобы они были открыты. Есть такое предание: когда поправляли Рождественский собор (прежний Успенский) и устраивали в нем гробницу над мощами св. Василия, хотели, по желанию преосв. Симона, открыть гроб,—вдруг, будто бы, вышло пламя и едва не опалило тех, кто тут был. Тоже, говорят, случилось и при архиепископе Филарете, когда переделывали собор. Только часть мощей св. Василия—одна из костей его открыто хранится в соборе вместе с частицами мощей других святых.

Над мощами св. Василия поставлена гробница, а поверх нее положен образ святителя: он изображен почивающим в раке. Над гробницей балдахин. Эта гробница и балдахин сделаны в 1783 году. Перед гробницею висит серебряное паникадило: это паникадило древнее—сделано еще в 1678 году.

Память св. Василия празднуется 3 июля—это день его кончины, 10 июня—день перенесения его мощей *).

В иконостасе перед гробницей св. Василия есть небольшая икона Божией Матери: летом ее переносят в Успенский собор, и там она находится на первом столбе направо от входа. Эта икона—чудотворная. Называется она Муромскою или еще: „Моление св. Василия“, в честь нее бывает праздник 12 апреля. Этот праздник установлен с 1814 года по просьбе граждан г. Рязани. Тогда граждане подали Синоду прошение, а в своем прошении писали, что де в прошлом 1812 году все граждане и дворянское сословие с духовенством при нашествии на Россию всеобщего врага (Наполеона) и при покушении его пойти от Москвы к рязанским пределам совершали вокруг города крестный ход со святыми иконами Θεодтьевской и Муромской, и как увидели потом скорое от неприятеля освобождение, положили твердое намерение вечно праздновать ежегодно явление чудотворные Муромские иконы Божия Матери 12 апреля в озна-

*) Обо всем этом написано в книге: „Житие св. Василия, епископа рязанского. Москва, 1860.

менованіе вечной их благодарности за избавленіе града Рязани от нашествія врага и спасенія всей Россіи.

Эта икона очень древняя. Давно, еще и Переяславля на свете не было, правнук св. Владимира, св. Ярослав собирался ехать в Муромскій и Рязанскій край на княженіе, и благословил его тогда этой иконой его отец, Святослав, великій князь Киевскій, внук св. Владимира. Есть такое преданіе: приехал св. Ярослав в Муром и стал тамошних жителей приводить в Христову веру, а язычникам это не понравилось: пришли они в ярость, собрались и толпой привалили ко княжескому двору, хотели или убить князя Ярослава или выгнать его из Мурома, а князь взялъ икону Богоматери и спокойно вышел к толпѣ, и толпа утихла. Вот перед этой иконой и молился св. Василій, когда собирался ехать из Мурома, с нею на руках он и ушел оттуда.

Кроме св. Василя, епископа рязанскаго, есть еще один рязанскій святой—св. великомученик Роман, благоверный князь Рязанскій. Он жил давно, в ту пору, когда татары только что покорили русскую землю, переписали народ и заставили платить дань, а чтобы народ не бунтовал и платил дань без недобору, посадили татары по городам баскаков, особых чиновников, чтобы они за князьями смотрели и за народом. Вот и в Рязани был такой баскак. В ту пору татары обратились в магометанскую веру и так к ней пристрастились, что стали хулить Христову веру и русских склонять в свою веру. И рязанскій баскак князя Романа стал склонять в свою, магометанскую веру, а князь Роман с ним поспорил. Баскак обиделся и донес своему хану про Романа князя неправду, что князь де Роман и хана поносит всякими словами и веру его. Хан позвал к себѣ князя Романа на расправу. Роман приехал, стал хану говорить, что баскак сказал на него неправду, а хан не верит, приказывает поклониться священной магометанской книгѣ—корану, „Тогда“, говорит: „я увижу, что ты мне покорен“. Св. Роман отказался. Рассердился хан, пришел в ярость и велел св. Романа бить, а св. Роман все терпел и только говорил: „Христианин я и воистину свята вера христианская“. Бросили св. Романа в тюрьму, стали мучить, а он все хвалит христианскую веру; отрезали ему язык, выкололи глаза, стали резать по суставам, содрали кожу с головы, потом голову отрубили, воткнули на копье и выставили на показ... Случилось это 19 июля 1270 года. 19 июля каждый год и празднуется память св. Романа.

Есть предание, что останки его все-таки удалось сохранить, перенесли их в Рязань, там предали земле, а Рязань после татарского погрома все хирела и хирела и совсем захирела и ничего почти от нее не осталось: так и не сохранилось мощей св. Романа.

Есть только предание о том, каков он был собою: возрастом млад, подобием рус, волосы у него короткие, кудреватые и с ушей мало повились тонкими косицами. Одежда княжеская: шуба соболя на плечах в роспах до полу, приволока бархатная—багряная в кругах, правая рука молебна, в левой держит град, а в нем церковь. Так св. Романа изображают на иконах.

Изображение св. Романа есть в Москве в храме Христа Спасителя: там изображение св. Романа сделано потому, что в день памяти св. Романа, 19 июля русские одержали в 1812 году первую победу над французами при Клястицах. *)

Тот Успенский собор, что стоял на месте теперешнего Рождественского, был тесен: например, в нем между столбами и княжескими гробницами проходу было только в аршин. Стал поэтому митрополит рязанский Иосиф в 1677 году просить у государя Федора Алексеевича разрешения построить новый собор, попросторнее, на том месте, где стояла пороховая, или „зеленая“, палата. Царь разрешил. Тогда прежде всего, в 1679 году построили на счет домового владычной казны новую зеленую палату между Спасским монастырем и приказной избой (т. е. избой приказа сыскных дел). Потом, 23 апреля 1684 года начали строить собор. **) Строили собор подрядчики, а подрядчики держали мастеров худых: строили они, строили собор, никак выстроить не могли. Наконец, в 1692 году собор достроили, да плохо, к тому же и грунт тут был плохой: здесь было когда-то озеро, потом его засыпали. Свели уже у собора своды и шеи, где быть главам, до половины сделали—и вдруг в ночь на 18 апреля собор рухнул, прямо на Спасский монастырь. Пришлось все вновь начинать: расчистили от кирпичей место, и вот 18 мая 1693 года, помолясь Богу, заложил новый собор. Через 6 лет собор был готов. В августе 1702 года при митрополите Стефане Яворском его освятили.

*) Подробно о св. Романе написано в книге: „Святой великомученик Роман, благоверный князь рязанский“. Рязань 1916.

**) Подробно об Успенском соборе написано в книге архимандрита Макария: „Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии“, в Ряз. Епарх. Ведом. 1902 г. № 16 в статье К. П. Т-ва.

Время шло. Стал собор приходить в ветхость: срывало у него бурею главы, кровлю, в сводах бывали расселины; в окнах было вставлено внизу стекло, а вверху—слюда, так вот слюду эту, случилось, ветром выбивало, в дыры зимним временем снегу в собор много падало, иконостас портился, в собор залетали галки, воробьи, у них были гнезда в иконостасе, и за криком птичьим иной раз едва было слышно церковное пение; в нижнем этаже, под церковью и алтарем в сводах и в стенах появлялись трещины, арки падали. Не раз собор поправляли. Наконец, он так обветшал, что с 1796 года перестали в нем служить, а Синод приказал его сломать. Только ломать собор, все-таки, не стали, а только исправили, что обветшало; все эти работы кончили и собор освятили 18 августа 1804 года. Потом собор поновляли еще несколько раз.

Около собора была колокольня. Это была низенькая колокольня, стояла она подле Архангельского собора, внутри архиерейского двора. Из-за большого Успенского собора ее не было видно, да и колокола ее были едва слышны.

Когда был царем Петр Великий, долго он воевал со шведами; для войны нужно было много пушек, а для пушек нужно было много меди; приказал Петр Великий для этого дела взять часть колоколов церковных. Тогда взяли и с рязанской соборной колокольни на пушечный двор для пушек и мортир четвертую часть колоколов.

Стояла эта старая колокольня долго, и вот задумали строить новую; 9 сентября 1789 года ее заложили, а заложили ее на месте Глебовской башни. Строили колокольню очень долго; окончили только в 1840 году.

Строили ее так долго потому, что все не хватало денег на постройку. Собрали денег—заложили колокольню, выстроили фундамент,—денег не хватило и работа стояла до 1797 года. Опять достал преосвящ. Симон денег; построили первый этаж, и опять работа стала. На этот раз выручил именитый гражданин Г. В. Рюмин: выстроил второй этаж, только уже не по тому плану, какой задумал преосв. Симон. Это было в 1816 году. Перенесли со старой колокольни колокола на второй ярус новой колокольни, и стояла так новая колокольня до 1832 г. Проезжал тогда через Рязань император Николай Павлович. Подивился он на огромный Успенский собор, увидал и недостроенную колокольню, и любопытно ему стало: давно ли колокольня строится. Ему рассказали, а он тогда велел колокольню достроить, дал денег. Выстро-

или еще один этаж, и опять не по Симоновскому плану, а по новому. А четвертый этаж построил Н. Г. Рюмин; этот четвертый ярус железный, а остальные каменные. Н. Г. Рюмин и часы пожертвовал на колокольню; часы эти боевые, да только итти они могут лишь весною и летом, да и то при особом за ними уходе.

Колоколов на колокольне 23. Самый большой весом в 500 пудов, а язык у него весит 16 пудов 24 фунта. На этом колоколе написано, что построен он митрополитом рязанским и муромским Иосифом в 1676 году из домово́й казны, а лил колокол мастер Федор Моторин.

Вышиной колокольня со шпилем в 122 аршина, а собор вышиной в 102 аршина, длиной в 55 аршин, а шириной в 33 аршина. *)

Главная святыня Успенского собора чудотворный Федотьевский образ Божией Матери. Он находится у второго столба направо от входа. Этот образ найден был в 1487 году близ села Федотьева теперешнего Спасского уезда при деревне Торчиной на поле на пустом месте, место это называлось „Старое“. Было много чудес от этой иконы, и ради этих чудес великий князь рязанский Иван Васильевич Третьей по совету епископа Симона перенес ее в Переяславль в Успенский собор, только, конечно, не в этот, а в тот, что был на месте Рождественского. Лет 200 тому назад эта икона пришла в ветхость и была возобновлена.

Празднество в честь Федотьевской иконы Божия Матери совершается 2 июля, должно быть, потому, что именно в этот день она перенесена была в Переяславль. В этот же день 2 июля празднуется и избавление Переяславля от нашествия черкасов (запорожских казаков) помощью и заступлением Богоматери. Случилось это вот как. Лет 300 тому назад, в 1617 году была у московского царя война с поляками, и пошел на Москву польский королевич Владислав, а к нему на помощь пришел малороссийский гетман Конашевич Сагайдачный и с ним 20.000 казаков. Шли казаки и все разоряли: разорили Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь, пытались разорить Михайлов, подступили и под Переяславль Рязанский и взяли его „острог“ и побили священников и много других людей, а „город“ взять им не пришлось: по

*) О соборной колокольне подробно написано в книге архимандрита Макария: „Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии“.

преданию, он был спасен заступлением св. Богородицы Одигитрии. Случилось это 30 июня 1618 года, и в память этого положено было в Переяславле 30 июня совершать по всем церквам особое празднество и крестный ход вокруг „города“ с чудотворной иконой Одигитрии, только давно уже этого крестного хода не бывает.

Еще есть в Успенском соборе очень почитаемый древний образ св. Иоанна Крестителя, у второго столба налево от входа. Каждый год 29 августа *) из окрестных сел и деревень приходит в собор очень много богомольцев. В это время на площади у присутственных мест бывает ярмарка. Бывает там ярмарка и 2 июля.

Зимой и Феодотьевская икона Богоматери и икона св. Иоанна Крестителя переносятся в Рождественский собор и помещаются в иконостасе.

Замечателен в Успенском соборе старинный иконостас: в нем иконы работы иконописца Николая Соломонова; они, впрочем, в 1802—1804 годах были исправлены, поновлены.

Стенная живопись в соборе новая, сделана в 1855 году московским художником Николаем Герасимовичем Степановым, а колонны расписаны в 1891 г.

В соборе стоят знамена рязанского ополчения в Севастопольскую кампанию 1855—56 года.

Успенский собор—один из самых замечательных соборов в России: ученые люди говорят, что замечателен он и по величественному своему виду и по отделке стен и дверей снаружи.

Между архиерейским домом и Успенским собором стоит Архангельский собор **).

Когда и кем построен этот собор, неизвестно, а есть предание, что построил его великий князь Рязанский Олег Иванович. Сначала он был домовою церковью рязанских князей, а потом в нем стали хоронить рязанских иерархов. Были раньше в соборе два придела: во имя свв. Бориса и Глеба и во имя св. князя Владимира. Была еще в старину подле Архангельского собора каменная колокольня, потом ее разобрали, сделали дубовую.

*) Это день Усекновения главы св. Иоанна Предтечи.

**) Подробно об этом соборе написано в книге архим. Макария „Сборник церковно-исторических и статистических сведений о рязанской епархии“.

В 1647 г. 8 сен. был пожар на архиерейском дворе, в это время обгорел и Архангельский собор и его колокольня. Через четыре года после того выстроили колокольню каменную, а под нею церковь во имя св. Николая Чудотворца. Прошло после того сто лет. К 1757 году собор до того обветшал, что в нем даже не служили, и не служили в нем до 1819 года. В 1819 году его возобновили, да плохо, и он опять обветшал; его опять возобновили в 1865 году и, когда возобновляли, изменили у него вид: с западной стороны пробили арку, сделали пристройку в виде трапезной. В это же время сломали старый иконостас и сделали новый, который и теперь стоит. В этом виде собор остается и до сих пор. Все-таки осталось в нем много старинного: например, двери—они обведены „веревочкой“. Само здание так старо, что глубоко опустилось в землю: пол ниже уровня земли, наружные части храма на поларшина в земле; под полом собора почти на два аршина глубины—солея о нескольких ступенях. А соборной колокольни давно уже нет: с тех пор, как стали стрсить большую соборную колокольню.

В Архангельском соборе есть замечательные древние иконы: икона св. Троицы, Благовещения, св. Николая Чудотворца, Страшного суда, св. Архангела Михаила, св. Ссфии Премудрости Божией, св. Параскевы, нареченные Пятницы. Образ св. Ссфии такой: в середине ангел с лицом огненного вида, с огненного же вида одеждою и крылами. Он в царском долматике и венце, на престоле. В правой руке у него жезл с лучезарным крестом на верху. Над головою ангела Савасф со св. Духом. Руки его простерты на благословение. По обоим сторонам Савасфа по два ангела: два—с рипидами, два с надписью: Бог, над Савасфом престол, а на нем книга и слова: „В начале бе слово и слово бе к Богу и Бог бе слово, се бе искони у Бога“. По сторонам ангела крылатого Богоматерь с руками, простертыми на молитву, и св. Исан Предтеча, у него в левой руке свиток, а на нем слова: „Се агнец Божий, взямляй грехи мира“. Про икону св. Параскевы говорят, что она очень древняя: еще в 1147 году прославилась она чудесами и исцелениями. Тогда была она в селе Казгри. Потом она была в Успенском соборе подле Федотьевского образа Божией Матери, а потом уже перенесли ее в Архангельский собор *).

*) Об этих образах подробно написано в книге архимандрита Макария: „Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии“.

Гробниц рязанских иерархов в Архангельском соборе 8: три по правую сторону при входе в храм, три—по левую, одна—на правом клиросе и одна в преддверии алтаря. Под тремя гробницами с правой стороны покоятся: под одною митрополит Иларион (1667—1669), под другою епископ Михаил (1548—1551), епископ Гурий (1554), архиепископ Θεодорит (1605—1616), архиепископ Антоний (1620—1637), а под третьей—епископ Иона (1522—1542).

В гробницах на левой стороне покоятся: под первую епископ Θεодосий (1472) и епископ Симон (1481), под вторую митрополит Иосиф (1647—1698) и митрополит Павел (1682—1687), а третья гробница сооружена в память погребенного в этом же соборе в 1735 году устюжского архиепископа Гавриила.

Под гробницей на правом клиросе покоится архиепископ Мисаил, а под гробницей в преддверии алтаря митрополит Стефан Яворский и архиепископ Алексей Титов. Тут же погребены архиепископ Сергей (скончался в 1824 году), Смарагд (1858—1863), Θεоктист (1882—1894), Мелетий, еп. Полиевкт, архиеп. Иоанн.

Из этих иерархов особенно замечательны вот какие. Архиепископ Θεодорит. Родился он при царе Иване Грозном в 1551 году. Говорят, будто он был родственником боярину Щереметьеву, имел поместья в рязанской земле. Когда ему было уже около 40 лет, он постригся в монахи, а в 1605 году казанский митрополит Гермоген рукоположил его в архиепископы рязанские и муромские. При Θεодорите достроен был прежний Успенский собор, при нем обретенны были мощи св. Василия, епископа рязанского, и перенесены от Борисоглебской церкви в Успенский собор. Говорят, он же сложил в честь св. Василия хвалебные песни в стихирах, тропарях и кондаках, составил жизнеописание св. Василия и приказал изобразить его на иконе. Быть архиепископом рязанским и муромским пришлось Θεодориту в тяжелое смутное время: не было тогда на Руси никакого порядка, шла смута. Θεодорит так себя держал в те годы, что его уважали и Самозванец и Шуйский и ради него немало сделали для рязанского духовенства. Когда в 1613 году собрался земский собор, чтобы избрать царя, то и Θεодорит был на этом соборе с другими рязанцами, а когда выбрали в цари Михаила Федоровича Романова и послали к нему послов просить его на царство, Θεодорит был в посольстве первым человеком и много труда положил на то

чтобы уговорить Михаила согласиться был царем на Москве. Умер Феодирит в 1617 году 10 сентября.

В церковном древлехранилище хранится золотой крест чеканной работы, который Феодорит по обещанию дал в Успенский собор. На этом кресте есть надпись: „По обещанию Феодорита архиепископа рязанского и муромского лета 7119 (1611) генваря 6 день“. А среди старинных антиминсов есть антиминс от того времени, когда царя на Москве еще не было и правили царством бояре. Антиминс этот сделан из грубого холста, на нем нет никаких изображений, кроме креста, изображенного чернилами, с такою надписью: „Лета 7120 (1612) освящен храм Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа великого московского царства при боярах и при архиепископе Феодорите на память святого апостола Филиппа нсября 14 день“.

Потом еще замечательным архиепископом был Мисаил. Родился он лет около 300 тому назад—недалеко от Новгорода, а когда именно он родился и кто были его родители и как он жил до тех пор, как постригся в монахи, ничего неизвестно. Постригся он в монахи в Воскресенском Деревяницком монастыре в 4 верстах от Новгорода. Жизни он был строгой, поэтому на него обратил внимание новгородский митрополит, а митрополитом был Никон. В 1651 году умер рязанский архиепископ Моисей. Вот Никон тогда и посоветовал царю и собору святителей посвятить Мисаила в архиепископы Рязанские.

Рязанская епархия в ту пору была гораздо больше теперешней: в нее входила и теперешняя Рязанская губерния и Тамбовская и Воронежская, большая часть Тульской, Владимирской, Орловской, Курской, часть области войска донского, часть Пензенской губернии. В рязанской епархии жили и русские, и татары, и мещера, и мордва. Мещерики давно уже стали христианами, а мордва в то время была еще языческой, да и у мещеряков было еще много языческого и не только у мещеряков, и у русских разных языческих суеверий было довольно, кое-где бывали игры в честь языческих богов Ярила, Авсенья. Кое-где бывали такие люди, что постов не соблюдали, у исповеди и причастия не бывали, из духовных людей многие пьянствовали.

Как узнал про все это Мисаил, принялся он за работу: рассылал грамоты духовенству и грозил: „Если де какие попы, дьяконы, дьячки церковные станут упиваться и церкви Божии будут оставаться без пения, то вы, игумены, приказывайте

брать таких и сажать для смирения на нашем дворе в цепь на шесть недель". Приказывал Мисаил поповским старостам смотреть, чтобы кого они присылают для посвящения во священники и дьяконы, были люди добрые, благочинные, искусны и грамоте учены; а если ставленники оказывались не такими, он их отсылал назад. Приказывал еще Мисаил духовенству, чтобы во время церковной службы они петь и читать не торопились, чтобы вместе во многие голоса не пели и не читали: а то бывало и так, что в одно время священник читает свое, дьякон свое, а дьячок поет свое. Бывало в то время много и таких священников и дьяконов, что посвящены не были, а требы совершали. Мисаил таких священников и дьяконов отрешил и послал доверенных духовных лиц снова совершить над прихожанами таинства.

Случилась при Мисаиле моровая язва в 1654 году. Мисаил и тут заботится о пастве: уговаривал Богу молиться, приказывал ограждать зараженные места крепкими заставами, жечь костры для очищения воздуха и проч.

Много забот положил Мисаил и на то, чтобы обратить в Христову веру татар и мордву. Не раз он к ним ездил. Иной раз они его проповедь слушали, крестились, а иной раз упорствовали, стояли за свою старую языческую веру и встречали Мисаила с кольями, рогатинами, луками, топорами.

Вот поехал Мисаил весной 1656 года к мордве в те места, где теперь шацкий и тамбовский уезды, стал проповедовать, а мордва и слышать не хочет, стоит на своем. Мисаил написал царю, а царь прислал Мисаилу грамоту, а в грамоте приказывал мордве, чтобы слушала она Мисаилову проповедь и крестилась. Поехал тогда Мисаил опять к мордве.

Подъезжал он к деревне Ямбириной, а там человек 500 мордвы и татар с ружьями, с луками, с дубинами, одни стали на пажити, а другие залегли в избах, срубках и клетях перед деревней. Впереди ехал конюший архиепископа Бахолдин, боярский сын, вместе с домовыми владычными людьми. В'ехали они в околицу, а мордва — на них, стреляет из ружей. Тогда Мисаил мимо домовых людей под'ехал сам к мордве поговорить, об'явить царский указ, а мордва выскочила из срубов, клетей, изб с дубинами, ружьями, кольями; слуг Мисаиловых разогнали, а по нем начали стрелять из луков, хотели заколоть копьем. Тут под'ехал конюший Бахолдин, оттолкнул мордвина с копьем, а стрела все таки попала Мисаилу в левую руку и сквозь руку прошла под

мышку. Еле еле отбил Бахолдин Мисаила от морзвы. Положили Мисаила в сани и привезли в село Агламазово.

Случилось это во вторник на страстной неделе 1 апреля 1656 года, а в четверг на святой неделе 10 апреля Мисаил умер и завещал положить его близ Черниева монастыря у церкви св.-муч. Мины на пустом месте в лесу. Так и сделали.

В этом же году после Троицына дня взяли тело Мисаила из могилы и перевезли в Переяславль и похоронили в Архангельском соборе.

Походная мантия Мисаила из голубой камки повешена на стене против гробницы за стеклом. На ней видны две прошибины в левой стороне и в разных местах капли крови.

В церковном древлехранилище хранится митра архиепископа Мисаила. Эта митра замечательна роскошными и очень искусно сделанными украшениями. Особенное внимание ученые обращают на изображения Спасителя, Богоматери и другие, а больше всего на образ Знамения: говорят, что это драгоценный образец финифтяного русского производства. Очень хорошо также сделана надпись на нижнем обруче. Надпись эта сделана „вязью“^{*}. *)

А самый знаменитый из рязанских владык, что погребены в Архангельском соборе—Стефан Яворский. Рязанским митрополитом он был с 1700 года и до смерти, а умер он в 1722 году. Только в Рязани он почти не жил: скоро после того, как его поставили рязанским митрополитом, умер патриарх Адриан, тогда Петр В. назначил Стефана блюстителем и экзархом патриарша престола, а когда Петр учредил Синод, то назначил Стефана его президентом. Так и пришлось Стефану почти все время жить то в Москве, то в Петербурге. Умер он в Москве, а погребен был в Рязани сначала в Успенском соборе, а потом в Архангельском.

Замечателен Стефан Яворский не только тем, что занимал такие высокие должности, он знаменитый был проповедник и сочинитель. А в своих проповедях и сочинениях он и Петру В. помогал в тех делах, что были на пользу русскому государству, и чистоту православной веры оберегал. Самое знаменитое его сочинение: „Камень веры, православным церкви святыя сынам на утверждение и духовное назидание, претыкающимся же о камень претыкания

^{*}) Подробное описание ризниц архиерейского дома есть в Трудах Рязанской Архивной Комиссии за 1911 год: выпуск I, стр. 69, статья К. Н. Любарского: „Краткий обзор ризницы Рязанского архиерейского дома“.

и соблазны — на восстание и исправление". Эта книга замечательна тем, что в ней Стефан смело и горячо оберегал православных русских людей от проповедей иностранцев — лютеран: он защищал православное учение о почитании икон, креста, мощей, об евхаристии, о призывании святых и разбивал ответы лютеран. Такая книга, конечно, не могла понравиться высоким сановникам из лютеран, которых у нас в ту пору было немало. Поэтому „Камень веры“ долго не печатали, а когда напечатали, запретили продавать, а тех епископов, которые эту книгу одобряли, жестоко наказывали: друга Стефана, архиепископа Тверского Феофилакта Лопатинского в Тайной канцелярии (в роде сыскного отделения) жестоко пытали — три раза поднимали на виску, три раза били батогами без рубашки, а потом лишили сана и заточили в Петропавловскую крепость на два года — и все это за то, что он одобрил „Камень веры“, и все в угоду немцам, которые при императрице Анне Ивановне у нас всем вертели и над всеми властвовали.

В семинарской библиотеке до ныне хранится книга „Камень веры“ с надписью Стефана Яворского, а в ризнице архиерейского дома есть панагия, которую Петр В. пожаловал Стефану: эта панагия серебряная, позолоченая, на лицевой стороне — образ Распятия Господня на камне или на фарфоре, а на другой стороне — портрет Петра В. В трудах Рязанской архивной комиссии за 1891 г. в № 6 есть стихотворение Стефана Яворского. Оно написано на латинском языке и переведено на славянский. Называется это стихотворение „Последнее книгам целование“. Написал его Стефан Яворский, когда уже чувствовал, что скоро умрет, и завещал свою библиотеку нежинскому монастырю. Это очень хорошее, трогательное стихотворение. Кто его прочитает, тот увидит, как любил Стефан Яворский книги, как тяжело ему было с ними расставаться: они для него были „светом, слаще меда и сота“, были „его богатством, славою, раем любви“.

Замечательным русским архиереем был и архиепископ Смарагд (Крыжановский). О нем писали и ученые, и сочинители рассказов и романов, много о нем написано и воспоминаний *).

Это был епископ горячий, резкий, „неумный“, но правдивый, никого он не боялся, всем и каждому резко и прямо

*) Профессор Н. Н. Глубоковский „Архиепископ Рязанский Смарагд (Крыжановский) в своих административных отношениях, иерархическом правлении и личной жизни“. — Н. С. Лесков „Мелочи архиерейской жизни“).

в глаза говорил правду: об этом много рассказывают рязанские старожилы. С духовенством был он и горяч, и груб, и резок, но зато чуток он был к чужому горю, снисходителен ко многосемейным, сердоболен ко вдовам и сиротам; сердце у него было любвеобильное; многих он обидел, многих огорчил, зато и добра много сделал на своем веку. Был он для духовенства покровителем и печальником, спасал его и от чиновников и от высокомерных дворян, он возвысил духовенство и в его собственных и в сторонних глазах. Довелось ему управлять многими епархиями, и везде он работал неустанно, быстро, был правдив и доступен каждому.

В Рязани, между прочим, он построил храм во имя св. Романа, князя Рязанского в 1861 году в загородном архиерейском доме в Новопавловке.

Между Архангельским собором и Спасским монастырем, позади Успенского собора стоит двухэтажное мрачное здание со старинными узкими маленькими окнами. Это здание построено давно, больше 250 лет тому назад: в нижнем этаже его в те давние времена было холодное помещение, должно быть, конюшня, а в верхнем жила архиерейская дворня. Потом здесь помещались разные епархиальные учреждения: архиепископские разряды, что ведали распорядительную, судебную и исполнительную часть по церковным делам в епархии, казенные приказы, которые управляли финансовыми делами—сооружением церквей и монастырей, сбором вечных пошлин и церковных даней, дворцовые приказы, управлявшие архиерейскими вотчинами. При митрополите Стефане Яворском здесь была архиерейская канцелярия, потом—епархиальная дикастерия, а с 1744 года—консистория. Консистория там была до 1892 года.

Спасский монастырь *) в старину стоял там же, где и теперь. Когда он основан, неизвестно, известно только то, что лет 500 тому назад уж он стоял. С трех сторон монастырь окружен каменной оградой, а с четвертой около него тот самый старинный дом, в котором раньше была консистория. По углам ограды устроены две невысоких башни.

В монастыре три храма. Самый древний из них Бого-явленский. Он стоит вместе с колокольней. Построен он

*) О Спасском монастыре и о других монастырях и церквях Рязани написано, правда, очень кратко, в книге свящ. Иоанна Добролюбова: „Историко-статистическое описание церквей и монастырей рязанской епархии“, том I. Подробно написано про Спасский монастырь в книге Архимандрита Макария: „Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии“.

лет 250 тому назад с лишним. Раньше в этом храме было два придела: один—Покровский, устроен он был в 1647 году, а другой в честь св. Иоанна Богослова, устроен в 1779 году. Теперь сохранился только Покровский придел—в честь Покрова Пресвятые Богородицы, только вид у него не старинный, потому что в 1848 г. его возобновили. До 1763 года был в Богоявленском храме старинный иконостас, в 1763 году он сгорел, и вместо него сделали новый, да и его потом поновляли. В этом храме есть две очень чтимые и очень древние иконы: одна икона—Пресвятые Богородицы „Утоли моя печали“; другая икона—св. апостола Иоанна Богослова.

Другой храм—соборный—Преображения Господня. Он построен в 1702 году. В этом храме иконостас старинный, сделан в том же 1702 году, только все-таки его потом, в 1800 году, возобновляли. Есть в этом храме еще очень чтимая икона—снимок с Тихвинской иконы Богоматери; написана она в 1749 году. На наружных стенах храма замечательны украшения—изразцы: в старину часто для украшения стен в них вставляли цветные изразцы.

Есть еще храм в монастыре в настоятельском и братском корпусе—в честь св. Иоанна Богослова и св. Иосифа Обручника. Его устроили совсем недавно—в 1904 году. А в старые годы был в монастыре храм над святыми воротами—в честь св. Варлаама Хутынского, да стоял он недолго: в 1679 году его освятили, а в 1692 г. обвалился Успенский собор и его разрушил.

Часовню в башне с иконой великомуч. Пантелеимона сделали совсем недавно—в 1908 году.

На колокольне монастыря очень звонкие колокола: из них самый звонкий слит в 1647 году Коломенским епископом Рафаилом и сыном его архимандритом Спасского монастыря Боголепом.

Таков был „город“ Переяславль. Между улицами были маленькие переулки, глухие переулки, глухие улки, а около улиц и переулков стояли дворы, огороды, сады. Были тут дворы монастырские: Духова монастыря, Ольгова монастыря, Богословского монастыря, Радовицкого, Аграфениной пустыни, были дворы бояр Льва Кирилловича Нарышкина, Я. Н. Одоевского, окольного князя Волконского, думного дворянина Б. И. Лихарева, стольников Вердеревского, кн. Голицына, кн. Мышецкого, кн. Кропоткина, были дворы простых служащих людей—„рязанцев“. Некоторые из их дворов

были „осадные дворы“, а в них жили в „дворниках“ всяких чинов люди: бобыли из посадских людей и прихожие из разных городов; стояли эти дворы не только в городе, стояли они и в остроге у Спаса на Яру и на Выползовой слободе и на посаде. А осадными дворами назывались такие дворы, куда их владельцы укрывались во время осады, а дворниками назывались люди, которые проживали на городских дворах служилых людей и монастырей в роде управляющих.

Тут же, в городе стояли дворы приказных людей: губной избы под'ячего, приказной избы под'ячего, Митропольных людей: митропольного дому серебрянника митропольных певчих, митропольного дому дворцового приказу под'ячего, митрополья сына боярского, митрополья дому стряпчего. Были тут и дворы других людей, служащих при храме: попов, соборного пономаря, дьячка, иконописца, дьякона, соборной церкви ключаря, соборного дьякона; был двор именитого человека Г. Д. Строгонова, гостиной сотни человека, только не было дворов простых посадских людей, городского простонародья.

Если из „города“ выйти через Глебовские ворота и по мосту перейти сухой ров, то через ворота в конце моста мы попадем в „острог“ и выйдем на небольшую площадь. С этой площади в разные концы острога вели 6 дорог или улиц.

Направо, около стены „острога“ шла улица от Глебовского моста к Спасу на Яру; потом мимо этой церкви и ее кладбища шла опять около острожной стены и выходила на Большую Московскую дорогу около Московской острожной проезжей башни.

Церковь Спаса на Яру и теперь стоит. Она стояла тут еще в 1626 году, только тогда она была деревянная, и в ней был придел во имя великомученицы Параскевы Пятницы. Потом, в 1685 году этот храм сгорел, построили на его месте новый храм, а через десять лет, в 1695 году стольник И. И. Вердеревский вместо него построил каменный храм с каменной же колокольней, тот самый, что и теперь стоит, только потом кое-что немного в нем переделали: сделали крыльцо, заделали северные двери, переделали окна, раньше был придел во имя великомученицы Параскевы, его упразднили, потому что было тесно; теперь есть только придел во имя девяти мучеников Кизических. Все-таки этот храм сохранился хорошо и, глядя на него, можно узнать, как строили у нас храмы лет около 300 тому назад: колокольня шатровая, а в ней, в шатре, окошечки „слухи“,

чтобы крыша не заглушала колоколов, купол—луковицей, под ним „барабан“, а под „барабаном“ „кокошники“; наверху стены украшения тоже в виде „кокошников“; около входной двери видны выступы—это двери обведены „веревочкой“. Внутри храма старинный иконостас и в настоящей церкви и в приделе, а в иконостасе старинные образа; люди ученые говорят, что на эти образа следует обратить внимание. У правого клироса—Нерукотворенный образ Спасителя, тот самый, что был на Спасской башне. Если посмотреть вверх по стенам и своду главной части Спасоярской церкви, можно увидеть там небольшие отверстия, круглые: это, должно быть, голосники: их устраивали для того, чтобы лучше было слышно все, что в храме читается и поется *).

Большая Московская дорога начиналась, собственно говоря, на „торгу“, где теперь Старый базар, потом шла по мосту к Лыбедным воротам острога, затем „во рву“, т. е. около вала, где теперь Нижняя Ильинка, подымалась около Глебовского моста кверху и здесь расширялась до 12½ сажень, а потом суживалась до 5 саж. и такой ширины была и дальше.

У Глебовского моста стояло несколько лавок, в них торговали калачами. За Глебовским мостом Московская дорога немного сворачивала к Спасоярской церкви, а потом шла через усадьбы, что теперь между Спасоярской площадью и соборным бульваром. Тут она проходила мимо церквей св. великомученика Георгия и св. великомученицы Екатерины. Церковь вм. Георгия, должно быть, была ближе к Глебовскому мосту, а церковь вм. Екатерины ближе к теперешней Театральной улице. При этих церквях, как и при других, были кладбища. Когда рассаживали бульвар соборный и строили около него дома, и рыли землю, находили великое множество костей: это разрыли церковные кладбища, которые в старину были на этом месте.

Потом Московская дорога пересекала теперешнюю Театральную улицу усадьбы между нею и Болдаревской и выходила на Болдаревскую, где в каком-то месте, в средней части улицы была Московская проезжая башня.

Если от Глебовского моста мы свернем влево, то перед нами будет дорога, что мимо церкви Фрола и Лавра вела

*) Об голосниках подробно можно прочитать в книге А. Новицкого: „История русского искусства с древнейших времен“, том I, стр. 86—88.

О Спасоярской церкви подробнее написано в Рязанских Епархиальных Ведомостях 1892 г., стр. 176.

под гору в ров к речке Лыбеди, т. е. к Лыбедным воротам острога. Шириной она была в 3 саж. и шла подле рва, т. е. там, где теперь Верхняя Ильинка; церковь Фрола и Лавра стояла, должно быть, или там, где теперь церковь Ильи Пророка или около нее.

А церковь Ильи Пророка сначала была в „городе“ подле Спасского монастыря и была деревянная. Потом, в 1679 году ее перенесли в „острог“ за Глебовские ворота, туда, где она и теперь стоит. И тут сначала она была деревянная, а потом ее разобрали и построили опять, из кирпича Успенского собора, который в ту пору обрушился. Было это в 1699—1700 гг. Это и есть тот храм, что теперь стоит, только разными пристройками и переделками его вид очень изменили: сначала в трапезной сделали придел во имя великомуч. Георгия, потом трапезную церковь расширили и сделали два придела: во имя св. Иоанна Богослова и архидиакона Стефана, и сделали еще каменную колокольню. Это было около 1806 года. Прошло лет 70—к восточной части храма сделали пристройки, а в них перенесли престолы из трапезной. От этих переделок вид храма исказился. И внутри храма старинного мало: иконостасы все нового устройства. Из образов замечательна чудотворная Смоленская икона Божией Матери, та самая, что стояла в часовне над Глебовскими воротами. В церкви Ильи Пророка она находится в трапезной, направо от входа *).

Налево от Глебовного моста можно было попасть еще на дорогу, которая вела к церкви Введения Богородицы и к речке Лыбеди, т. е. Лыбедным малым воротам. Дорога эта, шириной в 2½ саж. шла мимо Стрелецкой слободы, а Стрелецкая слобода была в „остроге“ же, по левую сторону от Большой Московской дороги и занимала, должно быть, место между Соборной улицей и Нижнепочтовой. Церковь Введения была, должно быть, где-то в том месте теперешней Новой Слободки, против которого внизу под горой мост через Лыбедь у Скоморошьей горы: не так давно в одной усадьбе посредине Новой Слободки рыли землю и наткнулись на кости, на кладбище, а при церкви Введения было кладбище. Собственно говоря, было две церкви Введения: одна старая—подле острожной стены, а другая—новая—через дорогу, что шла мимо этой церкви из Стрелецкой слободы в переулочек ко двору стольника Ивана Лепунова: эта доро-

*) О церкви св. Ильи порядка подробнее описано в Рязанских Епархиальных Ведомостях за 1892 г. стр. 178.

та шла около острожной стены сначала, примерно, там, где Новая Слободка, а потом сворачивала к Ильинке. А дорога от ц. Введенья к Глебовскому мосту шла через усадьбы, что между Новой слободкой и Ильинкой. На этой дороге стояла Полковая приказная изба.

От Глебовского же моста, наконец, шла дорога в Стрелецкую слободу, шириной в 3 саж. Эта дорога была по левую сторону Соборной улицы, недалеко от Соборного бульвара.

Кроме этих дорог, в остроге были еще переулки, глухие улицы, а по сторонам дорог, переулков, улиц стояли дворы, сады, огороды, скотские дворы, пустыри, было даже озерко, где то около дороги из Стрелецкой слободки к Глебовскому мосту.

Дворов посадских людей в „остроге“ почти не было. В Стрелецкой слободе были стрелецкие дворовые места, а среди них и в других частях „острога“ дворы служилых людей, из которых много было „осадных“, несколько дворов приказных людей и много дворов людей митрополских и духовных: митрополю дому серебряника, митрополю дому певчих, митрополю часовника, митрополских подьячих и пр., соборной церкви ключаря, соборной церкви попа, соборной церкви дьякона и др.; были здесь, наконец, и дворы монастырские.

Если выехать из „острога“ через Московские ворота в Московской проезжей башне по Большой Московской дороге, то попадешь в посад Переяславля Рязанского. Это был „верхний посад“, а за Рязанскими воротами „города“ был „Нижний посад“.

Большая Московская дорога, а была она тут в ширину 6 сажень, пересекала посад и шла так: от средней части той стороны Болдаревской улицы, что по правую сторону от Соборной, она пересекала усадьбы между Болдаревской и Семинарской и выходила к алтарю Семинарской церкви, пересекала Семинарскую, шла через усадьбы на левой стороне Семинарской и выходила на теперешнюю Сенную. На Сенной еще недавно был большой овраг, от которого теперь остался только овраг около Борисоглебской церкви. Этот овраг был, конечно, и в старину. Так вот Большая Московская дорога до него не доходила, она шла его левым берегом, а потом, недалеко от Нового Базара выходила на теперешнюю Московскую улицу.

В саду одного из домов Сенной площади (дома Савичева) и теперь есть старинная каменная часовня. Эта часовня, должно быть, стояла на Большой Московской дороге. В часовне была когда-то икона, написанная на железном листе,—копия Корсунской иконы Божией Матери. В 1799 году ее из часовни перенесли в Борисоглебскую церковь, где она находится и теперь в правом приделе.

По правую сторону Московской дороги в посаде была „Архиепископля посадская слобода“ или иначе „домовая Пречистые Богородицы и Борисоглебская слобода“. Она тянулась по берегу Трубежа, занимала, приблизительно, то место, где теперь Семинарская, Борисоглебская и Набережная улицы и кончалась, где-то недалеко от Дома Трудолюбия.

За оврагом по слободе проходила Большая Борисоглебская улица: начиналась она около теперешней Сенной площади и шла, примерно, между Семинарской и Московской улицами; в правую сторону, к Трубежу шли переулки, напр., Ивачевский, Душилов, Рыжов, Дорожкин, а за Селезневской, там, где усадьбы, между Семинарской и Московской, было всполье; со всполья тоже шли переулки к Трубежу: Романовский, Негодяев.

В начале слободы на Московской дороге стояла церковь св. Анастасии мученицы, дальше стояли Борисоглебский собор, мытный двор на берегу Трубежа, недалеко от Борисоглебского собора и Вознесенская (теперь Николо-Высоковская) церковь.

Церковь св. Анастасии мученицы стояла на том месте, где теперь Семинарская церковь. Стояла она с давних пор, еще в 1598 году она здесь стояла. А еще тут была церковь Сретения Пречистые Богородицы с трапезою. Обе эти церкви были деревянные. Потом вместо этих двух церквей выстроили одну деревянную церковь во имя Сретения Пречистые Богородицы с приделом мученицы Анастасии, а в 1695 году вместо деревянной церкви выстроили каменную, тоже во имя Сретения Пречистые Богородицы: это и есть теперешняя семинарская церковь.

Сретение Пречистые Богородицы—это встреча Владимирской иконы Богоматери: про эту встречу рассказывают вот что: давно, давно, лет 500 с лишним тому назад шел на русскую землю страшный, монгольский хан Тамерлан. Испугались русские люди, и вот, чтобы ободрить их, при-

казал московский князь Василий Дмитриевич перенести из Владимира в Москву чудотворную Владимирскую икону Богоматери; и когда ее принесли к Москве, вышел он к ней навстречу, и в этот самый день, 26 августа, вдруг Тамерлан повернул в сторону от русской земли, не стал ее разорять, и поставил тогда великий князь московский монастырь на том месте, где он встретил святую икону, и приказал каждый год 26 августа праздновать сретение Владимирской иконы Богоматери. Вот в этот день, 26 августа, бывает храмовой праздник и в Семинарской церкви.

Владимирскую икону в рязанской земле очень почитают и вот почему.

Лет 700 тому назад жил в рязанской земле князь Глеб Ростиславич, а у него был шурин Ярополк Ростиславич, племянник Владимирского великого князя Андрея Боголюбского. В 1174 году Андрея Боголюбского убили, и тогда началась во Владимирском княжестве усобица, и рязанский князь Глеб вмешался в эту усобицу, помогал шурину сестре во Владимире князем; вмешался он в усобицу и ходил войной на Владимир и ограбил город и похитил икону Богоматери, ту икону, которая называется Владимирской и теперь находится в Москве в Успенском соборе. Увез Глеб икону в Рязань (Старую), и была она в Рязани с осени 1175 года до середины 1176 года. Тогда пришлось ему отдать ее назад во Владимир.

Память о том, что св. икона Владимирская была в рязанской земле, надолго там осталась; поэтому и храм был воздвигнут в Переяславле Рязанском в честь этой иконы, и установлен крестный ход 26 августа. *)

Семинарской эта церковь стала с 1753 года. Тогда как раз переведена была семинария на то место, где она теперь помещается. В ту пору стояла тут еще церковь, не каменная, деревянная, во имя св. Григория Богослова; потом деревянную церковь упразднили, а в каменной устроили трапезную с двумя приделами и колокольню; в трапезной было два этажа: в нижнем—были два придела: правый во имя Григория Богослова, а левый—во имя св. мученицы Анастасии, а в верхнем этаже была кладовая палата, одно время там помещалась семинарская библиотека.

*) Про это написано в книге архим. Макария "Сборник церковно-исторических и статистических сведений о рязанской епархии", стр. 76, 77.

Прошло много лет. Тесна стала трапезная церковь, и вот в 1839 году упразднили в трапезной приделы, пробили открытую арку и соединили трапезную с настоящим храмом. Лет через 19 после того в 1858 году сделали новый алтарь, потому что старый и обветшал и стал тесен; в новом алтаре было три отделения, и в них сделали три престола: средний в честь Владимирской иконы Божией Матери, правый— во имя трех вселенских святителей, а левый во имя св. Василия, епископа Рязанского.

Прошло после того еще 19 лет, и вот в 1877 году опять стали переделывать храм, теперь с наружной стороны: исправили стены, где они обветшали, сделали новые главы и кресты на церкви и на колокольне; а через четыре года после того в 1881 году начали строить новый иконостас, тот, что теперь находится в храме, по рисунку рязанского художника Н. В. Шумова. До того времени иконостас в храме был старинный, стоял с 1695 года, и стал он очень ветхий и на многих иконах едва можно было разобрать лики святых.

Уже совсем недавно, в 1916 году устроен был в семинарском храме четвертый престол, в маленькой пристройке: Этот престол освящен во имя св. великомученика Романа, князя рязанского, и преподобного Серафима, а пристройка была сделана еще в 1889 году, и этой пристройкой сильно исказили старинный вид храма. *)

Храм во имя свв. Бориса и Глеба был в Переяславле давным давно: в первый раз он был построен в 1152 году, лет 700 с лишним тому назад: только, конечно, он был не такой, как теперешний, и не там он стоял, где теперешний, а недалеко от него, где теперь стоит памятник.

Когда владыки рязанские переехали на житье из Старой Рязани в Переяславль, стали они жить около Борисоглебского храма, и стал тогда Борисоглебский храм кафедральным собором; был он кафедральным собором до 1522 года, в 1522 году приехал в Переяславль епископ Иона II, увидал, что собор—совсем ветхий, и не стал он тут служить, стал служить «в городе», в Успенском соборе, там же около собора и палаты он себе поставил, потому что было там поспокойнее, а вместо ветхого Борисоглебского храма выстроил он новый, каменный и при нем деревянный придел в честь Святые Пятницы.

*) Об этом и о всех других храмах Рязани довольно подробно написано в статье Н. С-ва «Исторический очерк всех церквей и монастырей г. Рязани в их хронологической последовательности с основания города и до настоящего времени». Ряз. Епарх. Вестн. 1906 года № 13, 14 и 15.

Перестал быть кафедральным собором Борисглебский храм, а соборным он все-таки назывался; не так давно, лет 40 тому назад еще называли его соборным.

Тот храм, что выстроил епископ Иона, простоял лет около 100 и развалился: в 1618 году под Переяславль пришли запорожские казаки и много людей побили и много вреда сделами храмам Божиим, а Борисоглебский храм так повредили, что через два года он развалился. Стали тогда строить новый храм, только уже на новом месте, потому что боялись обвалов земли в овраг. Вот почему и случилось, что могила св. Василия раньше была в храме, а потом оказалась внехрама. Этот новый храм был деревянный и сверху у него был придел во имя священного Автонома.

Недалеко от Борисоглебской церкви стояла в ту пору Ильинская церковь и совсем была ветхая. Вот вместо этих двух церквей — Борисоглебской и Ильинской — в 1685—1687 г.г. построили одну каменную церковь Борисоглебскую. В Ильинской церкви был старинный образ св. Илии; этот образ был очень почитаем, и в честь его поэтому в трапезной Борисглебской церкви сделали придел в честь св. Илии пророка. Вот часть этой каменной церкви и сейчас стоит, это то часть Борисоглебской церкви, где главный алтарь. Эта часть сохранила и свой наружный старинный вид, раньше — до 1882 года она была крыта черепицей — каменными плитами, а в 1882 году часть крыши обвалилась, могла обвалиться и вся крыша, поэтому ее разобрали и сделали железную. Теперешняя трапезная Борисоглебской церкви и колокольня — не старинные они выстроены недавно. Дело было так.

Началось с того, что придел во имя пророка Илии переименовали и освятили в честь Корсунской иконы Божией матери. Это было в 1799 году. Потом в 1810 году пристроили к трапезной еще придел — с правой стороны этот новый придел освятили в честь Корсунской иконы, а прежний — во имя Богоотца Иоакима и Анны. Прошло 30 лет. Трапезная была очень тесна, и вот в 1840 и 1841 годах выстроили новую трапезную церковь, побольше; в ней было три придела: на правой стороне — в честь Корсунской иконы Божией Матери, на левой — в честь великомученика Иоанна Нового, а третий — во имя св. Богоотца Иоакима и Анны вверху, над проходом в настоящую церковь, он был так мал, что в нем могли помещаться только одни священнослужители, а молящиеся стояли внизу. Прошло еще 30 лет, и стала трапез-

ная опять тесна, была она и низка: в праздничные дни при большом стечении народа бывало так душно, что даже свечи гасли. Стали поэтому ее опять перестраивать и выстроили в том виде, как теперь, с двумя только приделами: правым— в честь Корсунской иконы и левым в честь св. Иоанна нового. Это было в 1870 году, а в 1902 году трапезную соединили с настоящей—раньше в арке были двери, а теперь их приняли.

Ту колокольню, что теперь стоит, построили около 1873 года. Говорят, что она похожа на прежнюю, старинную колокольню, только прежняя колокольня была украшена множеством орнаментов, а у новой их не сделали. Сломали прежнюю колокольню потому, что она стала наклоняться, боялись, что она совсем упадет, а кроме того, на нее никак не помещался большой колокол в 306 пудов, который в 1852 году пожертвовал рязанский купец И. В. Осминин: пришлось для этого колокола устроить небольшую деревянную колокольницу на столбах.

Иконостасы в приделах, конечно, новые, новые в них и иконы, кроме Корсунской; и в главной церкви иконостас не старинный, устроен в 1829 году, тогда же написаны для него и иконы, кроме Феодотьевской иконы. Эта Феодотьевская икона находится по левую сторону от царских врат, на обратной стороне ее изображены равноапостольные Константин и Елена и сделана надпись про икону, что икона эта списана с древнего Феодотьевского образа Богородицы в 1611 году по повелению архиепископа Феодорита.

Кроме Феодотьевской иконы в храме есть еще старинные образа: образ свв. Бориса и Глеба и Корсунская икона Божией Матери; эта икона написана на железном листе, обложена ризою и вся осыпана жемчугом, стразами и другими драгоценными камнями, она вкладывается в доску, на которой изображен ангел, держащий ее руками. Эта икона очень почитается в Рязани: перед нею особенно молятся беременные женщины.

Мощи святителя Василия покоились в Борисоглебском соборе до 1609 года, а в этом году архиепископ Феодорит перенес их в Успенский собор. На том месте, где обретенны мощи св. Василия, с давних пор была построена деревянная палатка, а в ней стояла деревянная гробница, покрытая синим полотном; когда эта палатка и гробница от ветхости развалились, построили каменную палатку и гробницу, а

потом, когда и они развалились, их разобрали и спустя некоторое время, в 1836 году, поставили тот самый чугунный памятник, который и теперь стоит. По сторонам памятника есть изображения из жизни св. Василия, а под ними надписи, которые объясняют, что изображено *).

Около Борисоглебского собора, на теперешней Борисоглебской улице в 1727—28 году были построены пять светлиц, житницы, хлебня и другие необходимые „каморы“: все это для архиерейской школы. Сюда ее перевели тогда из Духова монастыря. Тут, у Бориса и Глеба школа эта, или славяно-латинская семинария, помещалась до 1748 года. В этом году, в полночь с 28 на 29 апреля эти здания все без остатка сгорели от поджога, по преданию, поджег их какой-то „ленивец-негодяй“ из семинаристов. Во время пожара сгорел ученик Козьма Поликарпов и не мало латинских книг. В мае того же года семинарию перевели в архиерейский дом, а в октябре в Троицкий монастырь.

„Мытный двор“—это был двор, где собирали пошину за проезд через владычный Борисоглебский мост, по этому мосту ездили из „острога“ в архиерейскую владычную слободу. Пошину эту собирали в пользу соборных и Борисоглебских священников: из семи денег соборным шло три деньги, а Борисоглебским четыре.

Архиерейский Богородицкий дом и вся его усадьба были около церкви Николы Высокого в просторечьи Долгошей. Усадьба шла, начиная от Трубежа, приблизительно по теперешней Никольской улице к Московской и, не доходя до нее, поворачивала углом к оврагу, отделяющему город от Троицкой слободы, а от оврага, захватив почти весь артиллерийский плац, шла опять к Трубежу **). Место большое, и не мудрено: чего только на этой усадьбе не было: самый дом стоял на крутом берегу Трубежа с двумя выходами и крыльцами: одно к Трубежу, а другое — в сад; дом был деревянный, одноэтажный, очень большой—длинной 21 саж.; в нем было 12 архиерейских покоев; да еще при доме была Крестовая церковь во имя Казанской иконы Богородицы. Было, кроме того, при доме четыре кельи, а между ними трое сеней. При доме были службы: приспеш-

*) Подробное описание Борисоглебского храма есть в Рязанских Епархиальных Ведомостях 1904 г. №№ 2, 3 и 4.

**) Владычная слобода и Богородицкий дом очень подробно и хорошо описаны И. И. Проходцовым в статье: „Рязанский Богородицкий архиерейский дом“ в Ряз. Епарх. Вед. 1902 г.

ня, поварня, погреб, баня; был тут еще сад в 9 десятин. И дом со службами, и сад огорожены были палисадником.

Говорят, этот архиерейский дом стоял там, где теперь дом Сторожева у церкви Николы Высокого; долгое время тут, у этого места были остатки каменной лестницы, по которой в старину хаживали из архиерейской усадьбы к Трубежу.

На той же усадьбе Богородицкого дома был еще конюшенный двор, а в нем конский завод; подле конюшенного двора было гумно: на гумне 4 „магазейна“, рига с двумя овинами; а позади гумна—сарай для клажи кирпича. Для рабочих построены были три избы.

Стоял этот дом до 1779 года, а в 1779 году 13 марта он сгорел до основания. Строить его тут уже не стали: преосв. Симон вместо того, чтобы строить себе дом у Николы Высокого, возобновил архиерейский загородный дом в Павловской архиерейской даче, там построил он новые покои с церковью, выкопал пруды.

Церковь Николы Долгошей в старину называлась Вознесенской, что на архиерейском посаде, а церковью Николы Долгсшей она называется потому, что раньше над ее главною частью был купол, который был сведен кверху на подобие длинного осмигранного конуса. Архиепископу Гавриилу показалось, что неприлично говорить: „Никола Долгошея“, поэтому он в 1845 г. приказал называть эту церковь Николовысоковской. До 1902 г. Николовысоковская церковь была очень старинная церковь: говорят, она была построена при царе Иване Грозном в 1566 году и стояла до 1618 года, а в 1618 году ее разорили Черкасы, и ее через некоторое время возобновили. В 1761 г. к ней была пристроена трапезная во имя Николая Чудотворца и колокольня, а в 1821 году устроен был левый придел во имя св. Димитрия Ростовского, и вот с тех пор стали все больше и больше искажать старину в этой церкви: сперва оба придела перестроили, потом, в 1877 году, выстроили новую колокольню, а потом сделали вот что: стали замечать, что стены в главной части церкви непрочны: она ведь была выстроена так, что фундамент был положен на дубовых сваях, они сопрели, и стали оттого стены наклоняться, и появились оттого трещины. Поэтому перестали в ней служить, это было в 1891 г., а потом в 1902 году ее разобрали, разобрали тогда и маленькую еще церковь, которая стояла у правой стороны алтаря; стояла она тут давным давно, чуть ли не

с того времени, как и главный алтарь; престол в ней сперва был в честь Вознесения Господня, потом во имя Николая Чудотворца, а потом во имя Знамения Божией Матери. Разобрали эти обе церкви и выстроили теперешнюю церковь. Поэтому старинного в этой церкви теперь уже нет: даже иконостас новый, старинный продали, продали и старинные иконы; впрочем они были уже ветхие, почернели, от сырости испортились. Сохранилось только две старинные иконы: св. Николая Чудотворца и Вознесения Господня; из них особенно замечательна икона Вознесения: говорят, она написана совсем не так, как теперь пишутся иконы Вознесения.

Около церкви было когда-то кладбище: когда строили новую церковь, это кладбище разрыли, кости собрали и схоронили в саду у церкви.

За острогом, по большой Московской дороге стояло много дворов митропольчих приказных людей и детей боярских: подьячего митрополичьего казенного приказа, митропольих детей боярских; стояли тут и дворы „рязанцев“.

В „домовой Пречистыя Богородицы вотчине посадской слободе“ стояли дворы владычных крестьян, оброчных и домовых митропольих всяких чинов жалованных людей: домовых солодовников, что растили солод на домовый архиепископский збиход, домовых овчинников, рыбника, садовника, пивововара, пристава, масленика, воротника, иконописцев, серебреников, котельников, кузнецов, поваров, хлебников, плотников, квасоваров, сторожа, свечника, часовника, огородника, коровника, водовоза, седельника, мельника, засыпки, портных мастеров, муковоза, детенышей, задворных слуг, каменщиков, кузнецов; были тут и дворы домовых Пречистые Богородице приказных людей и детей боярских и певчих дьяков и подъячих.

У епископов ведь в старину было очень много слуг: казначеев, ключников, дьяков, подьяков, были у них даже собственные их бояре и боярские дети. И не мудрено, что так много у них было слуг: и хозяйство у них было большое: к Рязанскому Богородицкому архиерейскому дому было приписано великое множество вотчин, он был одним из самых богатых на Руси архиерейских домов, например, в 1763 году он владел 30 селами и деревнями, в них было до 8848 душ крестьян, земли 18765 десятин, сенных покосов 37017 копен, лесу 75 верст, 8 мельниц, 20 рощ, 14 прудов, 28 озер и т. д.

Все эти угоды в 1764 году отобрали в казну в коллегию экономии, отобраны были и 8864 душ крестьян.

Рассказывают, что когда спустя после того лет 18 стали Переяславль строить по новому плану, тогда всех бывших владычных крестьян и разных владычных жалованных людей из владычной слободы переселили за город—вот тогда-то и началась Троицкая слобода.

Если ехать по Большой Московской дороге из острога, то по левую сторону за дворами, огородами, садами, гумнами, пустырями можно было увидеть вал. Он начинался где-то на усадьбах левой стороны Семинарской улицы, шел к Сенной, потом по усадьбам левой стороны Сенной, пересекал Новый базар, усадьбы между Соборной и Почтовой улицами, выходил на середину Почтовой ул. и спускался к Лыбеди; там был около вала лоск.

Это был старый острожный вал. Уже лет с 200 с небольшим тому назад он был в запустении: его пересекал переулок, большая дорога, в части, что около Лыбеди, он был распахан.

С Большой Московской дороги недалеко от острога можно было попасть на дорогу, которая, пересекая старый острожный вал, вела в Чернопосадскую слободу. Дальше по ней можно было из Чернопосадской слободы спуститься к речке Лыбеди, а потом берегом проехать к „торгу“, т. е. на Старый Базар.

Чернопосадская слобода занимала теперешний новый базар, часть усадьб, что по левую сторону Сенной, часть Соборной улицы и Почтовой.

Между дворами этой слободы проходила улица, которая одним концом выходила на Большую Московскую дорогу там, где теперь, приблизительно за новым базаром, идет Московская улица, а другим концом на ту дорогу, по которой ездили через старый вал к торгу. Шириной эта улица была в 3 сажени.

На этой улице дворы левой стороны, если ехать к торгу, задним концом выходили к старому валу, а дворы правой стороны—выходили к „выпуску“. По выпуску проходила дорога, по которой ездили позади дворов с „торгу“ к на-долбам и на Большую Московскую дорогу.

Из Чернопосадской слободы вела еще дорожка: эта дорожка шла около того лоску, что был в том месте, где старый вал спускался к Лыбеди.

Позади этой Чернопосадской слободы были когда-то надолбы, только давно уже их не стало: остались только ямы, где стояли надолбы.

Около дорог Чернопосадской слободы стояли дворы, огородные и дворцовые места переяславского простонародья: посадских людей и кирпичников.

За посадом Московская дорога выходила туда, где теперь ездят к вокзалу М.-Каз. жел. дороги в хорошую погоду, где теперь улица в Троицкой около железнодорожного забора. По этой дороге едучи, проезжали мимо Троицкого монастыря, а потом перезжали речку Павловку. На этой речке был мост. Назывался этот мост Соколенским, потому что тут недалеко был в далекие старые времена княжий соколий двор.

Троицкий монастырь—старинный. Когда он основан, неизвестно. Кто говорит: в конце 13 или в начале 14 века, лет 600 тому назад; а кто: не ранее 15 века, лет, так, 500 тому назад.

В конце 16 и в начале 17 века, лет 300 слишком тому назад, этот монастырь был в большом разорении от врагов и много лет находился в запустении: церковь в нем была скудная, деревянная, во всем монастыре было только две небольшие деревянные кельи; братии не было: жил во всем монастыре один только старец по имени Симеон. В ту пору был устроен при монастыре, в 1641 году дом убогих.

В конце 17 века, лет около двухсот тому назад, жил в Переяславле стольник Иван Иванович Вердеревский, тот самый, что построил Спасоярскую церковь. Вот он построил в Троицком монастыре вместо одного деревянного храма два каменных: один в 1695 г. в честь Пресв. Живоначальные Троицы с приделом св. Алексия митрополита, а другой в честь св. Иоанна Предтечи—в 1697 году; построил он и кельи для братии, и колокольню, и кельи для настоятеля, и хозяйственные разные здания и все эти строения оградил каменною оградой со всех четырех сторон. Родственник Ив. Ив. Вердеревского. Алексей Петрович Вердеревский построил около 1752 г. храм во имя Сергия преподобного. Из этих храмов—Предтеченского храма теперь нет: его в 1831 г. уничтожили, а в 1888 году вместо него пристроили придел во имя св. Иоанна Предтечи при храме преп. Сергия; в этом же Сергиевском храме устроили в 1852 году придел в честь Феодоровской иконы Божией Матери. Иконостасы

и в храме Живоначальные Троицы и в Сергиевском храме новые, с новыми иконами: в Троицком храме новый иконостас устроен в 1865 году, а в Сергиевском — в 1845.

Та Феодоровская икона Божией Матери, в честь которой сделан придел в Сергиевском храме, очень почитается в Рязани. Это снимок с чудотворной Феодоровской или Костромской иконы, а та икона известна с 1164 года. Она прежде была в монастыре близ городка Нижегородской губернии и стояла в церкви св. Феодора Стратилата; поэтому она и называется Феодоровской, а с 1239 года икона та находится в Успенском соборе г. Костромы. Ею мать Михаила Феодоровича Романова благословила его на царство 14 марта 1613 года, поэтому и празднование в честь ее совершается 14 марта. Рязанский снимок с Феодоровской иконы до 1852 г. принадлежал рязанск. потомств. почетн. гражд. Г. Г. Анзиминову. Он прислал его в Костроме и всегда брал с собою, когда куда-нибудь выезжал по делам службы. Однажды, отправляясь куда-то по делам, он уложил эту икону в ящик, а под нее положил деньги в билетах и разные бумаги, а также разную мелочь и, между прочим, серные спички. От тряски экипажа спички вспыхнули и ящик внутри загорелся. Когда огонь потушили, оказалось, что икона цела и деньги и бумага под нею целы, а все остальное сгорело. Анзиминов очень обрадовался, что уцелела икона и бумаги, и пожертвовал икону в Рязанский Троицкий монастырь *).

Кроме Феодоровской иконы, в Троицком монастыре есть еще чтимая икона, это Владимирская икона Богоматери. Про нее рассказывают вот что. В 1884 году 28 декабря в монастырь пришла одна женщина и очень просила отслужить молебен перед иконой Божией Матери, которая в часовне при воротах, и рассказывала, что видела сон, будто в монастырских воротах встретился ей монах с иконой Божией Матери в руках и сказал, чтобы она помолилась этой иконе, а то она в часовне забыта. Стали женщине показывать те иконы Божией Матери, что есть в монастыре, и, наконец, принесли Владимирскую икону; эта икона была в сторожке при задних воротах, а сторожка эта когда-то была привратной часовней. Вот в этой иконе женщина и признала ту самую икону, которую видела во сне. Отслужили перед этой иконой молебен. Женщина ушла, а через несколько дней

*) Подробнее про эту икону написано свящ. В. Доронкиным в листке № 10, изданном в 1912 году.

опять пришла и рассказала, что как отслужили молебен перед Владимирской иконой, так она и оправилась от болезни, которой долго страдала. Прошла об этом весть по Рязани, и многие рязанцы стали ходить в монастырь молиться перед той иконой *).

Если выйти из „города“ через Ипацкие ворота, попадешь на проезжую дорогу с торгу через Лыбедь к Трубежу. У Ипацких ворот был, должно быть, мост через Лыбедь, а за мостом и за Лыбедью раскинулась дворцовая рыбная Выползова слободка, отчасти там, где теперь та часть Рыбачьей слободы, которая идет со стороны Трубежа до переулка около Дашковой богадельни.

По ту сторону Лыбеди, на самом берегу, теснились дворы, амбары, огороды, сады, пустыри, а за ними пролегла другая проезжая дорога, тоже от торгового к Лыбеди. Эта дорога шла по правому берегу Лыбеди между дворов слободки, должно быть там, где теперь та часть Затишной улицы, что идет от Дашковской богадельни к Трубежу. С нее шла дорожка к Лыбеди и два переулка, которые выходили в луга.

В Выползовой слободке недалеко от Трубежа стояла церковь св. Николая Чудотворца, известная под именем Николы Мокрого, с приделом св. муч. Парасковееи нареченные Пятницы. Эта церковь была деревянная и стояла давно, потом, лет 250, так, тому назад рядом с нею построили каменную церковь о пяти главах и каменную колокольню. Эта каменная церковь стояла до 1786 года. Тогда Рязань перестраивали по новому плану, и церковь Николы Мокрого в Выползовой слободе упразднили, а прихожан переселили на новое место и причислили к Новоямской Никольской церкви. Эта церковь и теперь стоит в Ямской слободе. Построена Новоямская Никольская церковь в 1788 г. из кирпича, досок и другого материала, который остался от упраздненной церкви Николы Мокрого. В новую церковь перенесли и иконостас из старой, и храмовую икону св. Николая, и всю церковную утварь. И теперь еще есть в Новоямской Никольской церкви серебряный напрестольный крест, который устроил священник церкви Николы Мокрого

*) Подробно о Троицком монастыре написано в Ряз. Епарх. Вед. 1890 г. в статье архим. Владимира: „Историко-статистическое описание третьего-классного мужского Свято-Троицкого монастыря“.

в 1643 году. Потом в Новоямской Никольской церкви перестроили и приделы и главную часть церкви, а колокольную выстроили в 1822 году. Теперь в этой церкви четыре престола: главный—св. Николая Чудотворца, в правом приделе—во имя св. Фрола и Лавра, в левом—во имя преп. Марона, а в середине в арке над дверями в настоящую церковь—во имя св. Григория—великой Армении.

Близко к Трубежу подходили и дворы слободки: некоторые из них стояли, напр., на берегу Трубежа, подле лоску, т. е. оврага, который и теперь, там есть.

В одном из переулков, которые с проезжей дороги вели в луг, был поставлен Выползовой слободки межевой гранный столб.

Переулки, как и в „городе“ были шириной в 2 саж., а проезжая дорога через Выползову слободку от торгу к Трубежу сначала в 3½ саж., а около Трубежа—в 5 саж.

В слободке стояли дворы больше все „выползовой слободы тяглецов“ и посадских людей; у церкви были дворы духовенства: попа, дьячка, попадьи вдовой; а, кроме того, кое-где понемногу попадались и дворы других людей: гостинной сотни, стольника, пушкаря, подьячего, митрополича духовного приказу подьячего, кадашевца *) и проч.

Старый базар теперь малооживленная, тихая часть города: две-три лавки со щепным товаром, мелочная, мясная лавка—вот, кажется, и все. Глядя на него и не подумаешь о том, что было здесь когда-то, в далекую старину, а когда-то это было самое людное, самое шумное место Переяславля: здесь стояла земская с'езжая изба, большой кружечный двор, „пищая“ изба, где сидели площадные подьячие и писали, кому нужно, челобитные и всякие грамоты; здесь были торговые ряды; сюда сходились и отсюда расходились пути во все стороны: и в далекую Москву, и в Старую Рязань, и в Пронск, со всех слобод шли—прошли сюда дороги.

Торг был за Рязанскими воротами, на посаде за речкой за Лыбедью; в торгу были лавки и полки и стула и шалаши всяких людей, а в них торговали хлебами, и калачами, и солью, и мясом, и рыбою и всяким мелким товаром. Это были ряды: рыбный ряд, соляной ряд, житной ряд, мясной,

*) Так, должно быть, назывались бочары, бондари. Про них в песне так поется: „Наехали кадаши, из мещеры торгоши“.

где на полках и в амбарах торговали мясом; москотильный ряд, крупяной, где на полках торговали крупами, толокном, солодом молодым, орешный ряд, где на полках торговали ягодами, яблоками, орехами, горшечный ряд, калачный ряд, луковой ряд, серебряный, сапожный. За лавками был кузнечный ряд—стояло до 34 кузниц за лавками же стояли харчевенные дворы и избы, и шалаши, а в них торговали рыбою и мясом вареным и пирогами, тут же стояла и „квасница“; и немало здесь было лавок: в солянском ряду до 30 амбаров да около 6 полков, в житном около 40 амбаров, в мясном около 30 полков, в калачном ряду стояло около 40 полков, в москотильном—около 20 амбаров, в крупяном—15 полков, в орешном—амбар да 5 полков, в горшечном около 20 амбаров, в луковом—до 10 полков, в сапожном—около 10 лавок, в серебряном—около 4, в рыбном около 20 амбаров и 5 полков, харчевенных изб и шалашей было до 7 изб и до 4 шалашей.

Все эти лавки, амбары, полки, шалаши теснились между Лыбедью и тем местом, где стоит церковь Симеона Столпника. Тут вот и был „торг“.

Подле торгу на р. Лыбеди, на проезжей дороге через Выползову слободку к Трубежу, стояла торговая баня; кроме этой торговой бани, на Лыбеди, стояли еще две торговых бани, где-то на Трубеже.

Тут же, около Лыбеди, недалеко от теперешней Дашковской богадельни, стояла и таможенная изба, а против торговой бани и таможенной избы в сторону к церкви Входа Господня во Иерусалим была Всесвятская горка.

Передние дворы, что стояли на этой горке, были подле Глухого переулка, по которому ездили с Логиновской улицы на Пивную. Логиновская улица называлась так, должно быть, по двору гостиной сотни Алексея Иванова сына Логинова. Шириной она была в 2½ саж. и вела с торгу в луга. Дворы на ней на левой стороне, едучи с торгу, примыкали к дворам Выползовой слободки, а дворы правой стороны—к дворам Пивной улицы. Пивная улица тоже вела с торгу в луга. На Пивной улице, ближе к лугу, стоял солововенный двор гостиной сотни Михаила Федорова сына Немчинова. Логиновская и Пивная улицы, должно быть, были там, где теперь Дашковская богадельня и переулок около нее, что идет с Затинной в Рыбацкую слободу.

К торгу же, к таможенной избе выходила и Иерусалимская улица. На этой улице стояла церковь Входа Господня во Иерусалим.

Здесь построили деревянную церковь Входа Господня во Иерусалим еще в 1550 году и стояла она до 1679 года, а в этом году сгорела. Вот тогда и начали строить каменную церковь, ту самую, что и теперь стоит и выстроили к 1684 году. Она хорошо сохранила свой старинный вид: колокольня—шатровая, главы—луковицей на „барабанах“, под ними—„кокошники“, на верху стен украшение тоже в виде „кокошников“, кресты на главах узорчатые. И внутри она хорошо сохранила старинный вид. Хорошо сохранился иконостас настоящей церкви, только иконы в нем не раз поновлялись. Из икон замечательны древностью: очень почитаемая чудотворная икона Богородицы Живоносного Источника, икона Преображения Господня и икона Распятия Господня.

При церкви есть каменная часовня. Она построена совсем недавно, а часовня здесь была и раньше. В теперешней часовне над входом есть резная из камня икона Входа Господня во Иерусалим: эта икона была в старой часовне в стене.

В храме два придела, оба построены много лет спустя после того, как построена церковь. Один придел во имя зачатия Предтечи Господня Иоанна, а другой—во имя Ангела Михаила и прочих бесплотных сил. В приделе иконостасы нестаринные и живопись на стенах храма тоже не старинная. *)

Одним концом Иерусалимская улица выходила к торгу, а другим—на Благовещенскую улицу. На нее вега дорога с Пивной улицы, которая выходила на нее около дворов на церковных местах недалеко от церкви Входа Господня во Иерусалим. Ширина Иерусалимской улицы была около 2 саж.

Такой же ширины была и Благовещенская улица. С нее переулочек в $2\frac{1}{2}$ саж. шириной вел в луг. Начинался он у церкви Благовещения.

Говорят, тут когда-то в старину был Дмитриевский монастырь; а когда была тут построена церковь Благовещения, неизвестно, только в 1618 году, триста лет тому назад, ее разорили Черкасы, запорожские казаки, и долго тут было пустое место, а в 1676 году построили ту самую церковь, что и теперь стоит. Через сто почти лет после того, в 1744 году, устроили в этой церкви придел во имя великомуч. Иоанна Воина. Церковь хорошо сохранила свой наружный старинный вид, совсем почти такой же, какой у Входиеруса-

*) Подробнее об этой церкви написана в Ряз. Епарх. Вед. 1892 года стр. 389.

лимской церкви и у Спасоярской. Внутри старины меньше: иконостас нового устройства, стены расписаны живописью нового письма. Самые древние иконы в главном иконостасе вот какие: Св. Троицы, Нерукотворенного Спаса, Благовещения, а в придельном иконостасе—Иоанна Воина и Казанской иконы Божия Матери *).

Иерусалимская и Благовещенская улицы отчасти и теперь сохранились: с правой стороны храма Входа Господня во Иерусалим есть переулочек, по которому ездят по Затинной мимо Благовещения на Владимирскую улицу, а оттуда на дорогу к пристани. Вот тут, должно быть, и проходили Иерусалимская и Благовещенская улицы, только дворы Благовещенской улицы занимали и конец Владимирской улицы и пруд и место около пруда, а пруд этот и теперь есть на углу Затинной и Владимирской улиц. За этим прудом была дорога, по которой можно было с Благовещенской улицы проехать на Рязанскую большую дорогу.

Около церкви Входа Господня во Иерусалим начиналась Третьякова улица, шириной около 2 саж. Шла она по теперешнему Старому базару, потом по усадьбам около Затинной улицы, пересекала Затинную, и тут вот на ней был переулок, по которому ездили с нее к ц. Благовещения, а потом мимо той церкви на луг. На этой улице стояли, между прочим, соляные амбары именитого человека Григория Дмитриевича Строганова.

На торгу, у мясного ряда, начиналась Рязанская большая дорога или улица. Ширина ее в начале ее была в $3\frac{1}{2}$ сажени, потом она расширялась до 5 сажень, потом была в 4 сажени, а в конце была в $5\frac{1}{2}$ сажень.

Шла она так: начиналась между церковью Симеона Столпника и церковью Входа Господня во Иерусалим, потом по прямому направлению пересекала усадьбы Старого базара и прямо выходила на теперешнюю Монастырскую,

*) Подробнее о церкви Благовещения написано в Рязанск. Епарх. Вед. 1892 года, стр. 393.

В этом храме на жертвеннике алтаря правого придела есть, между прочим, крест, вырезанный целиком из дерева, которое расло в роце, бывшей на том месте, где теперь храм: дерево это, говорят, там и расло в виде креста.

потом пересекала теперешнюю Вознесенскую, шла по усадьбам около нее и, свернув немного влево, на конец теперешней Затинной, дальше шла по Касимовке.

При начале ее стояли Кружечный двор, земский двор, питейная палата. На ней же, с левой стороны, можно было увидеть, между прочим, солодовенный двор именитого человека Григория Дмитриевича Строганова.

Там, примерно, где теперь Монастырская улица выходит на Владимирскую, был на Рязанской дороге колодезь, а недалеко от него кузница, на правой стороне дороги.

Примерно, посреди теперешней Монастырской улицы, на левой стороне, где-то на Монастырской усадьбе был Солотчинский воскобойный двор; недалеко от этого двора на левой же стороне Рязанской улице по теперешней Монастырской усадьбе проходил переулочек, по которому ездили с большой рязанской дороги к церкви Благовещения. Почти рядом с ним начиналась улица, по которой ездили с Рязанской дороги к церкви Вознесения, а эта церковь была там, где теперь храм женского монастыря. Почти напротив этих переулочков на правой стороне Рязанской дороги был переулочек с Рязанской дороги на Чиликанову улицу: начинался он посреди правой стороны теперешней Монастырской улицы, пересекал усадьбы, что лежат между Монастырской и Старогоршечной улицами, и выходил к усадьбам по правой стороне Старогоршечной улицы.

Не доходя до этого переулочка, на правой же стороне Рязанской дороги был переулочек к церкви Воскресения Христова. Тут вот, где-то у церкви, был двор боярина Льва Кирилловича Нарышкина.

Пройдя эти переулочки, на левой стороне Рязанской улицы можно было увидеть опять дорогу, по которой ездили с Рязанской дороги, или улице, в луг. Начиналась эта улица тоже на теперешней Монастырской, пересекала монастырскую усадьбу и Затинную улицу, а дальше уже был луг. Тут же где-то был лоск-овраг. Этот овраг был очень длинный: одним концом он заходил за теперешнюю Затинную, а другим концом — в усадьбы на правой стороне Старогоршечной улицы.

За этой улицей с Рязанской дороги в луг около Рязанской дороги, где-то там, где монастырская улица выходит на теперешнюю Вознесенскую улицу, была какая-то „Лужа Рутка“.

Там, где теперь храм Казанского женского монастыря, в старину была церковь Вознесения Христова в Новинках, а за нею была улица в Новинках, шириной в 2 саж.

Эта улица начиналась около церкви Вознесения на усадьбе теперешнего Казанского монастыря, шла по этой усадьбе, пересекала теперешнюю Затинную, шла по усадьбам между Затинной и лугами, поворачивала к Вознесенской и пересекала ее. Эту улицу пересекал лоск, тот самый длинный лоск, что пересекал и другие улицы, а за лоском дворы выходили к «надолбным» ямам.

На улице в Новинках был кирпичный сарай гостиной сотни Зеновья Колмакова.

Около церкви Воскресения Христова начиналась Чиликанова улица, шириной около 3 саж.

Церковь Воскресения «зовомое звонное» стояла на этом месте давным давно: ее построили еще в 1550 году. В 1618 г. сожгли ее черкасы, которых привел на Переяславль Сагайдачный, и был тут после того пустырь, «место церковное». Теперешний храм построен в 1683 году, только был он тогда не совсем такого вида, как теперь: в 1710 году он сгорел, и после того его возобновили, а потом, через несколько лет, устроили приделы—один в 1744 году, а другой—в 1752, в 1820 году приделы перестроили, и с тех пор они и называются один во имя св. ап. Петра и Павла, а другой—во имя Сретения Господня.

В главном храме есть иконы древнего письма, например, иконы св. муч. Иоанна воина и чудотворца Николая. Есть еще в храме в простенке при проходе из придельного храма в главный—старинный резной образ святителя Николая. Этот образ очень чтимый, в прежние годы его постоянно носили в крестных ходах.

Очень почитается в этом храме еще икона св. великомученика Дмитрия Солунского.

Чиликанова улица шла почти там же, где теперешняя Старогоршечная, и доходила до середины ее; а здесь она пересекалась переулком, который шел с Затинной улицы или слободы на Чиликанову улицу, а потом с Чиликановой улицы на Рязанскую большую дорогу, а с нее в луг.

Около этого переуллка тянулся тот лоск, что пересекал и улицу в Новинках и Рязанскую дорогу и Чиликанову ул.

За лоском на Чиликановой улице были большею частью огороды, огородные места, пустыри, а потом стояли „надолбы“. Уже лет 200 с небольшим тому назад этих надолб не было: они сгнили, остались ямы. По надолбным местам, т. е. около тех мест, где когда-то были надолбы, проходила дорога из слобод на Рязанскую большую дорогу, широкая: в 7 саж. Надолбы эти были недалеко от теперешней Вознесенской улицы, той ее части, что лежит между церковью Вознесенья и лугом.

Дворы правой стороны Чиликановой улицы примыкали к дворам левой стороны Затинной улицы; а дворы правой стороны Затинной улицы выходили к надолбам. Одним концом Затинная выходила к Пронской дороге, а другим концом за надолбы, к дороге, что вела к митрополю полю. С этой улицы можно было проехать по переулку через Чиликанову улицу на Рязанскую дорогу. Улица Затинная, или Затинная слобода, была с извилинами и очень неодинаковой ширины: где в 1 саж., где в 2 сажени с аршином, а где и больше.

Была эта улица совсем не там, где теперь Затинная: она была на усадьбах между Подгорной и Старогоршечной улицами и правой стороной выходила на теперешнюю Вознесенскую.

На Рязанской дороге за надолбами была Кончая слободка.

Ее дворы передним концом выходили на Рязанскую дорогу, а задним концом большая их часть выходила к болоту.

В этой слободке, особенно в конце ее, по большей части были огородные места; последние из них выходили к речке Парфеновке, к лугу; тут же был прудок, а через дорогу от них была Ямская слобода.

Была эта Конная слободка, должно быть, где-то около Затинной теперешней, в той части ее, что лежит за Вознесенской улицей.

На торгу у горшечного ряда начиналась Калачная улица, шириной около $2\frac{1}{2}$ саж. Крайний двор правой стороны этой улицы был против Кружечного двора. Если по этой улице проехать 37 саж., то нам встретится Симеоновский монастырь.

Симеоновский странноприимный монастырь был основан в 1684 году, а раньше здесь был больничный дом при храме Симеона Столпника. Когда больничный дом обратили в монастырь, то построили около него разные монастырские здания и храм во имя Пресвятые Богородицы Одигитрии с колокольнею. Потом в 1699—1700 годах взамен деревянного храма поставили каменный и каменную же колокольню. Прошло некоторое время, монастырь упразднили, а храм остался и сделался приходским храмом во имя Симеона Столпника. Его так часто и так много перестраивали, что старинного ни снаружи, ни внутри ничего не осталось, даже иконы древние и те поновлены. В храме теперь 3 престола: главный во имя преп. Симеона Столпника, а придельные— во имя св. Димитрия Ростовского и нерукотворенного образа Спасителя.

Около Симеоновской церкви есть часовня. Долго она была деревянная, а лет 100 тому назад ее сделали из камня. Эта часовня поставлена, говорят, на том месте, где рязанский князь Иван Васильевич Третной с епископом Симеоном встретили Федотьевскую икону Божией Матери, когда ее в 1487 году переносили из с. Федотьева в Переяславль. Список с Федотьевской иконы и теперь хранится в часовне. Он написан давно, по повелению князя Ивана Васильевича Третьего, больше 400 лет тому назад, но не так давно, лет около 60 тому назад его поновили. Еще в этой же часовне помещается чудотворный образ Знамения Божией Матери. Его очень почитают и в городе и в окрестных местах. *).

Рассказывают про эту икону вот что. В старые годы жила в Рязани одна вдова, а у нее была эта вот самая икона Знамения: ее этой иконой благословили отец с матерью. Вдова эта пила вино, страдала запоем. Пропила она все, что у нея было, взяла икону Знамения и заложила в „красном кабачке“, а кабачек этот стоял в старину недалеко от Симеоновской церкви. Скоро после того вдова опомнилась, стало ей стыдно; пошла она в кабачек, выкупила икону, принесла домой. Прошла ночь, а утром оказалось, что иконы у вдовы нет, стоит икона опять в красном кабачке. Увидала это вдова и плакала и каялась и после жила трезво и благочестиво, а икона так и осталась в кабачке, и кабачник всегда держал перед нею неугасимую лампаду. Про это происшествие услышали рязанские жители и приходили

*) О Симеоновской церкви подробно написано в Ряз. Еп. Вед. за 1892 год, стр. 179.

в красный кабачек на поклонение святой иконе, и не только жители рязанские, приходили жители и других городов

Кабатчик, у которого осталась икона, умер, и много после него сменилось кабатчиков в красном кабачке, и все они держали перед иконой неугасимую лампаду. Но вот пришло время—закрылся красный кабачек, перестали в нем торговать вином. Тогда с большим торжеством ее перенесли в Симеоновскую церковь, а потом, на другой день в часовню, чтобы всегда все могли ей поклониться. С того времени установлено было празднование иконе этой 27 ноября.

Рассказывают еще вот что. В 1845 году проезжал через Рязань один чиновник и остановился в гостиннице, а гостинница была там, где теперь на Почтовой улице булочная Москвина. Отдохнул чиновник и поехал прокатиться по городу, посмотреть его. Извозчик привез его и на Старый базар, показал „красный кабачек“ и рассказал про икону Знамения. Чиновник вошел в кабачек и приложился к иконе, и как только приложился, случилась в нем перемена: раньше у него были грешные мысли, и собирался он делать нехорошее дело, а тут стало ему совестно и отказался он от нехороших дел. Когда он вернулся в гостинницу, были сумерки, стогнь еще не зажигали. Сначала чиновник ходил по комнате, все думал об иконе, потом сел и как будто задремал, и вот видит он в полусне икону Знамения и слышит голос, и голос говорит ему, чтобы он больше не думал о злых, нехороших делах, что случатся с ним беды и напасти и близко от смерти он будет, но спасется от смерти, и пусть он всегда помнит о Божией Матери... Потом все исчезло. Чиновник встал и сейчас же пошел к священнику Симеоновской церкви и упросил взять икону из кабачка и перед нею отслужить молебен в той комнате, где он остановился. Потом он уехал из Рязани, и все случилось с ним, о чем он слышал в видении. Вернулся после того чиновник в Рязань, рассказал все, что с ним случилось, и заказал список с иконы Знамения; украсил список ризою, поставил в той комнате, где было ему видение, и на ризе заказал написать: „никто же николи же не дерзнет иконы сея перенести с места сего и преступивший скорбию да мучится Жертву сию заповеда проезжий Алексей, 11 дня октомврия лета 1846“.)

*) Подробнее об этом можно прочесть в книжке: „Сказание о иконе Пресвятыя Богородицы честного и славного Ея знамения, рекомой явленной, яже во граде Рязани, в часовне при церкви преподобного Симеона Столпника, еже списася от повести пожилых людей и из современных событий в мае месяце 1851 лета“.

А о Симеоновском монастыре можно рассказать еще вот что. Приказал царь Петр Великий во всем царстве всякого чина людей учить арифметике и геометрии и для этого заводить при архиерейских домах и монастырях цыфирные школы. Вот такую-то цыфирную школу в 1722 году открыли и в Переяславле, а помещалась она в Симеоновском монастыре: здесь для нея построены были две небольшие светлицы. Сначала набрали в нее 96 учеников, а потом оказалось, что 59 учеников отлучились самовольно, двух отпустили домой, и они уже сидели и писали в канцеляриях, двое умерли, одного отдали в солдаты, осталось в школе 32 человека. Учились они вот чему: из арифметики—нумерации, адиции (сложение), субстракции (вычитание), мультипликации (умножение), дивизии (деление), тройным приемам, десятичным дробям; из геометрии—циркульным приемам; из тригонометрии плоской—тангенсам. В цыфирной школе был учитель, Петр Павлов, присланный из Петербургской Морской Академии; он получал жалованье по 3 алтына и 2 деньги на день, 36 рублей в год, да и то, случалось, по несколько лет его не выдавали. Три сторожа солдата—топили печи и караулили школу. Освещалась школа по вечерам свечами, на это полагалось по 10 свечей в день, из казны отпускалась в школу бумага—по 3 стопы в год, каменные (аспидные) доски, каменные перья (грифеля), циркули и пр.

Цыфирная школа была уже открыта и шло уже в ней ученье, а в Переяславле открылась еще, новая школа—архиерейская, славяно латинская. Такие школы предписано было открывать еще в 1721 году, а в Переяславле открыли архиерейскую школу в 1724 году. В этой школе должны были учиться поповские, дьяконовские и причетнические сыновья, а кто не хотел учиться, тех царь Петр велел брать в школы неволей. Вот как открыли архиерейскую школу в Переяславле, тогда и ушли из цыфирной школы все дети духовных.

Помещалась архиерейская школа тоже в Симеоновском монастыре.

Открыли школу, а пригодных учителей для нее не нашлось во всей рязанской епархии. Тогда Рязанский владыка

выбрал „остроумных и книжному учению искусных“ молодых двух под'яков, Тимофея Ипатова и Стефана Иродионова, и одного дьячка — Дмитрия Евстафиева, и послал к новгородскому владыке учиться грамматике у его иподьякона. Около года они там проучились, а с февраля 1726 года началось в архиерейской школе ученье. Сначала было 70 учеников, а потом 269. Вот тогда архиерейскую школу перевели из Симеоновского монастыря в Духов монастырь, а потом и в другие места, а цифирная школа пока осталась в Симеоновском монастыре. Потом на некоторое время ее соединили с архиерейской школой *).

Первое время в архиерейской школе обучали букварю, славянской грамматике, славянской азбуке, часослову, псалтыри, а потом понемногу стали прибавлять и другие предметы: латинский яз., риторику, пиитику.

Иной раз случалось, что школу эту закрывали, потом опять открывали: как взглянется владыке. Бывало так, что то за немощью владыки, то за отлучкою его в Москву или в Петербург, то за неимением учителей, в школьное учение сбору не бывало. Раз как-то собрали учеников, начали учить латинскому языку, а учитель немного времени спустя умер, а другого не нашлось: ученье и прекратилось. А то еще раз, собрали учеников, оказалось, что словесному они уже обучены дома, а грамматике, риторике, пиитике обучать их некому. По этому случаю отпустили их по домам. А то, собрали учеников, но латинскому яз. они не учились, учили их славянской грамматике, азбуке, часослову иерусалимский дьякон Василий и екатерининский дьячек Дмитрий.

Так шло, примерно, до 1740 года и до следующих за ним годов, а потом дело понемногу наладилось.

С 1743 года рязанская архиерейская школа стала называться „славяно-латинской семинарией“. В этой семинарии классы назывались так: фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика; был еще класс писцов-элементарщиков: там учили первоначальному чтению и письму.

*) Об этих школах подробно написано в статье Н. Дешевого: „Цифирная и архиерейская школы в Переяславле Рязанском при Петре I“. Труды Ряз. Арх. Ком. 1890 г., № 1—2, стр. 6. А потом еще о них написано в книге Дмитрия Агнцева: „История Рязанской Духовной Семинарии“ —

Учились тогда подолгу: были такие ученики, что, например, фаре обучались 4 года, а то и 7 лет; случалось так, что ученик пройдет весь курс, а его не выпускают, пока не определится на место или не попросится сам из школы.)

Содержание учеников было очень скудное, раз дело дошло даже до того, что все ученики били челом владыке, чтобы приказал давать им пищу „неоскудную“ или же „всех их из школы уволить, кто куда пожелает“.

Порядки в архиерейской школе тогда были жестокие, учителя били учеников нещадно, поносили их непотребными словами, ученики от таких порядков сплошь и рядом убегали, когда 10 человек в году, а то и 40 слишком *).

Недалеко от Симеоновского монастыря на правой стороне Калашной улицы был переулочек, по которому ездили с Калашной улицы в Кузнечный ряд и к кузницам.

В начале этой улицы, на левой стороне, подле кружечного двора был двор с'езжий земских людей.

С Калашной улицы по переулочку можно было попасть на Чиликанову улицу.

Начиналась Калашная улица у торгового, а другим концом выходила на Пронскую дорогу недалеко от того места, где выходила на эту дорогу Затинная слобода, где-то близко около этого места был мирской колодезь.

А проходила эта улица от церкви Симеона Столпника через теперешний Старый базар, пересекала самое начало Старогоршечной улицы, усадьбы между теперешней Владимирской улицей и Старым базаром, Владимирскую улицу, шла по усадьбам между Владимирской и Подгорной и сворачивала на Подгорную улицу, где в середине ее выходила на Пронскую дорогу.

А Пронская дорога начиналась на торгу, шириной она была где в 3 сажени, где в 2, а где и в 1½ саж. Проходила она, примерно, там, где теперь Старый базар, в правой его стороне, потом шла там, где теперь Подгорная улица и усадьбы правой ее стороны.

Если по этой дороге идти, то на правой ее стороне увидишь три дороги: по одной ездили с Пронской дороги в Кузнечный ряд, по другой с той же Пронской дороги ездил-

*) Обо всем этом очень подробно написано в книге Дмитрия Аглицева „История рязанской духовной семинарии“.

ли мимо солодовенного двора Дмитрия большого Рюмина на Скоморошью гору и через Скоморошью гору под гору к колодезю и по речке Лыбеди; первая из них, должно быть, проходила где-то в правой стороне Старого базара, а вторая—, может быть, там, где теперь Скоморошенская улица, и спускалась под гору к Лыбеди где-нибудь в том месте, где и теперь со Скоморошенской улицы спускаются к Лыбеди.

Там, где теперь Владимирская улица, мы увидели бы надолбы, а направо с Пронской дороги увидели бы еще дорогу, по которой ездили на Скоморошью гору. По правую сторону этой дороги была „Конюшенная закосная земля“ и на ней стояли оброчные закосные дворы, а по левую сторону дворы задними концами выходили к надолбам, а когда эти надолбы все сгнили и опали, тут, на их месте, пролегла полевая дорожка, шириной в 2 сажени.

Дорога с Пронской дороги на Скоморошью гору в начале была широкая—в 5 саж., а потом суживалась до 2 саж. Начиналась она, должно быть, около Подгорной улицы, шла вдоль Владимирской теперешней улицы и упиралась в тот овраг, что и теперь есть около пансиона в пансионском саду, под мостом и дальше. Это был Ямской лоск, а Скоморошья гора в старину, стало быть, было все место, которое теперь занято Епархиальным училищем и дальше усадьбами до Подгорной теперешней улицы.

Со Скоморошьей горы по левую сторону подле ямского лоску была еще дорога, по которой спускались вниз к „пову пруду“; на эту же дорогу вела дорога и с полевой дорожки.

Там, где теперь усадьбы между Ушмарским переулком и Лыбедью, под Скоморошьей горой, в старину был колодезь, тут же был и прогон под горою, по которому ездили со Скоморошьей горы для воды и скотину гоняли для водопоя к речке Лыбеди и к колодезю.

К колодезю этому вела еще дорога, по которой с полевой дорожки ездили под гору, к Лыбеди. Эта дорога пересекала дорогу с Пронской дороги на Скоморошью гору, дворы около нее и спускалась под гору.

В правой стороне Старого базара был кузнечный ряд; позади него было несколько узеньких, шириною в 1½ саж. переулков; один из них протянулся по косогору и спускался к Лыбеди.

Из кузнечного ряда вела дорога, по которой ездили через Скоморошью гору к Ямской слободе. На этой дороге стоял между прочим и приезжий ямской двор.

Эта дорога спускалась под гору и шла затем берегом Лыбеди мимо колодезя.

Берегом Лыбеди, под горой шла и дорога от Симеоновского монастыря через Пронскую дорогу мимо кузниц к Ямской слободе.

Если спуститься со Скоморошьей горы и идти к Лыбеди, есть тут через Лыбедь мост, а за ним на том берегу Лыбедская улица. В старину тут шла дорога, по которой ездили от Ямской слободы и от Скоморошьей горы через речку Лыбедь к государеву солодовенному двору и на большую Московскую дорогу и к торгу. Государев солодовенный двор стоял, должно быть, недалеко от моста через Лыбедь. По обе стороны от него были огороды. Дворы и огороды были и у самой речки, а от них чрез дорогу была острожная осыпь и стена.

Дворы и огороды теснились около Лыбеди и в сторону к теперешнему мосту у церкви Николы Дворянского; они стояли и на косогоре и подступали к стене острога и к острожной башне. Крайний из них стоял на самой дороге, по которой ездили к Лыбеди из Стрелецкой слободы. Была эта дорога, должно быть, там, где теперь спуск от Пушкинского бульвара к мосту через Лыбедь.

Ямская слобода была там, где теперь Николодворянская, а отчасти и Александровская улицы. Там была церковь св. Николая Чудотворца, там церковь и теперь есть и называется Староямской, а в просторечьи Николодворянской, только теперешняя церковь построена в 1767 году, а колокольню при ней выстроили в 1805 году, в 1852 году в этой церкви распространили трапезную и устроили там два престола: направо во имя ап. Петра и Павла, а налево—в честь Покрова Пресвятыя Богородицы. Иконостас в церкви совсем новый: он устроен в 1866 году. Так в этом храме, кроме названия, старинного ничего и не осталось.

За Ямской слободой, там, где теперь Левицкая, Мясницкая, Мальшинская улицы и другие улицы в той стороне, были поля, луга, рощи.

За „городом“ на нижнем посаде за Рязанскими воротами на всех улицах, начиная от Логиновской и Пивной и

до Ямской слободы стояло очень много дворов посадских людей, а кроме них, на Рязанской дороге было много дворов кодашевцев и кирпичников; были дворы кирпичников и на Чиликановой улице и в Новинской слободе у церкви Вознесения в Новинках, тут стояли кирпичные дворы и сараи; а около кузниц на улицах и переулках попадались дворы ямских охотников, был двор стременного конюха. И везде тут в перемежку с этими дворами стояли дворы и бояр Нарышкиных, Милославских, дворы стольников, „рязанцев“, приказных людей: приказу сыскных дел под'ячего, площадных под'ячих, приказной избы приставов, приказной избы рассыльщика, осадного головы, стрельцов, пушкарей, воротника, засечного сторожа, были дворы митропольих людей: митрополича дому серебреника, митрополя сына боярского и пр.; дворы монастырские, духовенства; стояли тут дворы плотника, швецов, дворы нищих, гулящих людей был двор даже скомороха Демки Павлова сына Смородины.

Какая у старинных рязанских людей была домашняя обстановка, можно отчасти увидеть в Историческом Музее: там есть старинный стол, стул, ларцы старинные, старинные гребни и чернильницы и пр.; можно увидеть, какие кресты и складни носили на груди старинные рязанские люди; есть там-же и старинные образа; довольно много там и старинной русской посуды: ладонница, ковш, братины, солонка, перечница, чашки, кубки, кружки, рукомы...

Таков был в старину Переяславль. Только, конечно, многое в нем менялось и менялось часто. Вот говорилось раньше о переяславских церквях, а ведь не сказано было о некоторых церквях: они были, да сгорели или разорили их неприятели. Были когда-то в Переяславле вот какие церкви: в „городе“—церкви Благовещения, Рождества Христова, Рождества Богородицы да Пятницы Парасковей, церковь Николы Молодого с приделом Варвары мученицы, церковь Николы Старого с приделами во имя Михаила Малейна и священномученика Автонома, церковь Никиты мученика, церковь ап. Петра и Павла, церковь св. Иоанна Златоуста, церковь Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев; в „остроге“ были когда-то церкви—Происхождение Честного Креста, Богоявление Господня, Марии Египетские, на посаде—церковь св. Дмитрия Солунского и другие. Или вот еще: сыскной приказ, тюрьмы стояли в старину перед

зелеиннй палатой и перед Спасским монастырем. Потом зелеиную палату разорили и построили на другом месте, а на ее месте выстроили Успенский собор, и оказалось, что перед ним все почти застроено, проезду нет. Нужно было для приезда богомольцев открыть тут пространную площадь, и вот в 1707 году тюремные хоромы отсюда свезли и построили у Рязанских ворот и внутри „города“, туда же перенесли и земляную тюрьму и приказную сыскную избу. Подо все эти постройки отвели лавочные порожние места: были когда-то лавки, да закрылись. Здесь же построили и ландратские канцелярии.

В губернском городе Рязани.

В 1782 году стали Рязань строить по новому плану: где были усадьбы, прокладывали улицы, строили дома и там, где раньше были поля, выгоны: ведь поля, выгоны, рощи были в тех местах, где теперь Мальшинская, Левицкая, Мясницкая, Абрамовская, Мало-Мещанская, Рогожинская и др. улицы.

Перестроить целый город по новому плану—дело не легкое и нескорое: долго Рязань не могла застроиться: всюду были огромные пустыри. Например, все пространство от бывшего Глебовского моста и до теперешней Болдаревской улицы—было долго огромным пустырем, заросшим бурьяном. Рязанские сторожилы говорят, что тут густо разрослись деревья, что здесь даже охотились. Такой же огромный пустырь был и на Сенной площади: здесь был огромный овраг, доходил он почти до домов. Где теперь Липецкая улица, была огромная густая липовая роща, которая соединялась с Ново-Павловкой. Поэтому Рязань в ту пору, конечно, имела совсем не такой вид, как теперь. И улицы назывались не так, как теперь. Вот, например, на старинных планах Владимирская улица называется Гостинной улицей, Новый базар—Хлебной площадью, Вознесенская и Введенские улицы назывались поперечными улицами, Мясницкая—Торговой улицей, Александровская—Праволыбедской и т. под.

Теперешние названия появились потом. Вот, например, Абрамовская улица названа так потому, что в старые годы самым лучшим домом на ней был дом правителя канцелярии губернатора Абрамова, стоял этот дом там, где теперь дом Кравкова; Левицкая—названа по имени помощника врачебного инспектора Левицкого, у которого дом стоял там, где теперь дом Кученева, Болдаревская—по имени Болдарева, у которого был лучший на этой улице дом там, где теперь дом семинарии; Мальшинская,—названа по имени Петра Алексеевича Мальшина. А Петр Алексеевич Мальшин был вот какой человек.

В июле месяце 1800 года обыватели гор. Рязани узнали от преосвящ. Симона, что Синод предписал разобрать Успенский собор и построить новый: до того он обветшал. Об-

явил преосвященный рязанской думе указ Синода и попросил граждан посоветоваться между собой и дать ему знать, как они рассудят о пособии для собора и разобрать собор или починить. А дума ему отвечала: „без Мальшина Петра Алексеевича граждане не могут иметь совета“. Вот как много значило слово П. А. Мальшина для рязанской городской думы.

Задумал этот П. А. Мальшин сделать доброе дело—построить богадельню и пожертвовал на это 50 тысяч: 15 тысяч на постройку, а 35 с остальных—на содержание богадельни. В 1808 г. здание для богадельни было выстроено. Это то самое здание Мальшинской богадельни на углу Курганской и Мальшинской, что и теперь стоит. „Инвалидным домом Мальшина“ эта богадельня называется с 1832 г. по приказу императора Николая I.

Когда-то в старину, лет сто тому назад в Рязани бывали кулачные бои. Одну из враждующих партий составляли мещане, а другую—семинаристы в союзе с приказными. Бои бывали во всех частях города, а „генеральные“—около Мальшинской богадельни. Случались бои и около соборной колокольни, и раз как-то в один из боев у колокольни, чтобы одержать решительную победу над горожанами, семинаристы, пригласили силача протодиакона Василия с сыновьями—диаконами „Мартышкой и Никонорком“.

Почти в тоже время, как Мальшин пожертвовал деньги на богадельню, в 1807 году, выстроил он каменную церковь на Скорбященском кладбище и каменный дом для причта. Раньше там была деревянная церковь с приделом Феодоровским. Ее выстроили скоро после того, как отвели землю для кладбища, а для кладбища там землю отвели в 1784 г. В каменной церкви, которую выстроил Мальшин, три престола: главный—во имя иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радости, а в трапезной один—во имя преп. Онуфрия великого, а другой—во имя св. Алексия человека Божия.

На Скорбященском кладбище П. А. Мальшина и схоронили; против церковного алтаря есть гранитный памятник в виде гробницы с медным распятием наверху, а сбоку на медной доске сделана такая надпись: „Под сим камнем погребено тело надворного советника и кавалера Петра Алексеевича Мальшина, скончавшегося 1821 года, марта 31 числа. Жития его было 74 года“.—

Под Скорбященское кладбище землю отвели в 1784 г. В это же почти время отвели землю и для Лазаревского кладбища, а церковь там выстроили в 1797 г. Это была церковь деревянная. Теперь ее нет: где она была, теперь стоит каменный столб, саженьх в 25 от теперешней каменной церкви, а эту каменную церковь выстроили в 1825 году. В ней главный престол во имя праведного Лазаря, один придел во имя Казанской иконы Божией Матери, а другой — во имя Афанасия Афонского *).

И Скорбященская и Лазаревская церкви — новые. они построены были, когда Рязань строили по новому плану. В это же время построили и Введенскую церковь, и церковь св. Екатерины мученицы и Вознесенскую церковь.

Все эти три церкви, собственно говоря, были в Рязани давным давно: лет так около 300 тому назад, только стояли они совсем не там, где теперь: Введенская церковь стояла там, где теперь Новая слободка, церковь св. Екатерины мученицы около теперешнего Соборного бульвара, а Вознесенская там, где теперь Казанский женский монастырь.

Около 1796 года та Введенская церковь, что стояла в теперешней Новой слободке, сгорела, и вот вместо нее уже на новом месте в 1796 году построили ту самую церковь, что теперь стоит. Сначала в ней был один придел — во имя Иоанна воина, а потом его упразднили и лет 80 тому назад устроили те приделы, что и теперь существуют: с правой стороны — в честь Воздвижения креста Господня, а с левой во имя св. муч. Трофима и Θεофила. Колокольню построили в 1865 г.

Церковь св. Екатерины муч. там, где она теперь стоит, выстроили в 1798 году; тогда же построены были и приделы в честь Рождества Богородицы и в честь св. Георгия Победоносца. Совсем недавно, в 1906 году, были построены еще два придела: в честь Архангела Михаила и в честь Нерукотворенного Спаса. Старинных икон в этом храме нет. Есть только старинный крест. Этот крест был взят из церкви св. Георгия, а церковь св. Георгия была в старину около Соборного бульвара. Ее упразднили, а вместо нее построили придел в Екатерининской церкви.

*) Про Скорбященскую и Лазаревскую церковь подробно написано в Рязанских Епархиальных Ведомостях за 1892 г., стр. 501 и 502.

Вознесенская церковь на том месте, где она стоит теперь, построена тоже в ту пору, когда Рязань строили по новому плану—в 1790 году, а освещена в 1796 г. Тогда же устроен был в трапезной придел св. Космы и Дамиана. Через 40 лет, в 1834 году, трапезную перестроили, расширили и сделали в ней придел по левую сторону—во имя трех святителей вселенских—Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого. В этом храме есть древняя икона—Обновления храма Воскресения Христова.

Когда стали строить Рязань по новому плану и распространять ее туда, где теперь Введенская, Мальшинская, Левицкая, Мясницкая, Маломещанская и др. улицы, тогда стал затихать старинный торг, что был на теперешнем Старом Базаре. Для торговли было отведено место, где теперь каменные ряды на Большой улице. Каменные ряды—это четыре больших каменных дома по обе стороны Большой улицы. Те два дома, которые ближе к Ямской, в старину назывались вторым рядом, а те два, что подальше от Ямской, назывались первым рядом. В первом ряду лавки были с обеих сторон, торговали там бакалеей; в том корпусе, что ближе к городскому саду, и где теперь полковая церковь, был крытый проход и по обе стороны его были лавки. Во втором ряду лавки были только с той стороны, которая обращена к первому ряду; в том корпусе, что ближе к городскому саду, торговали мануфактурой, а в другом—железным товаром. Между первым и вторым рядом бывали базары: торговали капустой, картофелем, разными овощами, такие же базары, которые теперь бывают на Новом базаре.

Теперь вид рядов совсем не тот, что был раньше: нет колонн и прохода в первом ряду, лавки перестроены в жилые помещения.

Прошло некоторое время, и базар^о от старых каменных рядов, с Большой улицы, перевели на Московскую, туда, где Новый базар. Тогда сюда перешла и вся торговля, в новые каменные ряды: лавки здесь разместились так: в тех двух корпусах, что ближе к Почтовой улице, в правом (если идти с Почтовой) торговли железом, а в левом всем по-немногу: книгами, платьем, обувью; в больших корпусах по обе сто-

роны базара—в правом торговали мукой, а в пристрое—горшками, а в левом—в пристроях мануфактурой и галантереей; в дальних двух корпусах—бакалеей, а в маленьких лавочках у базара—пряниками и табаком.

Часовни в старину на базаре не было, а недалеко от того места, где она стоит, направо от нее, ставился в старые годы эшафот; на нем наказывали преступников; после наказания эшафот разбирали и увозили.

На Почтовой улице раньше торговли не было. Это уже позднее стали переходить торговцы из красных рядов на угол Почтовой и Мясницкой. Первым перешел на угол Почтовой купец А. Г. Гаврилов.

В старину Рязань имела не такой вид, как теперь, конечно, и потому, что не было тогда железных дорог. В те годы дорога на Москву шла не там, где шоссе, а там, где „старая дорога“—около железнодорожного забора. У заставы, а застава была там, где мост через Каз. ж. дорогу, тогда стоял шлагбаум. Проехав шлагбаум, сворачивали к кузницам, а кузницы были там, где они и теперь стоят; проезжали мимо кузниц и ехали по той дороге, что около железнодорожного забора, где теперь ездят на вокзал в хорошую погоду; по этой дороге ехали все прямо к Троицкому монастырю. Тут, у монастыря слобода кончалась. Где теперь вокзал и полотно Казанской жел. дороги, были тогда огороды, крестьянские дворы, а где водокачка у Трубежа,—была суконная фабрика. Там где стоит магазин общества потребителей служащих М. Каз. ж. дороги, в старину на Московскую дорогу выходила Кривая улица. Она пересекала то место, где полотно железной дороги и упиралась в Троицкие Бутырки.

А Троицкие Бутырки упирались в ров, что был недалеко от Губернской больницы. Теперь все это место занято полотном железной дороги.

Там, где теперь товарная станция и полотно Рязань Ур. ж. дороги, в старые годы были крестьянские поля.

Когда проводили железную дорогу, стали выравнивать местность, сносить дома, и, конечно, изменили вид. Вот тогда и дворы крестьянские были перенесены на шоссе.

Называлась Александро-Невская слобода—Троицкой, а церкви в ней не было: ее выстроили только в 1884 году, приходской церковью для слободы была Николо-Высоковская церковь.

И теперь еще есть в Рязани дома, которые построены в те далекие годы, когда Рязань перестраивалась по новому плану, а из них чуть ли не самый старинный бывший „редутный дом“. Про него рассказывают вот что.

Много новых учреждений завела императрица Екатерина II, когда устраивала по новому управление в губерниях. Вот между этими учреждениями был и приказ Общественного Призрения. Этот приказ ведал и больницы, и аптеки, и школы, и богадельни, и приюты. Он же и деньги добывал на свои больницы, школы и богадельни, а для этого выдавал деньги под залог имений, принимал вклады от частных лиц, продавали градные карты, имел свои огороды, свой кирпичный завод, свой оркестр, содержал театр, отдавал в наймы „качели“ на Пасхе для народного увеселения“. Для этого, же, т. е. для дохода, он устроил „редут“. Это было вот что.

В 1785 году на средства приказа был выстроен недалеко от Московской заставы каменный двухэтажный дом. Это тот самый дом, который теперь занят земской аптекой, а раньше в нем помещались умалишенные. Приказ выстроил этот дом для того, чтобы там могли быть дворянские собрания: балы, маскарады. Желавшие посещать эти собрания платили приказу деньги: кто записывался на год, платили—мужчины 12 р. в год, а женщины—6 р.; а кто на год не записывался, платил по 50 коп. за вход. Там и в карты играли, и на этом приказ выручал деньги: покупал карты, по 3 р. 25 к. за дюжину, а выручал по 1 р. за игру. Был там и буфет: его приказ сдавал за 50 р. в год.

Когда перестали собираться в „редуте“ на вечера, маскарады и балы,—неизвестно: говорят—скоро после 1804 года. Тогда помещение это было занято под другие надобности: одно время, например, там была женская богадельня, помещалась там и гимназия.

„Дворянские собрания“ происходили в верхнем этаже редутного дома, а в нижнем сначала помещался „пансионный дом“.

Пансионный дом был открыт давно, чуть ли не с 1785 года. Открыт он был для дворянских детей. Они содержались там, кто на свой собственный счет, а кто на средства приказа. Одни пансионеры жили в пансионном доме, другие—были приходящими. Кто жил на полном пансионе, платил 120 р. в год, а из приходящих, кто платил 80 р. в год, того учили и кормили обедом, а кто платил 60 р., того только

учили. Бедные дворянские дети иные даром жили в пансионном доме и учились, а иные только учились даром и даром обедали, а ужинали и ночевали дома.

Обучали там французскому яз., русскому яз., арифметике, геометрии, истории, географии, Закону Божию, фехтовать и рисовать, а одно время учили и танцевать: за 100 р. в год учил танцевать благородных юношей пансиона механик Павел Борзантий.

При пансионе был гувернер—француз. Он же был учителем французского яз., истории, географии и фехтования и за все это жалованья получал 500 р. в год. У него был помощник, тоже француз; он получал жалованья—100 р. Закону Божию обучал священник. Он же учил и русскому правописанию и получал жалованья 50 р. в год. Столько же получал и учитель рисования. Учителем арифметики и геометрии был канцелярист из верхнего земского суда и особого жалованья за уроки от приказа не получал.

Этот, „Пансионный дом“ был до тех пор, как в 1804 году открыли гимназию; тогда его преобразовали в Сиротский дом.

В Сиротском доме воспитанники содержались все на средства приказа. Было их там до 30 человек. Содержание их было скудное: на каждого воспитанника отпускалось по 3 коп. в день.

Мальчики, жившие в Сиротском доме, были одеты все одинаково: в зеленые мундиры в роде курток, в серые, крестьянского сукна, брюки, в серые, такого же сукна, шинели и фуражки в виде колпаков с кисточкой наверху. Спали они на тюфяках и подушках, набитых соломой. Обед и ужин их состоял из щей с мясом и каши, завтрак—из куска мягкого ржаного хлеба; квасу—сколько душе угодно.

Заведение это имело директора, которого воспитанники никогда не видали, а надзирал за ними и кормил их престарелый отставной сержант с помощью двух служителей. Избранные и бывшие у него в милости за привозимые из деревень гостинцы (муку, масло, яйца и т. п.) допускались в театр (он был в 300 шагах) за кулисы, смотрели за исправностью освещения, зажигали сальные свечи перед приездом публики и тушили их по окончании спектакля, прятали воровски в карманы огарки и отправлялись домой веселыми и довольными. За шалости их иногда секли розгами, но чаще суровый надзиратель дарил их оплеухами и вособен-

ности любил драть за уши. За чистоплотностью не следили: бани не знали, летом только водили купаться на Трубеже. Ничего нет удивительного поэтому, что раз как-то оказалось среди воспитанников Сиротского дома 13 человек больных чесоткой. Сначала у воспитанников вовсе не было носовых платков, только уже после приказ купил по два платка на каждого воспитанника.

Воспитанники Сиротского дома учились одни в гимназии, другие—в уездном училище, иные—в приходском училище. Учились они плоховато: учебных пособий и письменных принадлежностей покупали им мало, да и те были плохие: раз купили таких карандашей, что ими и писать нельзя было. Да и воспитанники-то набирались в Сиротский дом не всегда способные: раз как-то приняли туда малого 17 лет, да такого, что „при тупом разсудке ничему еще не обучался“.

Существовал этот Сиротский дом до 1824 года, а в 1824 году его преобразовали в Дворянское Воспитательное заведение. *)

Рядом с бывшим „редутным домом“, где теперь земская аптека, стоит большое здание губернской земской больницы. Это здание было выстроено приказом общественного призрения 100 лет тому назад, в 1816 году; выстроено оно было для больницы и называлось „главным корпусом“.

У приказа давно была больница, она была учреждена еще в 1785 году: это был „лазарет больных неимущих солдат“. Потом в эту больницу стали принимать и больных людей разного звания, имущих—за небольшую плату, а неимущих и военных—бесплатно. Помещалась больница в собственном деревянном доме за девичьим монастырем. Там, за девичьим монастырем, у приказа была и богадельня и даже—театр. Когда это здание стало ветхо и тесно, вот тогда то и решил приказ выстроить новое каменное здание, то самое, где теперь губернская больница. Только не всегда там больница помещалась: когда выстроили этот „главный корпус“, его заняли военным госпиталем, и был он там до 1822 г.; тогда поместили на его место, в „главный корпус“ больницу приказа, а через два года ее отсюда перевели

*) О редуте, о сиротском доме и пансионном доме подробно написано в книге: „Материалы для истории Рязанского Губернского земства“. Издание Рязанской Архивной Комиссии. Часть 2, выпуск первый, стр. 336—350. Про сиротский дом есть воспоминание Галахова: „Время школьного учения. Из записок человека. Стоодного.“ Помещены они в октябрьской книжке Русского Вестника за 1876 г.

сначала в Мальшинскую богадельню, потом в дом Татариновой, потом в верхний этаж редутного дома, отсюда опять в дом Татариновой. Только в 1836 году, наконец, совсем уже поместили ее в „главный корпус“.

В то время, когда больницу так переводили с места на место, „главный корпус“ был занят учебными заведениями, которые содержал приказ. Это были—дворянское воспитательное заведение и приказно-служительское училище.

Дворянское воспитательное заведение было открыто в 1824 году. Содержалось в нем до 54 воспитанников, все на средства приказа. Можно было туда поступать и платным воспитанникам—за 250—280 р. в год.

Содержали воспитанников скудно: отпускали на каждого сначала по 8 коп. в день, а потом—по 10 коп. Спали они на тюфяках, набитых соломой, мундирчики, случалось, бывали с пуговицами разных размеров, разного цвета, и пища, случалось, была плоховата: постное масло иной раз—горькое, горох-плохой, щи вместо снитков из старых неваренных грибов, совершенно без вкуса.

Обучались питомцы заведения в гимназии, в уездном и приходском училищах. Учились они плохо, происходило это отчасти от недостатка учебных пособий: иной раз по целым неделям являлись они в класс без книг, без прочих учебных пособий.

Кто плохо учился и плохо себе вел, тех приказ наказывал, иной раз и розгами: например, три воспитанника как-то раз самовольно отлучились из класса—приказ постановил: наказать их розгами при товарищах. Если воспитанники, бывало, засидятся в учебном заведении без всяких успехов до таких лет, что уж можно им поступить на службу, таких воспитанников и увольняли. Один, например, пробыл в дворянском заведении 8 лет и все это время обучался в приходском училище, ему пошел уже 17-й г.: его уволили.

А то еще другой достиг 17-летнего возраста, а обучался только в I классе гимназии. И его уволили. Еще был такой, что, обучаясь в I классе, достиг 18-летнего возраста, а то был и такой, что, обучаясь во 2 классе гимназии, достиг 19-летнего возраста и сам стал просить, чтобы его уволили и определили на службу в приказ. Когда открывали дворянское заведение, думали было заняться и военным обучением воспитанников: купили ружья, патронные сумки,

полусабли, портупей, кивера и т. п. Только скоро это дело оставили, все вещи сдали в цейхгауз; пролежали они там 25 лет, и продали их с аукциона.

Одно время, с 1823 до 1830 года, в дворянском воспитательном заведении было чертежное отделение; воспитанников этого отделения обучали рисованию, составлению и с'емке планов, составлению смет для каменных, деревянных, земляных и других работ. Обучалось в чертежном отделении немного учеников—12 человек, они от приказа получали пищу, одежду, помещение, учебные пособия и жалованье.

Дворянское заведение просуществовало до 1843 года. В этом году было открыто Дворянское Александровское Воспитательное заведение, а оно помещалось в здании Благородного Собрания, что на углу Почтовой и Астраханской улицы. Это здание выстроено, говорят, при Александре I, „в Александровскую эпоху“. Это одно из самых красивых зданий Рязани.

В Дворянском Александровском Воспитательном заведении жили дети бедных дворян, которые учились в уездном училище и в гимназии. Просуществовало оно до 1877 г.

В „главном корпусе“, т. е. в том здании, где теперь помещается Губернская Земская больница, помещалась когда-то между прочим и приказнослужительское училище, т. е. училище для недостаточных приказнослужительских детей.

Это училище было открыто в 1824 году на средства, которые купец Ярцев пожертвовал на дела благотворения. В 1862 году это училище было закрыто.

На углу Астраханской и Мальшинской улиц стоит старое здание Окружного Суда. Этот дом, только, конечно, не в таком виде, как теперь, когда-то принадлежал надворной советнице Крекшиной. В 1834 году его купил у нее приказ общественного призрения, переделал, сделал кое-какие пристройки и в 1836 году перевел туда и приказнослужительское училище и дворянское заведение. Вот тогда-то, наконец, больница уже прочно поместилась в „Главном корпусе“. А называлась она с 1844 года „Градской больницей“. Когда открылось в Рязани земство, часть дел приказа отошла к нему, отошла к нему и больница, и стала называться Гу-

бернской Земской больницей *). Рядом с этим домом больницы, по правую ее сторону стоит здание Дома Трудолюбия. Это тоже старинное здание, построено тоже при Александре I, а Дом трудолюбия основан в 1822 году.

Кто въезжает в город через Московскую заставу, тому непременно бросится в глаза направо от въезда тюремный замок. Он выстроен около 1824 года. Одно время там помещались не одни арестанты, а также и смиренный и рабочий дома, которые содержались приказом общественного призрения. Устроены они были давно, еще при Екатерине II. Где они помещались сначала, неизвестно, потом для них было построено два деревянных дома, обнесенные каменною оградой с башнями, у Московской заставы, должно быть, напротив редутного дома. Потом эти дома обветшали, и вот в 1824 году смиренный и рабочий дома поместили тогда в тюремном замке, который только что выстроили.

Помещались они тут до 1846 года. Тогда в замке стало очень уж тесно, и «смирительных людей» пришлось оттуда вывести; вывели их в подвальный этаж больницы. Потом, в 1848 году приказ решил построить для них помещение на усадебном месте Мальшинской богадельни.

Смирительный дом был устроен для людей: «непотребного и невоздержанного жития», для детей, кои родителям своим непослушны, для людей, которые впадут в непотребное житие, начнут расточать имение и долги накапливать; для людей, которые «начнут без стыда и зазора иметь явно поведение добронравию и благочинию противное; для рабов непотребных, которых никто в службу не принимает; для рабов ленивых и гуляк, кои все пропивают; для людей, которые не хотят трудиться для своего пропитания, едят хлеб вотще и сим подобных».

Чаще всего присылали в смиренный дом помещики своих крепостных. Бывали и такие случаи: у одного купца жила в услужении крепостная некоего помещика. Стала она «делать непристойности и грубости» и, сколько он ни старался воздержать ее, она становилась «ослушнее». Самого помещика в Рязани не было, вот купец и пожаловался в приказ и попросил принять его прислугу для работы. Ее приняли, посадили в смиренный дом на один месяц. Си-

*) Про больницу, дворянское воспитательное заведение и приказнослужительское училище подробно написано в книге: «Материалы для истории Рязанского Губернского Земства». Издание Рязанской Архивной Комиссии. Часть 2, выпуск 1, стр. 350—380

дел раз в смирительном доме и некий отставной канцелярист впредь до исправления, за „беспрерывное пьянство“; был там и студент некий, присланный за развратное поведение. „Сажал туда приказ и богадельщиков за разные провинности, например, таких, которые вели себя нетрезво и буйственно.

В рабочем доме содержались лица, осужденные по суду за преступления, а также недоимщики в платеже податей.

Сначала ссдержимые в смирительном доме носили свое платье и свою обувь; только те, кого надолго туда сажали по суду, получали одежду и обувь от приказа. Потом стали очень уж часто убегать из смирительного и рабочего домов. Тогда приказано было на белье и одежде арестуемых делать особые нашивки, а мужчинам брить лбы или половину головы

В 1865 году оба эти дома были закрыты *).

Там, где теперь стоит духовная семинария, в старину, до 1753 года, стояли дворы архиерейских крестьян: в этой местности была Владычная слобода. В 1753 году преосвящ. Дмитрий Сеченов приказал эти дворы снести и построить тут помещение для семинарии, а семинария с 1748 года и до того времени помещалась в Троицком монастыре: там было и тесно и неудобно.

То помещение, которое приказал построить преосвящ. Дмитрий, потом было перестроено преосвящ. Симоном Лаговым. Это было несколько отдельных деревянных изб: трапезная палата, зал для диспутов, школа поэзии, классы богословия, философии, риторики, школы синтаксиса и грамматики, инфимы и информатории, русская школа, учительские покои и т. д. В классах семинаристы и учились, и готовили уроки, и спали. По стенам стояли лавки, под лавками были рундуки, куда ученики складывали свои вещи, а в середине стояли длинные плоские столы и скамейки. Почти при каждом классе в сенях была еще комната, которая называлась: „холодной риторикой“, если она была при классе риторики, „холодной философией“, если она была при классе философии и т. д. В эти комнаты ученики ставили свои сундуки и на день выносили свои постели, т. е. войлоки и подушки. На ночь эти постели вносились

*) Об этих домах подробно написано в книге: „Материалы для истории Рязанского Губернского Земства“. Издание Ряз. Архив. Комиссии. Часть 2. вып. 1, стр. 399—411.

в „теплую“ риторику, философию и т. д., и ученики ложились спать: кто на скамьях, кто на столах. В холодных комнатах летом висел рукомойник с лоханью, на зиму его переносили в теплые комнаты. Грязь в этих комнатах была ужасная: мыть их было невозможно, потому что всегда они были полным полно семинаристами, поэтому и воздух в них был спертый, нехороший.

Когда семинария перешла в помещение у церкви Владимирской иконы Божией Матери, учебное дело в ней с каждым годом становилось все лучше и лучше. Вводились новые предметы: греческий яз., еврейский, французский, немецкий яз., история, география, физика, арифметика, геометрия, даже рисование, музыка, пение. И учителя стали получше, и учили они получше; куплены были семинаристам учебники. И в другом во многом учебное дело налаживалось хорошо. Устраивались, например, частные и публичные диспуты: частные — каждую неделю, а публичные — раза 4 в год. Публичные диспуты происходили с большой пышностью, к ним готовились по несколько месяцев: одни ученики „дефензоры“ (защитники) готовились защищать какую-нибудь мысль, а другие „оппоненты“ — прекословщики — придумывали против нее возражения. За несколько дней до диспута на громадных листах тщательно писались и искусно раскрашивались „тезисы“ — мысли, о которых собирались спорить. Эти листы разсылались ко всем знатым и почетным лицам города с приглашением „полюбоваться подвигами словопрения“. Зал для диспутов убирался зеленью и даже цветами. Семинарские певчие вместе с архиерейскими готовили разные духовные песнопения и канты, нанимались и музыканты. Иногда после диспута семинаристами разыгрывались драматические произведения.

Иной раз дефензоры и оппоненты изображали собою греческих богинь — муз: тогда на них надевали белые кафтаны с крыльями, напудривали, завивали им волосы, даже парикмахера для этого приглашали. Во время диспута они стояли на кафедрах.

Диспуты бывали по вечерам. На стенах зала тогда зажигали множество свеч в деревянных канделябрах.

Во время перерывов между речами „прекословщиков“ пелись канты, разыгрывались на музыкальных инструментах разные пьесы. После диспутов избранных гостей и всех учителей угощали, а для этого заранее покупалось побольше разных вин и водки. Ученикам в такие дни выдавали

по калачу, а для тех, у кого в кассе был диспут, готовился обед с жареным. Дефензорам и оппонентам владыки дарили по полтиннику, а когда и больше.

Кроме диспутов, в семинарии бывали и другие праздники: справляли престольные праздники семинарской церкви, майские рекреации, именины архиереев и т. п. На всех таких праздниках произносились речи, стихотворения, пелись канты. Кормили семинаристов в такие дни лучше, раздавали им калачи.

Начальниками семинарии и наблюдателями за нею были ректор и префект. У префекта были помощники из студентов богословия „сениоры“ (старшие), а по келиям—приоры. Сениор должен был смотреть за исправностью приоров, за порядком и чистотою в комнатах и в трапезе, за приготовлением кушанья. Жить он должен был около выходных семинарских ворот, чтобы из окна мог видеть, кто входит, кто выходит из семинарии; без его дозволения ученики не могли уходить за ворота.

За порядком и за поведением учеников по келиям наблюдали приоры из учеников богословия и философии. Они должны были смотреть за тем, чтобы, ученики честно себя вели, учтиво поступали, платье опрятно около себя имели, волосы причесывали, ложились спать и вставали по звонку; куда звонком позовут, шли бы порядком, по два в ряд. Они же должны были помогать ученикам учить уроки. Словом, должны они были быть при учениках „как кормилицы при малых детях“.

В классах за поведением учеников наблюдали „цензоры“, а за учением—„авдиторы“ или „нотаторы“—тоже из учеников. Нотаторы проверяли, знают ли ученики уроки и отмечали в особых тетрадях: sc. (знает), nsc. (не знает), er (ошибается) и т. д.

За дурное поведение и лень семинаристов наказывали, и очень строго, а поведение их было плохое и лень—превеликая. Бывали такие семинаристы: один за 3 года не был в классе и десяти раз, а другой два года вовсе в класс не ходил. И таких было немало. Нередко они и вовсе убегали из семинарии. Семинаристы пьянствовали и безобразничали. Раз как-то, например, был такой случай: 8 семинаристов совершенно пьяные на Почтовой улице вечером свистали, пели песни „несогласно“, ругали друг друга непотребными словами и многократно рычали, подражая медведю, а потом завели драку с каменщиками. Каменщики

закричали „караул“. Прибежал будочник, а семинаристы пригрозили бросить его под мост. За такие выходки семинаристов секли. Наказывали семинаристов еще тем, что лишали их пищи, заставляли стоять на коленях, класть земные поклоны; иной раз запирали на цепь; секли их розгами, даже плетью под звонком при всех семинаристах; случалось, что отправляли их в цепи под конвоем на черные семинарские работы, а „детин непобедимой злобы“ исключали из семинарии и даже из духовного звания.

Одевались тогда семинаристы в сюртуки на холстинной подкладке, теплые жилеты из темной байки, брюки из дикого сукна; выдавали им еще тулупы, шейные платки, рукавицы. Волосы носили они длинные, многие заплетали их в косу.

Деревянное здание семинарии простояло до 1812 года, а в 1812 году начали строить для нее каменный дом. В 1816 году он был готов. Это тот самый каменный двухэтажный дом с крыльями, который и теперь стоит и на котором большими буквами написано: „Духовная Семинария.“

Когда семинарию перевели в этот дом, завелись в ней уже новые порядки. Порядки эти были одни и те же во всех семинариях. Их разработала „комиссия духовных училищ“, а в этой комиссии много потрудился между прочим тогдашний рязанский архиепископ Теофилакт Русаков.

Кроме семинарии в этом доме помещалось тогда и рязанское духовное училище и приходское училище. Для всех этих учебных заведений помещение, конечно, было очень тесно. Стали думать, как бы устроиться получше. Долго думали, и вот, наконец, в 1831 году купили у помещицы Куприяновой дом на Сборной улице и в 1832 году перевели туда и духовное училище и приходское *).

Против городского сада, на углу Владимирской и Дворянской улиц стоит большой двухэтажный каменный дом. В верхнем этаже его недавно еще помещалась духовная консистория и епархиальное попечительство, а в нижнем — архив. Когда то в старину здесь были роскошные палаты, здесь останавливались проездом через Рязань император Александр I, Николай I, его жена императрица Александра Феодоровна, наследник Александр Николаевич.

*) О прошлом рязанской семинарии подробно рассказано в книге Дмитрия Аглицева: „История рязанской духовной семинарии“ Рязань. 1889.

Этот дом около ста лет тому назад был построен рязанским вельможей и богачем откупщиком Гаврилой Васильевичем Рюминым.

Когда-то В. Г. Рюмин был бедным рязанским мещанином. Осталось после смерти отца у него кое-какое имущество, да сгорело в пожаре, и он ушел во Владимир искать счастья. Нанялся он там к винным откупщикам и так приглянулся им своею расторопностью и смекалкой, что они скоро приняли его в долю, а там он уже и сам снял винный откуп и стал ворочать большими капиталами. В то же время он занимал разные должности и на государственной службе, и здесь ему повезло. В начале 19 века, лет 100 тому назад с небольшим он уже в больших чинах, живет в Рязани и вращается здесь среди знати. Умер он в 1827 г. потомственным дворянином, статским советником и оставил детям огромное наследство: 12.000 крестьян и несколько миллионов деньгами.

Умел Г. В. Рюмин в люди выйти и деньги нажить, умел и тратить деньги с умом, так, что и людям хорошо было, и ему честь и слава: открывается ли, напр., в Рязани гимназия; учреждается ли дом трудолюбия—во всем Г. В. участвует, на все деньги жертвует.

Простоял Успенский собор лет со 100 и обветшал, обветшал до того, что перестали в нем служить, и Синод предписал разобрать собор и построить новый. Тогда рязанские купцы Г. В. Рюмин и П. А. Мальшин пригласили из Москвы архитектора и каменных дел мастера осмотреть собор, и оказалось, что собор можно исправить; часть денег эти именитые рязанские купцы обязались пожертвовать и принялись за дело: подрядили каменотесов, мастеров каменных работ, живописца, и к 1804 году собор был возобновлен и 15 августа освящен.

В 1789 году стали строить соборную колокольню: сложили с трудом первый ярус, и денег не хватило: с 1797 г. и до 1816 года так и стоял только первый ярус колокольни. Опять тут выручил рязанцев Г. В. Рюмин: на свой счет построил второй ярус.

К началу прошлого, 19 века тесен стал Рождественский собор и ветх, и низок, и темен: в торжественные дни иных из богомольцев не впускали в настоящий собор и, стоя за приделами, не могли они слышать богослужения. Такой беде рязанцев помог опять Г. В. Рюмин: на свой счет переделал он собор: уничтожены были приделы, стены были подняты, и собор принял теперешний свой вид.

Одним из сыновей этого тароватого и умного дельца был владелец Рюминой рощей Николай Гаврилович Рюмин.

Многие рязанские старожилы еще хорошо помнят этого краснощекого маленького старичка, который изредка наезжал из Петербурга в Рязань и так любил блеснуть своим гостеприимством. Какие гулянья устраивались у него в роще 1 мая! Вся в цветах, с прудами, украшенными причудливыми мостиками, с великолепным дворцом дачей стоит, бывало, она, залитая огнями блестящей иллюминации и фейерверков, до рассвета разносятся по ней из окон дворца звуки громких мазурок и томных вальсов, и долго после вспоминает рязанская молодежь, как веселилась она в первый день светлого мая у тароватого Рюмина.

А какой праздник устроило в Рюминой роще рязанское дворянство 16 августа 1837 г. в честь наследника Александра Николаевича, проезжавшего через Рязань! Дом весь был убран цветами, на террасе стояли лимонные и другие диковинные деревья, пролеты террасы были украшены гирляндами цветов и вензелями императора, императрицы, наследника, перед террасой блистал огненный фонтан и щит с прозрачной картиной, на которой был изображен вензель имени наследника. В одной из гостинных была сделана беседка из виноградных лоз, на лозах рдели кисти сочного винограда. Весь вечер далеко за полночь гремела музыка, шли танцы. А роща была полным полно народом: там горела иллюминация, гремела музыка, водили хороводы, пели песни... *)

Теперь в Рюминой роще и следов не осталось от прежнего. Еще в 1901 году, лет 16 тому назад, стоял дом, в котором, когда-то так веселились, но это была уже развалина: колонны у главного входа сгнили до того, что того и гляди упадут, в гнилой расселине одной из них на верху выросло дерево, в дверях, в окнах стекла перебиты, ручки отломаны, паркетный пол прогнил и провалился, крыша протекала. А в 1902 году дом этот сгорел.

В роще от прудов остались лужицы, причудливые беседки давно уже были все разобраны, от цветников остались небольшие холмы, поросшие бурьяном.

*) Подробно это описано в статье И. И. Проходцова: „Наследник цесаревич Александр Николаевич в Рязанской губернии в 1837 году.“ Труды Ряз. Арх. Ком. 1901 г., вып. I стр. 73 — 78.

У наследников Н. Г. Рюмина рошу купил город, стал приводить ее в порядок, но, глядя на нее, все-таки, трудно себе представить, какова она была когда-то в старину.

Портрет Н. Г. Рюмина висел в зале „Рязанского благородного пансиона“. Здание пансиона на Владимирской улице, рядом с городским садом. Это—дом старинный, выстроен, наверное, еще в ту пору, когда Рязань стали строить по новому плану. И снаружи и внутри он хорошо сохранил свой старинный вид. Если войти в него и посмотреть на прихожую, на лестницу во второй этаж, на высокие старинные двери, на вереницу высоких, высоких комнат, на залу с лепным потолком, на низенькие антресоли с крутой лестницей,—легко тогда можно понять, какие дома бывали у рязанских богатых вельмож лет 100 и больше тому назад.

Портрет Н. Г. Рюмина висел в этом доме потому, что он подарил его рязанской губернской гимназии для пансиона. Было это в 1833 году, в этом же году 6 декабря пансион был открыт. Н. Г. Рюмин потому подарил этот дом гимназии, что был почетным попечителем гимназии. Занимал он эту должность долго 37 лет и немало сделал для гимназии. Он помогал не одной только гимназии: в 1859 г. открылось Мариинское женское училище, Н. Г. и ему стал помогать и дом для него приобрел, и отделал, тот самый дом, в котором помещалась Мариинская гимназия.

Как и отец его Гавриил Васильевич, Николай Гаврилович много сделал для храмов Рязани: на свой счет он построил четвертый, железный ярус соборной колокольни и пожертвовал для нее часы.

В здании пансиона была церковь во имя св. Николая чудотворца. Эта церковь устроена в 1868 году, а освящена была 4 декабря 1869 года. Устроена она на средства отчасти Н. Г. Рюмина, отчасти А. В. Антонова.

От того времени, когда строилась Рязань по новому плану, должно быть, сохранился и дом, в котором помещается рязанская I-я гимназия. Этот дом когда-то принадлежал В. О. Кузнецовой. В 1808 году рязанское дворянство купило его для гимназии, его перестроили и в 1815 году гимназия туда перешла. В этом доме старинная та часть, что выходит на Большую улицу и на Лыбедь, а та, что выходит на Александровскую, почти вся выстроена недавно—в 1889—1890 году.

До 1805 года гимназия помещалась сначала в так называемом „редутном доме“, а с 1805 года в деревянном доме, построенном приказом общественного призрения.

Рязанская I гимназия раньше называлась Рязанской губернской гимназией. Она открыта была 27 ноября 1804 г. Дело было так. Еще при Екатерине II в 1786 году было открыто в Рязани главное народное училище: в этом училище было 4 класса, а учили там закону Божию, русскому языку, математике, истории, географии, основаниям механики, физики, естественной истории и гражданской архитектуры, чистописанию и черчению. Вот это главное народное училище в 1804 году обратили в гимназию так, что ученики его третьего и четвертого класса сделались учениками первого и второго класса гимназии, а ученики первого класса главного народного училища сделались учениками приходского училища, ученики второго класса главного народного училища сделались учениками первого класса уездного училища.

В гимназии в те старинные годы все было по особенному, не так, как после. Учились тогда 4 года, было 4 класса. В первый класс поступали сплошь и рядом мальчики великовозрастные, лет до 16, потому что прежде, чем попасть в гимназию, учились в уездном училище. Обучали в гимназии предметам многим и мудреным: латинскому, немецкому, французскому языкам, чистой и прикладной математике, опытной физике, истории, географии и статистике, философии, изящным искусствам—эстетике и риторике, политической экономии, праву, естественной истории, начальным основаниям наук, относящихся до торговли и технологии, черчению и рисованию.

Каждый урок тогда продолжался два часа; уроки начинались в 8 часов утра и продолжались до 12 часов, потом был перерыв до двух часов, а с двух часов опять уроки, часов до пяти. Учебное время продолжалось 11 месяцев, и летние каникулы занимали только один месяц—июль. Экзамены происходили очень торжественно, в присутствии посторонних лиц. Отметок тогда не было: вместо них в журналах писали: весьма хорошо, хорошо, удовлетворительно, посредственно, плохо. Кроме успехов, отмечались и способности учеников. На экзаменах ответы учеников оценивались шарами. Делалось это так. Для того, чтобы перейти в следующий класс, нужно было получить определенное число шаров, сколько их для каждого предмета определял дирек-

тор. Иной раз нужно было получить до 100 шаров, а шаром обозначался удовлетворительный ответ на один вопрос. Тот, кто получал шаров больше всех, награждался книгой или похвальным листом, а если на экзамене, бывало, окажется, что ученик вовсе ничего не знает, не знает даже и того, что проходило в предыдущих классах. такого ученика „обращали и в низший класс“ доучиваться.

Надзора за поведением учеников не было: не было ни инспектора, ни надзирателей. Остановить шалунов было некому. Беспорядок был большой. До прихода учителя в классе стоял стон стоном от шума, возни и драки. Слова, не допускаемые в печати, так и сыпались со всех сторон. Нередко младший класс гуртом бился на кулачки со старшим. А иной раз в классе было спокойно, ученики затихали: большинство громко повторяло уроки, остальные занимались незатейливым завтраком: кто ел ломоть хлеба, обильно посыпанный крупной солью, кто—огурцы, или зеленый лук, кто печеные яйца и т. п.

Телесных наказаний в гимназии тогда не было, но по просьбе родителей их иногда применяли. Как то напр., случилось, что троих учеников высекли по просьбе их матерей, у которых они отбились от рук. Провинившихся наказывали другими способами: ставили на колени и оставляли без обеда; были в большом ходу и другие более грубые способы внушения: волосодрание, пощечины, подзатыльники. Один бывший ученик гимназии вспоминает в одной книжке, как учитель первого класса, так драл вихры шалуна-школьника, что у того распоясался кушак и из-за пазухи посыпался моченый горох, припасенный на завтрак. А еще один бывший ученик гимназии вспоминает такой случай: встретил он на улице учителя латинского языка, иностранца Линка, и стал его дразнить теми недостатками, которые он имел в произношении, давая уроки, а учитель за это больно поколотил его.

Учились тогда в гимназии бесплатно, и учились все, кому хотелось: были там дети и дворян, и приказных, и солдат, и дворовых людей, и священников, и мещан. Со словное различие учеников обнаруживалось в одежде и в прическе: одни ходили в сюртуках и куртках, снимая зимнюю одежду в нижнем этаже, а другие зимой сидели в тулупах и фризовых шинелях, подпоясанных кушаком или ремнем. Прическа тоже была разнообразна: многие стригли волосы в кружок, а иные вовсе их не стригли *).

*) О старинной гимназии можно прочесть в „Исторической записке Рязанской I-й мужской гимназии“. Рязань, 1904.

Некоторое время, около 1816 года, в этом же здании помещалось и уездное училище. В нем было два класса. Обучали там таким предметам: закону Божию и священной истории, должностям человека и гражданина, русской грамматике и правилам слога, географии всеобщей и русской с начальными правилами географии математической, истории всеобщей и русской, арифметике, начальным правилам геометрии, начальным правилам физики, естественной истории, и технологии, чистописанию и рисованию.

Обучались в уездном училище разночинцы, как и в гимназии, учились даром*). Как и гимназисты, ученики уездного училища ходили в класс в самой разнообразной одежде и с самой разнообразной прической. Возраст их был тоже разнообразен: наряду с девятилетними, десятилетними мальчиками сидели здоровые и рослые ребята лет шестнадцати и семнадцати.

Надзора за ними не было и вели себя они шумно, кричали, дрались и всячески безобразничали.

Чем ни дальше, тем больше, конечно, меняется вид Рязани, исчезает рязанская старина. Особенно много перемен произошло в Рязани, особенно стал меняться ее вид при императоре Александре II. **) Это было время больших преобразований. Тогда появился в Рязани и новый, гласный, равный для всех, правый суд 22 октября 1866 года, и земство открылось в 1865 году, и новое городское самоуправление 1 января 1871 года.

Уже в конце 50-х годов в Рязани стало заметно оживление: открылась первая публичная библиотека (2 января 1858 г.),

*) Есть очень любопытные воспоминания об уездном училище и о гимназии в 1816—1822 году. Их написал знаменитый русский ученый Галахов, бывший ученик рязанской гимназии. Помещены они в „Русском Вестнике“ за 1876 г., в октябрьской книжке: „Время школьного учения. Уездное училище и гимназия. Из записок человека. Сто одного“.

**) Памятью об этом царе до сих пор стоят часовни—у вокзала и на Новом Базаре и храм во имя св. Александра Невского в Троицкой слободе. Построены эти часовни в 60-х годах, а храм в 1884 году.

прочитана была первая публичная лекция *) (17 янв. 1860 г.), была устроена первая сельско-хозяйственная выставка (1 сентября 1860 г.), прошли на Рязань железные дороги— в 1862 г. из Москвы, в 1864 из Козлова, стали открывать разные общества, напр., в 1866 г. общество сельского хозяйства, появились общественные учреждения, напр., в 1863 г. общественный банк Сергея Живаго, появились новые учебные заведения—в 1869 г.—Александровская Учительская Семинария, в 1870—Мариинская женская гимназия, открыты были городские школы, ремесленное училище... Строятся новые здания, уничтожаются старые.

Началась новая, молодая Рязань, старинная Рязань уходит все дальше и дальше в туманную даль прошлого.

Есть в Рязани дома, что замечательны не стариной: в них старинного сохранилось очень мало, замечательны эти дома тем, что в них жили знаменитые рязанские люди.

Вот, почти на углу Николо-дворянской и Владимирской улиц стоит одноэтажный деревянный дом. На этом доме прибита мраморная доска с такою надписью: „Дом, где во время обучения в Рязанской гимназии жил 1832—38-г. поэт Яков Петрович Полонский „родившийся в Рязани 6 декабря 1820 г. Умер 18-го октября 1898 г., погребен в Ольговом монастыре Рязанской губ.“

Яков Петрович Полонский родился 6 декабря 1820 года в Рязани в небогатой дворянской семье. Здесь, в Рязани, он провел свое детство. Лет пяти или шести он стал учиться грамоте по азбуке с лубочными картинками, учился он дома, а учили его семинаристы, только французскому языку учиться он ходил к жене учителя французского языка в гимназии. Вот у нее, как-то раз попалась ему тетрадка со стихами Пушкина „Братья разбойники“. Он прочел их и так увлекся ими, что забыл все на свете.

*) Первые публичные лекции в Рязани читал Дмитрий Иванович Ростиславов. Он уроженец Рязанской губ., сын священника, учился в здешней семинарии, а потом в Петербургской Духовной Академии. Он был профессором, читал лекции в Академии. Когда его здоровье расстроилось, он переехал в Рязань, вот тогда-то он и читал здесь публичные лекции, сначала в здании Духовной семинарии, а потом в зале Благородного Соборания: читал он лекции бесплатно, несколько лет; лекции эти были по географии, геологии, метеорологии. Д. И. Ростиславов замечателен своими работами, сочинениями о жизни духовенства, часть их напечатана за границей, потому что в России их печатать не позволяли. Умер Д. И. в 1877 году в Рязани, здесь он и погребен.

Когда Полонскому было 10 лет, мать у него умерла, отец уехал из Рязани далеко, на Кавказ, на службу, а их всех шестерых сирот взяли на воспитание тетки по матери. У одной из его теток, Алекс. Богд. Кафтыревой был тот самый дом на Николо-Дворянской улице, на котором прибита мраморная доска. Одиннадцати летотдали Полонского в гимназию. По математике он учился плоховато и на грамматические ошибки был великий мастер, но за то много читал и очень хорошо учился по словесности. *)

В Рязанском Историческом музее хранится сочинение, которое Полонский писал на экзамене. Окончил гимназию он в 1838 году, а потом поступил в университет на юридический факультет. Денег у него не было, приходилось давать дешевые уроки, иной раз калач. с чаем заменял для него обед, зимой в трескучие морозы ходил он без колош, в легонькой шинельке, а когда кончил он университет, пришлось ему продавать часы, чтобы купить одежду. Нужно было поступать на службу, и он поступил в чиновники сперва на Кавказе, потом в Петербурге.

Еще гимназистом Полонский начал писать стихи; когда он был в 6 классе гимназии, через Рязань проезжал наследник Александр Николаевич, а с ним его воспитатель В. А. Жуковский. Директор гимназии поручил Полонскому написать приветственные стихи. Полонский написал. Стихи понравились и наследнику и его воспитателю. Наследник благодарил Полонского за стихи и подарил ему часы, те самые часы он после продал, чтобы купить себе одежду. И после того Полонский сочинял стихи и, конечно, все лучше и лучше. Когда ему было 24 года, он уже напечатал целый сборник своих стихов, и эти стихи тогда очень все хвалили. Так до конца своей жизни Полонский и писал стихи и этими стихами прославился и сделался одним из самых знаменитых русских писателей. Много его стихотворений печатается в хрестоматиях, есть у него такие стихи, которые поются в народе, как песни, например: „Мой костер в тумане светит“, „В одной знакомой улице я помню старый дом“.

Под конец жизни Я. П. Полонский стал хворать, ходил на костылях. Эти костыли тоже хранятся в историческом музее. Здесь же хранится серебряный венок, который поднесли ему по случаю пятидесятилетия его писательской деятельности.

*) О своих школьных годах Полонский написал воспоминания. Они напечатаны в Исторической записке Рязанской 1 гимназии.

Умер он 18 октября 1898 года в Петрограде, а скоро-
нили его, в Ольгове монастыре. Так он завещал.

На Семинарской улице, близ того тупичка, что у семи-
нарской церкви, стоят два дома, выкрашенные в гороховый
цвет. В одном из этих домов жила писательница Надежда
Дмитриевна Хвошинская, по мужу Заиончковская, свои со-
чинения она надписывала фамилией В. Крестовский.

Родилась Н. Д. Хвошинская в 1825 году. Четырех лет
она уже умела читать и писать по-русски, а 6 лет и по-
французски, и чуть ли не с этих пор больше всего на све-
те полюбились ей книги. Лет 13—14 отправили ее в Моск-
ву к дяде; в Москве она некоторое время училась в инсти-
туте, но не там она узнала все, чем она образовала свой
ум и сердце, а из книг, читала она их очень много. С малых
лет она пробовала и сама сочинять, сначала сочиняла сти-
хи по разным домашним случаям; дальше—больше: подро-
сла, пробовала сочинять исторические романы, а особенно
опять-таки стихи. Отец у нея был человек образованный, он
ее поощрял. Лет 22, в 1847 году, она попробовала послать
стихи в один журнал, их напечатали, так с тех пор и стала
она посылать стихи, то в один журнал, то в другой. Про-
шло три года, и вот в 1850 году послала она в один жур-
нал повесть, а подписалась под нею: В. Крестовский.
Повесть напечатали, и начала Н. Д. с тех пор писать
повести и романы и подписывалась все тем же именем:
В. Крестовский.

До 27 лет жила Н. Д. в Рязани, с'ездила не-надолго
в Петербург, потом вернулась опять в Рязань и тут прожи-
ла почти всю свою жизнь. У нее и у ее сестры Софьи Дмит-
риевны часто собиралась рязанская молодежь—гимназисты:
узнавали о новых книгах, слушали умные разговоры, чита-
ли, спорили.

Н. Д. была очень робкая, скромная, с малых лет и до
старости прожила в нужде: сначала отец был без места, по-
том умер, и приходилось ей своими сочинениями и самой
кормиться и семью содержать, а у ней на руках была мать
старуха да больная сестра. Нужно было работать очень мно-
го, а писательский труд—тяжелый.

В 1881 году переехала Н. Д. в Петербург, а там воздух
сырой, вредный: она заболела воспалением легких. Болезнь
прошла, а легкие остались плохими. Нужно было отдохнуть,
полечиться, а денег не было. Есть в Петербурге общество,
которое выдает пособия писателям. Вот из этого общества

выдали пособие и Н. Д. Повезли ее на дачу, а она через две недели умерла. Случилось это в 1889 году.

Написано Н. Д. очень много рассказов, повестей и романов, писала она и другие статьи. В романах и повестях она описывает, как жили люди в провинции в ее время, иной раз описывает она и рязанскую жизнь, например, в романе „Баритон“.

В Рязанском Историческом Музее хранятся вещи Н. Д. Хвошинской: столик, рисунки, черновики рассказов; тут же ее портрет, нарисованный знаменитым рязанским художником И. П. Пожалостиным.

У Н. Д. Хвошинской Зайончковской была сестра Софья Дмитриевна. Она тоже родилась в Рязани, в 1828 году, и тоже была писательницей, писала она под именем Ивана Весельева в разных журналах в 60-х годах, лет 50 тому назад; писала она и рассказы, и другие статьи, например, о выставке картин, о женском труде и пр. Она умела хорошо писать портреты и картины. В Историческом музее хранится ее картина „Исповедь умирающего“. Умерла она в Рязани 5 августа 1865 г., а схоронили ее в Спасском монастыре.

На углу Владимирской и Абрамовской улиц стоит большой старинный каменный дом, который теперь принадлежит г. Стародубской; тоже старинный большой каменный дом, с балконом, стоит и на углу Большой и Никольской улицы, против 1-й гимназии, теперь он принадлежит Морозову. Вот в этих домах жил знаменитый русский писатель Михаил Евграфович Салтыков. Жил он в прошлом, 19-м, веке: родился в 1826 году, а умер в 1889. Свои сочинения он подписывал большею частью именем Н. Щедрин.

В них он описывал русскую жизнь, русские порядки, русских людей и так описывал, что тому, кто читает эти его сочинения, и смешно становится и горько, что такие были у нас глупые нелепые порядки, что так мало люди думали о всем хорошем, высоком и светлом. Такие сочинения, в которых жизнь людей описывается так, что все плохое в ней сочинитель осмеивает, называются сатирами. Вот за них и называют Салтыкова „великим русским сатириком“.

В Рязань Салтыков попал вот как: он не только был писателем, он и служил, был чиновником, служил он и в Рязани: сначала вице-губернатором с 1858 до 1860 г., а с 1867 до 1868 года управляющим Рязанской Казенной Палатой.

А вот неизвестно, в каком доме родился в Рязани 12 июня 1816 года знаменитый русский художник Петр Михайлович Боклевский. Здесь в гимназии он и учился; он окончил ее в 1834 г., а потом он учился в университете. У Боклевского мать очень хорошо рисовала акварелью (водяные краски), от матери эта способность к живописи перешла к сыну. Еще в университете он был известен рисунками, на которых он в смешном виде изображал университетское начальство. Свой талант он не зарыл в землю: поехал в Петербург учиться в академии художеств, потом учился за границей, пешком исходил Швейцарию, Италию Испанию, Южную Францию, работал в библиотеках, в музеях. Вернувшись в Россию Боклевский и портреты писал, и служил, и в то же время рисовал иллюстрации (картины) к сочинениям знаменитых русских писателей—Гоголя, Тургенева, Достоевского, Островского, Л. Толстого, Мельникова, Пушкина. Этими рисунками он и прославился: он так хорошо нарисовал тех людей, про которых говорится у этих писателей, как будто он их видел живыми и будто его рисунки—их портреты, иначе даже и представить себе нельзя этих людей.

Только случилась с рисунками Боклевского большая беда: жил он одно время в Скопине, и вот в 1869 году дом, где он жил, сгорел, и сгорело в нем много его картин и рисунков. И все-таки много уцелело: его дочь пожертвовала в Московский Исторический Музей больше 1000 его картин и рисунков: тут и иллюстрации к писателям и рисунки, изображающие духовенство и крестьян Рязанской губернии. Часть рисунков Боклевского напечатана, а часть до сих пор еще не напечатана.

Умер он 10 января 1897 года, а похоронили его в Св. Духовом монастыре близ Скопина.

Неизвестно также, в каком доме родился в Рязани в 1845 г. один из русских композиторов—сочинителей романсов, песен—Леонид Дмитриевич Малашкин. Уж с детства он пристрастился к музыке и рано научился играть на фортепьяно. Родители отдали его учиться в коммерческое училище в Москве, он его бросил, пошел вольнослушателем в университет и там не доучился. Задумал дедушка пристроить его к сельскому хозяйству, стал посылать его в поле, а он соберет мужиков, баб, заставит их петь песни, а сам записывает напевы. Его тянуло к музыке, за музыку он и принимался. Уехал за границу, в Берлин, поступил в консерваторию (музыкальная школа), брал уроки у знаменитых музыкантов, стал сам сочинять. Когда он вернулся в Россию, то

жил долго в Киеве, был там капельмейстером *) в театре. Он сочинил оперу „Илья Муромец“, романсы, напр: „Так жизнь“, „Не скажу никому“, „Одинокая слезка“, „Я встретил вас“, „О, еслиб мог выразить“. Сочинял он и духовные песнопения. Умер он 29 января 1902 г. в Москве.

Соеди тех русских писателей, которые сочиняли для театра, есть тоже уроженец города Рязани: это Николай Яковлевич Соловьев. Он сочинил комедию „Женитьба Белугина“, „Счастливей день“, „На пороге к делу“, „Дикарка“, „Светит, да не греет“ и другие. Родился он в 1845 году в Рязани, а в каком доме, неизвестно. Он рано осиротел, семи лет, и много с тех пор довелось ему видеть нужды и горя. Учился он сначала в рязанской гимназии, потом в университете, только университет ему окончить не пришлось, потому что не начто ему было и учиться и жить: пришлось не учиться, а зарабатывать кусок хлеба. Он нашел место учителя в Калужской губернии и туда уехал. В своей горькой жизни одно он видел утешенье—ходить в театр. Много перевидал он там разных пьес, стал пробовать и сам сочинять их еще студентом, а когда служил, учителем, написал комедию „Женитьба Белугина“. Эту его комедию один знакомый его показал знаменитому русскому писателю Островскому. Островскому та комедия очень понравилась, он познакомился с Н. Я. и предложил ему работать с ним вместе. В это время Н. Я. и написал большую часть своих сочинений. Незадолго до смерти он переехал в гор. Юхнов Смоленской губ. Там он и умер 27 ноября 1898 года.

На Рязанских кладбищах есть могилы некоторых знаменитых рязанцев. Вот, например, в Спасском монастыре есть могила Софьи Дмитриевны Хвошинской, писательницы и художницы, сестры Н. Д. Хвошинской-Зайончковской. Есть там еще могила, на которой стоит железный крест, а на кресте надпись: „Иван Петрович Пожалостин. Профессор академий художеств 1837—1909“. И. П. Пожалостин знаменитый русский гравер, а граверами называются художники, которые особыми резцами вырезают рисунки на деревянных или медных досках, чтобы этими досками печатали рисунки на бумаге. Родился он 25 мая 1837 г. в с. Еглдаеве, Рязанской губ. в семье бедного однодворца. У него рано

*) Управлял оркестром

умерли отец с матерью, и некому было о нем позаботиться. Нашелся один добрый человек, пожалел его и поместил в рязанский приют для сирот. Здесь И. П. и получил свое образование. Больше всех предметов он любил рисование и рисовал необыкновенно хорошо. Окончил И. П. ученье в приюте, а больше уже не мог учиться, потому что он был человек совсем бедный; приходилось ему зарабатывать себе кусок хлеба, и вот нашел он себе место волостного писаря в с. Солотче, Рязанского уезда. Пробыл он в этой должности недолго: на него обратил внимание директор рязанской гимназии Шиллинг и похлопотал, чтобы его определили в академию художеств в Петрограде. В академии художеств И. П. поместили в тот класс, где учат гравировать. Это искусство очень далось И. П., за свои гравюры он получил несколько серебряных и золотых медалей, звание художника I степени и академика, а когда он кончил академию, его отправили на казенный счет за границу совершенствоваться в искусстве гравирования у знаменитых заграничных граверов. Пробыл за границей он два года, а когда вернулся, его определили на должность профессора гравирования. Профессором он был до 1892 года. Потом ему пришлось уйти в отставку. Он приехал тогда в Рязань и жил здесь сначала на Сефной площади в доме свящ. Солнцева, а потом на Селезневской улице в доме № 16, теперь этот дом принадлежит г. Крастингу. В этом доме И. П. и скончался 25 декабря 1909 года.

И. П. сделал очень много гравюр: 12 картин и до 50 портретов знаменитых русских людей. Самые лучшие из его гравюр с картины Л. Караджи „Несение креста Спасителем“ и с картины В. Перова „Птицелов“. Есть у И. П. еще две замечательные гравюры, только они не закончены: это гравюры с картины Иванова „Явление Христа народу“ и с картины Карзухина „Праздник в деревне“. В Рязанском Историческом Музее хранятся некоторые гравюры И. П., а на стене висит его гравюра с картины Угрюмова „Испытание силы Яна Усмовича“. За эту гравюру он удостоен был звания академика.

И. П. Пожалостин написал воспоминание о своей жизни: они напечатаны в журнале „Русская старина“ за 1881 г. О его гравюрах написано в „Словаре русских граверов“ Д. Ровинского и в книге С. П. Виноградова „Гравюры И. П. Пожалостина“.

На кладбище Троицкого монастыря есть памятник, на котором написано, что там погребен Андрей Михайлович

Живаго, а еще сделана на этом памятнике такая надпись: „Благодарное Рязанское Городское Общество согражданину своему, за внука его Сергея Афанасьевича, благотворителю общества“.

Поставлен этот памятник вот почему.

В начале 1862 года задумали в Рязани устроить городской банк. В это время проживал в Москве рязанский уроженец московский купец, Сергей Афанасьевич Живаго.

Он узнал о затее рязанцев и в ноябре того же года предложил рязанскому городскому обществу для учреждения банка 20 000 рублей и такие еще предложил условия, чтобы часть прибыли банка шла на родовспомогательное заведение, часть — на устройство приюта для несчастнорожденных младенцев и ремесленного училища, часть — на пособие бедным девушкам купеческого и мещанского звания при выходе замуж, часть — на больницу и училище при женском Казанском монастыре, часть — на нужды города, а часть в основной и запасный капитал.

Рязанская городская дума предложение С. А. приняла, и 1 июля 1863 года общественный банк был открыт, назван он был общественным банком Сергея Живаго. В этот банк С. А. перевел в виде вклада на вечные времена 10 000 рублей из московской сохранной казны, а туда он их положил еще в 1854 году для того, чтобы проценты с них каждый год раздавались бедным из купцов и мещан города Рязани.

Открыт был С. Живаго банк в 1863 году, через 50 лет его 20 000 р. принесли городу чистой прибыли 2½ миллиона; на прибыли банка содержалось ремесленное училище и родильный дом; кроме этого, из банка брали ссуды и городская дума и рязанские жители, а у кого были деньги, те берегли их в банке.

Когда Живаго дал деньги рязанскому городскому обществу он, кроме других условий, предложил и такое: „Чтобы члены городского общества приняли на совесть наблюдение за поддержкой в приличном состоянии его родственников, покоящихся в г. Рязани, а именно: в Троицком монастыре Андрея Михайловича, в Спасском монастыре родителей его, Афанасия Андреевича и Марину Ивановну Живаго, и в Явленском девичьем монастыре — брата Михаила Афанасьевича Живаго“. Вот поэтому-то Городская дума и поставила памятник над могилой дедушки С. А. Живаго. *)

*) В Историческом музее есть большой портрет С. А. Живаго. Снимок с этого портрета был помещен в газете „Рязанская Жизнь“ 30 июня 1913 года. Там в этом номере есть и рисунок старого здания банка, и подробная статья В. Д. по поводу пятидесятилетия банка.

На Лазаревском кладбище погребен протоиерей Михаил Александрович Виноградов — известный композитор: он сочинил много духовных песнопений, его „Милость мира“ и „Тебе поем“ поют в каждом храме. Еще мальчиком взят он был в архиерейский хор певчим, а 19 ти лет сделали его уже регентом этого хора, и управлял он им до 1867 года. Священствовал он в разных храмах, а под конец жизни в храме вмуч. Екатерины. Он умер 30 января 1888 года.

В Рязани же умер Лаврентий Алексеевич Загоскин, путешественник. Был он моряком и служил с 1838 по 1846 г. в Российско американской компании. Вот эта компания отправила его в путешествие в ту часть Северной Америки, которая в те годы принадлежала России. Почти два с половиною года был он в этом трудном и опасном путешествии, пешком исходил много верст, много нового узнал про те страны и вывез оттуда большие собрания по этнографии, зоологии, ботанике и минералогии. Свое путешествие он описал в книге: „Пешеходная опись части русских владений в Америке“. Эта книга очень хорошая. Академия наук удостоила его за нее Демидовской премии.

Умер Л. А. 22 января 1890 г.

В Рязани умер и знаменитый русский учитель Николай Петрович Столпянский. Был он сыном дьячка села Острова, Егорьевского уезда; учился сначала в Зарайском духовном училище, потом в Рязанской духовной семинарии. Кончил он семинарию и ушел пешком в Москву учиться в университете; только по разным причинам университет окончить ему не удалось, не удалось ему окончить и военно-медицинскую академию в Петербурге; но и не окончив высшего учебного заведения, он много пользы принес русскому народу, а пользу он принес тем, что был учителем: учил он и грамоте и ручному труду, учил и солдат, и рабочих, и крестьян, и взрослых, и малых ребятишек, и в воскресных школах и в вечерних и в летних. Стал он учить народ еще студентом. Жил он в ту пору одно лето на даче под Москвою; гулял он там около речки, встретил ребятишек, начал учить, ребятишки разохотились, тогда он устроил школу в хлеву. Дело пошло хорошо: ребятишки стали читать, писать. Узнали про это мужики, отвели под школу хорошую избу. Солдат он и сам учил, да так, что в классе у него сиживали сразу человек по 300, и школы для них устраивал в разных городах по поручению военного ведомства, и учителей готовил для этих школ. Придумал он и способ, как проще

и легче обучать грамоте и ручному труду, написал много сочинений об обучении народа грамоте, составил буквари и другие учебные книги. Так вот и прошло у Н. П. в такой работе 30 лет жизни. Умер он в 1909 году *).

Говорят, что в Рязани умер 26 октября 1812 года знаменитый русский архитектор Матвей Федорович Казаков. По его рисункам построено в Москве много замечательных зданий, например, здание Сената в Кремле, Петровский дворец, университет и много еще других. На каком кладбище погребен М. Ф. Казаков, неизвестно; одно время говорили, что по бумагам видно, что погребен он в Троицком монастыре.

Кроме этих людей, чем-нибудь известных, были в Рязани, конечно, и другие; если о них здесь не написано, то это потому, что я о них не знал. Здесь не написано и о многом еще, что было в Рязани после 60-х годов, а случилось здесь многое, и много было разных перемен, и самый город изменил свой вид.

Если хватит у меня силы и умения, я и это все опишу и исправлю те ошибки и пропуски, какие встретятся в этой книге.

*) Кто хочет узнать о писателях, ученых и художниках, уроженцах Рязанской губернии, пусть прочтет книгу: „Библиографический словарь писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии“, Издание Ряз. Арх. Комиссии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

№№	Стр.
1. Старина незапамятная	5
2. Как Переяславль основали	8
3. Как Переяславль сделался стольным городом.	10
4. Как не стало больше Рязанского княжества .	16
5. Как Переяславль стал губернским городом Рязанью	19
6. Рязанский герб	25
7. По переяславским укреплениям	30
8. В Переяславле	40
9. В губернском городе Рязани	100

От О-ва Исследователей Рязанского Края.

Обществом Исследователей Рязанского Края подготовлены к печати 14 сборников „ТРУДОВ О-ВА“, которые будут печататься по мере возможности.

Работы предназначенные к печатанию в сборниках расположены приблизительно в таком порядке:

1. „Из материалов по флоре и фауне Рязанского Края (работы: проф. А. И. Белицера, П. И. Процера, А. Т. Яценко, П. В. Карасева, С. И. Добринской, Э. А. Бекштрем)“.
2. „Флора и фауна севера Рязанского Края“, (работы Н. С. Кобозева и Э. А. Бекштрем).
3. „Материалы по народному творчеству Рязанского Края (работы проф. Н. П. Сидорова, А. Г. Цейтлина и др.). Под редакцией проф. Н. П. Сидорова“.
4. „Из истории революционного движения в Рязанском Крае (работы Н. А. Дорогутина, В. Н. Мещерина и В. А. Сушицкого)“.
5. „Н. А. Дорогутин — Революционерка Н. С. Климова (ее жизнь и деятельность)“.
6. Н. И. Лебедева — „Современное состояние вожской засеки“.
7. Н. И. Лебедева — „Материалы к археологической карте Рязанского Края“.
8. В. Д. Бакулин — „Село Ижевское, Спасского уезда, его прошлое и настоящее“.
9. „Из материалов по истории и этнографии Спасского уезда (работы: В. Д. Бакулина, А. М. Постникова, А. Ф. Федорова и Т. М. Королева)“.
10. „Из материалов для характеристики уроженцев Рязанского Края (работы: Д. Д. Солодовникова, проф. Н. П. Сидорова, Н. А. Дорогутина, Н. Г. Бережкова, Н. В. Говорова, В. И. Смирновой и др)“.
11. Л. И. Жирков — Рязанский узел в теории Шахматова об образовании русских наречий“.
12. „Из материалов по истории Рязанского Края“ (работы: Д. Д. Солодовникова, М. А. Александровой, Н. А. Дорогутина, Н. В. Говорова и др).
13. „Из истории О-ва Исследователей Рязанского Края (Годичные отчеты, протоколы заседаний и прочие материалы)“.
14. „К. А. Тимирязев (работы: П. В. Карасева, Ф. Ф. Дучинского, П. И. Процера, и Я. В. Кеткевича)“.

Подготавливается к печати.

Д. Д. Солодовников — „Хрестоматия по истории местного края“.

Вышли из печати.

„Инструкции по собиранию материалов в естественно-исторической области“ (составлены: С. А. Страдовским, А. Т. Яценко, Н. К. Васильевым, В. М. Чумаковым, В. М. Косулиным).

Рязань. 1922 г. Изд. О-ва Исследов. Рязан. Края. — Цена 35 руб. —

(Продается в магазине Губиздата — угол Почтовой и Астраханки).

THE HISTORY OF THE

... of the ...

... of the ...

... of the ...

... of the ...

... of the ...

... of the ...

... of the ...

... of the ...

THE HISTORY OF THE

... of the ...

... of the ...

... of the ...

